

Приложение к Библиотеке
Англо-американской Классической Фантастики

ГЕНРИ КАТТНЕР

Приложение к БУДУЩЕ

ВЛАСТЬ И СЛАВА

ГЕНРИ КАТТНЕР

ВЛАСТЬ И СЛАВА

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Приложение к Библиотеке
Англо-американской Классической Фантастики

ВЛАСТЬ И СЛАВА

Генри Каттнер

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«БААКФ»
2017

БААКФ-приложение 08 (2017)

Клубное издание

ВЛАСТЬ И СЛАВА. Генри Каттнер.
Сборник фантастики.
(а.л.: 10,42)

Составитель Андрей Бурцев.

Некоммерческий проект для ознакомления.
Предназначено исключительно для
культурно-просветительских целей.

© Бурцев А.Б., перевод, состав
© Бурцев А.Б., название серии: БААКФ — «Библиотека
англо-американской классической фантастики»

STARTLING STORIES

Lord OF THE STORM

*A Novel of
the Future*

By KEITH
HAMMOND

THE CIRCLE OF ZERO

*A Hall of
Fame Classic*
By STANLEY G.
WEINBAUM

ПОВЕЛИТЕЛЬ БУРИ

ГЛАВА I. Рождение нового лидера

ХЭВЕРШЕМ уставился на огромную белую башню больницы, залитую светом. На его бледном лице выступили крупные капли пота. Раздался отдаленный стук копыт, и он вжался в пухлое сиденье машины, расслабившись только когда стражник с развевающейся алой накидкой и золотым шлемом, блестящим под раскачивающимся плюмажем, галопом проскакал мимо.

Сталелитейщик помял костлявыми пальцами красновато-коричневую накидку.

— Я сам его убью, — шепотом сказал он, — если мой сын вырастет и станет одним из этих напыщенных засранцев...

— Полегче, Джон, — сказал человек, сидящий рядом с ним. — Полегче! Надо придерживаться плана.

Хэвершем снова взглянул на больницу. Он был моложе своего спутника, но выглядел старше. Его костлявое лицо было суровым и фанатичным.

— Плана! — воскликнул он. — Нам пора действовать!

— Пока еще рано.

— А когда будет не рано? Через несколько лет, Кеннард? А, может, веков?

— Возможно, — ответил чей-то тихий голос, и Кеннард Ла Бушери, грузный и неуклюжий, как мастодонт, в многослойной накидке, побарабанил толстыми пальцами по рычагу коробки передач.

В его руках сосредоточилась вся человеческая ловкость, а толстые бесформенные перчатки выглядели обманчиво. Ла Бушери мог управляться скальпелем и микроскопом не хуже, чем с пулеметом, или мог стискивать обманчиво неуклюжие пальцы на горле врага.

Предпочтительно, на горле кромвеллианина.

— Знаю, — сказал Хэвершем. — Ждать всегда трудно.

— Ты уверен насчет Марго?

— Она не проговорится.

— Даже под наркотиками?

— Она мало что знает, — еще раз яростно стиснув накидку, выпалил Хэвершем. — По крайней мере, про меня... про нас — фрименов.

Ла Бушери положил ему на колено тяжелую руку, призывая успокоиться.

Сталелитейщик затаил дыхание.

— Они не боги, — запротестовал он. — Ты начинаешь верить в собственные мифы?

— Мифы? — Лицо толстяка Ла Бушери стало похожим на улыбающийся череп, когда его губы растянулись в ухмылке. — Кто сказал, что это мифы? Да, я однажды выразился иносказательно. Таким людям, как мои, нельзя выкладывать все напрямую, Джон. Кромвеллиане действительно обладают практически богоподобными научными возможностями. И, как они, вообще, их получили?

33 Знаешь ли ты уставы неба, можешь ли установить господство его на земле?

34 Можешь ли возвысить голос твой к облакам, чтобы вода в обилии покрыла тебя?

35 Можешь ли посылать молнии, и пойдут ли они и скажут ли тебе: вот мы?

36 Кто вложил мудрость в сердце, или кто дал смысл разуму?
(Книга Иова, 38:33 — 38:36)

— Знаю. — Хэвершем махнул рукой в сторону больницы, указывая на террасу с садами. — У нас бы тоже были подобные возможностей, если бы они поколениями не снимали сливки, начиная прямо с колыбели. Если бы они только оставили нам какого-нибудь лидера!

— Не оставят. Можешь не сомневаться. — Ла Бушери снял шляпу с перьями и потер красную полосу на лбу от ее полей. — У нас нет лидеров, — усталым голосом продолжал он. — Все, что у нас есть, — слабаки, которые иногда понимают тебя и то, если только ты говоришь иносказательно. Мифами. Они не так далеки от правды, Джон. И нам надо быть осторожными, если мы хотим выйти сухими из воды.

— У нас все получится. Мой сын не вырастет кромвеллианским лидером.

И Хэвершем показал из-под руки смертоносное дуло лучевого пистолета.

— Убери его, — повелительно прорычал Ла Бушери, — дурак!

СНОВА послышался стук копыт. Хэвершем тут же спрятал пистолет.

Маленькие глаза Ла Бушери неохотно засветились от уважения при виде приближающегося всадника в форме, даже несмотря на

LORD OF THE STORM

By KENNETH HAMMOND

Thunder and lightning, storm and flood—these are the weapons of Mari Havels as he champions humanity in its epochal struggle against evil tyranny and destruction!

то, что все мышцы его грузного тела напряглись в ожидании худшего. Но стражник в алой накидке и золотом шлеме лишь мельком глянул на простых людей в простой машине. Его шлем был лихо сдвинут набекрень, а накидка развевалась над лошадиной спиной и поблескивающим крестцом. Он проехал мимо — и Ла Бушери, будучи выдающимся денди даже в эпоху денди, позавидовал одеянию алых с золотом цветов и великолепной лошади, натертой воском до яркого блеска...

У Хэвершема не возникло таких чувств. Его мысли занимал только новорожденный сын, находящийся в огромной больнице, возвышающей над ними. Он пристально посмотрел на Ла Бушери и дернул головой в сторону удаляющегося всадника.

— Иногда мне кажется, что ты завидуешь этим павлинам, — заметил Хэвершем.

— Я мог стать одним из них, — медленно ответил толстяк. — Мог стать... Лидером. — Под толстой маской жира вновь выступили очертания черепа, а в глазах сверкнула злоба. — Но не стал. И никогда не стану, особенно теперь.

Но Хэвершем пропустил это мимо ушей.

— Мой сын... они его не получают. Я не отдам его в лидерские ясли и не позволю всю жизнь работать на правосудие. Правосудие! Сотню лет назад еще может быть, но только не сейчас.

— Возможно, они и не возьмут его, — сказал Ла Бушери.

— Возьмут. Предварительные тесты показали, что его способности превосходят порог... значительно превосходят. Они возьмут его, если смогут.

— Поглядим, — серьезно ответил Ла Бушери. — Наверное, уже пора, Джон. Нельзя заставлять ждать их. Знаешь, ты же всего лишь отец.

— И простолудин, — проворчал Хэвершем.

Он нажал кнопку двери и вышел из машины, чтобы секунду постоять в тишине, любуясь холодным великолепием больничной башни, возвышающейся, как зиккурат, среди залитых лунным светом садов на террасе, украшенной балюстрадами и изящными балконами в стиле рококо. Над центральной башней нависала гигантская мраморная фигура слепой богини с весами в руке – богини правосудия, являвшегося символом мира 1970-ых годов, где никакого правосудия не было и в помине.

Хэвершем взглянул на огромную статую. Затем содрогнулся и повернулся к Ла Бушери.

– Если у нас ничего не выйдет... – начал он.

– Я сделаю, что смогу. Я заберу твоего сына, если получится. И дам ему правильное воспитание.

Тут Хэвершем почувствовал какой-то холодок и сверхъестественное предчувствие будущего. Он посмотрел на Ла Бушери, тайного вождя фрименов, внезапно прояснившимся взглядом, и плоть, казалось, отслоилась от круглого лица, оставив лишь голый череп. И еще кое-что. Яркое пламя, сияющее неугасающей яростью, и загадочные мотивы, сделавшие Ла Бушери тем, кем он являлся, человеком, бросившим вызов целому миру.

– Удачи, – пожелал Ла Бушери.

Хэвершем молча кивнул и повернулся к сводчатому входу в больницу. Под фиолетовой туникой он чувствовал два громоздких пистолета, надежно спрятанных в экранированные кобуры, непроницаемые для лучей металлодетектора. Носить такое оружие, разумеется, считалось государственной изменой. В мире, где правила Лидеры, можно было владеть только смехотворными игрушками, называющимися световыми мечами.

Хэвершем пожал плечами. По всей вероятности, ему все-таки придется воспользоваться пистолетами.

Пару лет назад фойе больницы было белым и пустым, как греческий театр, но современная мода настигла это место и подавила простоту. Теперь на стенах висели полосы узорчатого искусственного бархата, а деревянные стойки ожидания заменили на мягкие диваны богатых, насыщенных цветов. Все больницы, служащие Лидерам, могли позволить себе подобные излишества.

Хэвершем свирепо посмотрел на объемную фреску, блестящую на стене. Он не хотел, чтобы Марго рожала здесь. Альтернативой, разумеется, была бы одна из переполненных, неудобных больниц для простолюдинов, но это все лучше, чем просить одолжения у Алекса Ллевелина. Он с легкостью мог сделать, что угодно, поскольку являлся Лидером.

Возможно, за последние два года Марго не раз пожалела, что вышла замуж не за Ллевелина, а за мужчину с суровым, худым лицом.

И почему она так не сделала? У Ллевелина было все, чего не было у Хэвершема: красота, добродушие, успешность, к тому же он никогда не думал ни о чем серьезном. Ллевелин жил жизнью средневековой знати, а Хэвершем – жизнью крепостного. Но Марго никогда не жаловалась, вообще никогда, хотя, тем не менее, наверняка осознала огромную пропасть между ними.

ХЭВЕРШЕМ нахмурился, взял шляпу в руку и принялся протискиваться через толпу модных леди и важных джентльменов в вестибюле. Мужчины щеголяли разноцветными накидками, а женщины выставляли напоказ облегающую греческую одежду, передвигаясь маленькими нетвердыми шажками на высоких каблуках и бросая взгляды через прозрачные темные кружева, скромно прячущие их лица. Большинство из них сопровождали престарелые компаньонки с острыми глазками, стражи нового морального кодекса, начинающего ревностно охранять женского целомудрие.

– Что желаете, сэр?

Хэвершем остановился перед одним из приемных окошек. За стеклом показался служащий.

– Я Джон Хэвершем. Меня ждет доктор Торнли. Код семнадцать био-сорок.

– Лифт двадцать четыре.

Над открывающейся дверью засветилась лампочка, и Хэвершем вошел в кабинку, а его сердце застучало часто и сильно.

Доктор Торнли с ярко-румяным лицом встретил его в коридоре наверху.

– Доброго здравия, Хэвершем! У меня хорошие новости.

– Хорошие новости?

– Да. Я... Но вы, наверное, сначала хотите увидеть жену. Ей я еще не говорил. Но вы сами можете догадаться, в чем дело. Это великая честь, Хэвершем!

Темное лицо Хэвершема помрачнело еще сильнее. Он пошел за Торнли по коридору, размышляя о Марго, об Алексе Ллевелине и том, что должен сделать сегодня вечером. Хэвершем думал о своем новорожденном сыне, о земном освободительном движении и обо всех бесправных людях, ищущих у Ла Бушери наставлений и поддержки.

Блестящие черные волосы Марго кольцами лежали на подушке. Она улыбнулась ему – очень нежно, очень безнадежно и очень наи-

вно, и в грубом сердце Хэвершема пробудилась непривычная мягкость. Затем он снова стиснул губы.

— Здравствуй, дорогой, — сказала Марго. — Ты буквально на минуту разминулся с Алексом. Знаешь, что он хочет? Забрать малыша Мартина в свой отдел мнемонической психологии. Он говорит, что возможности нашего ребенка превосходят порог.

— О, значит, он вам уже сказал, — разочарованно заметил Торнли и повозился с кнопками у основания кровати. — «Мартин Хэвершем», — прочитал он. — «Потенциальный лидер. Его избрали...»

— Лидер? — грубым голосом спросил Хэвершем. — Какой ветви? Он подходит для отдела мнемоники?

— Пока мы, разумеется, не можем сказать с полной уверенностью. При рождении нам под силу проверить лишь возможности мозга. Но наследные шаблоны говорят о склонности к психологическим наукам. Мартин определенно будет очень умным. Психология, социология — он найдет свое место. И получит наилучшее воспитание в Яслях. — Торнли резко взглянул на Хэвершема. — Кстати, — быстро продолжал он, — это не значит, что вы потеряете статус родителей. Вы останетесь его отцом, а миссис Хэвершем — матерью. Многие этого не понимают. Все совсем не так. Разумеется, Мартина будут воспитывать и обучать в Яслях, но вы сможете видеться с ним, когда вам будет угодно, если, конечно, не станете нарушать его умственное и эмоциональное равновесие.

— Понятно.

— И, со временем, он попадет в отдел исследований и займется тем, что ему по душе. Лидеры живут легкой и беззаботной жизнью, как вам известно. Вашему сыну очень повезло.

— Да, — ответил Хэвершем. — Могу я его увидеть?

— Джон... — сказала Марго.

Сталелитейщик быстро нагнулся и поцеловал ее. Она посмотрела ему вслед, и, когда он ушел вместе с доктором, в ее глазах появилась тень беспокойства.

Торнли привел Хэвершема в тускло освещенное помещение, застекленное с одной стороны. За барьером виднелась небольшая комнатка.

За стеклом появилась медсестра, держащая на руках ребенка, завернутого в одеяло. Она раздвинула складки одеяла, чтобы показать красное, сморщенное личико.

— Насколько я помню, правила запрещают мне подержать его? — спросил Хэвершем.

– Прошу прощения. Только если вы хотите пройти через комнату очищения. Младенец может заразиться каким-нибудь паразитом. Мы не можем так рисковать.

Хэвершем заколебался. Если он снимет одежду, то обнаружится его оружие.

Он сунул руку под накидку и выхватил из кобуры пистолет. Почти мгновенно прицелился и выстрелил. Стекло разбилось, трехметровый круг превратился в звенящие осколки. От неожиданности Торнли разинул рот. Когда Хэвершем вбежал в образовавшийся проем и выхватил младенца из рук ошеломленной медсестры, врач лишь бессильно махнул рукой.

Теплый, живой сверток удобно лег на сгиб локтя Хэвершема. Это был первый и последний раз, когда он взял своего сына на руки, и на него нахлынула теплая волна неожиданных чувств.

Лидер, ну уж нет! Ненавистный кромвеллианин! Только через труп Хэвершема!

ГЛАВА II. Спасение... и смерть!

ДОКТОР ТОРНЛИ резко развернулся и понесся к двери. Хэвершем быстро прошел через дыру в стекле.

– Стой! – приказал он, и доктор застыл, как вкопанный.

– Святые небеса! Вы сошли с ума? Что вы себе позволяете?

– Заткнись, – крикнул Хэвершем.

Он увидел, что медсестра упала в обморок, это было ему даже на руку. Он ткнул дулом лучевого пистолета Торнли в ребра.

– Ты же знаешь, что он может с тобой сделать, – сказал Хэвершем. – Тебе наверняка приходилось видеть раны, оставленные лучевым пистолетом, не так ли?

Врач содрогнулся.

– Тогда без глупостей. Мы вместе выйдем из больницы. С тобой ничего не случится, если не будешь напрашиваться.

Румяное лицо Торнли покрылось бледными пятнами.

– Вы не можете так поступить, – не смея повернуть головы, сказал он придушенным шепотом. – Тут везде стражники... Вы хотите, чтобы вашего сына убили?

– Если не будет другого выхода. Тогда, он, по крайней мере, не станет Лидером.

– Государственная измена? – в голосе врача послышалось сомнение, поскольку измена приравнивалась к богохульству, хотя прощалась гораздо менее охотно.

– Открой дверь, – приказал Хэвершем. – Быстрее!

Торнли подчинился. Они прошли по пустому коридору. Казалось, никто не услышал звон бьющегося стекла. Та комната, вероятно, была звуконепроницаемой. У лифта Хэвершем оттолкнул Торнли в сторону и подошел так близко, что на экране было видно только его лицо.

– Лифт, пожалуйста.

– Один момент.

Двери раздвинулись. Хэвершем кивнул, держа пистолет наготове, но так, чтобы его не было видно, и Торнли первым зашел в кабину лифта.

Пока никакой тревоги.

Лифт остановился, и дверь открылась. На Хэвершема смотрело трое стражников в красной форме, яркой, как кровь, на фоне бледно-серых стен. Пистолеты были направлены на него.

Хэвершема чуть не стошнило от отчаяния. Перестрелка со стражниками может означать только смерть!

Торнли ожил и попытался выхватить ребенка из рук Хэвершема. Сталелитейщик почти машинально нажал на курок лучевого пистолета. Лицо Торнли превратилось в кровавое месиво. Оказавшийся на пути луча стражник завопил и отлетел назад, а его грудь вогнулась от удара невидимой энергии.

– Черт поberi! – прорычал Хэвершем.

Он прыгнул вбок, чтобы спрятаться за дверью, и снова прицелился. Лифтер припал к полу в углу, его лицо позеленело. Он не станет вмешиваться. Стражники все еще колебались, не смея убить младенца, которому предназначено стать Лидером. Жизнь любого Лидера была неприкосновенна.

Оружие Хэвершема извергнуло еще пару смертоносных зарядов энергии. Стражники погибли, отлетев к стене и разбившись об нее.

Дверь лифта начала закрываться. Хэвершем выскочил через сужающийся проем, мгновенно увидел, что путь свободен, и помчался к выходу, на прохладный ночной воздух, где в фиолетовом небе сверкали звезды, и в машине ждал Ла Бушери...

Но уже подняли тревогу. Послышался топот ног. На полу внезапно разлилось озеро ослепительного белого света.

Что-то просвистело тихим шепотом смерти, и Хэвершем почувствовал, как ему в спину воткнулась иголка. Его тут же охватил холод. Сердце подпрыгнуло, сбилось с нормального ритма, и он понял, что умирает.

Он уже почти добежал до машины. Дверца была открыта, Ла Бушери стоял с вытянутыми руками. Хэвершем пошатнулся вперед

и, перед тем как упасть, бросил завернутого в одеяло младенца в сторону машины. Ла Бушери ловко поймал сверток.

Через мгновение после того, как у Хэвершема подкосились ноги, его встретил покрытый резиной тротуар. Сталелитейщик смутно ощутил удар. Скрипнули шины машины Ла Бушери, когда та сорвалась с места.

Ребенок в безопасности – Мой сын никогда не станет Лидером. По крайней мере, это у меня получилось, подумал Хэвершем

Хэвершем перекатился на спину и увидел гигантскую башню больницы. Где-то в этом огромном строении осталась Марго. Марго!

Над башней возвышалась колоссальная фигура слепой богини. Она вот-вот упадет, подумал он, и раздавит меня. Но, опрокинувшись, фигура каким-то образом растворилась в бесконечном множестве мерцающих точек – звезд, и все погрузилось в крошечную темноту.

Ла Бушери... – в последнюю секунду мелькнуло у Хэвершема в голове.

СТАРУХА прижалась к стене, поплотнее закуталась в грязное тряпье и посмотрела на Ла Бушери, тяжелыми шагами расхаживающего взад-вперед по маленькой комнате. Пару раз она выглянула из окна, но стражники никогда не входили в этот район трущоб, где порок и преступление висели над гниющими домами облаком миазмов.

Ла Бушери резко повернулся к небольшому матрасу, на котором лежал ребенок. Склонился над ним, как гигантский стервятник, грузный и неуклюжий, с развевающейся накидкой. Вытянул голову вперед и сердито посмотрел сверху вниз.

– Мартин Хэвершем! – прошептал Ла Бушери. – Март Хэверс, вот как мы тебя назовем. Мы обучим тебя – во имя Вечности, мы обучим тебя так, как не обучали ни одного человека! Ты выиграешь нашу войну! Но я не забуду того, чего хотел Джон. – Глаза толстяка загорелись огнем. – Когда-нибудь ты убьешь Алекса Ллевелина. И свою мать. Они умрут, все умрут, все эти свиньи, ограбившие меня! Когда-нибудь наступит это время!

Толстые, сильные пальцы походили на когти стервятника.

– А если ты подведешь меня, если посмеешь подвести...

Но Мартин Хэвершем не мог этого понять...

Двадцать пять лет спустя ему все еще было трудно понять эти слова. Ла Бушери уже стукнуло пятьдесят пять, но огонь, горевший в нем с самого начала, еще не потух.

Мир тоже постарел. Но не сильно изменился. Наука, искусство и религия заметно продвинулись после принятия великого закона Правосудия. Несгибаемое правосудие, слепое и холодное, как богиня Фемида, беспристрастно исполняемого Лидерами в стране, занимающей всю планету.

Лидеры. Можно было проследить их становление и узнать, что все началось после разжигания атомного костра и декады политического и морального хаоса, последовавшей за этим событием. Две бесплодных войны, горевших атомным насилием, закончились за считанные недели, но оставили глубокие шрамы в социальной структуре человечества. Затем появился Маккенноу Грили и объяснил, что делать дальше.

Многим показалось, что его предложение хуже проблемы, которую оно решало. Но в течение десяти лет партия Грили получила власть над страной, а еще через десять — над всем миром.

Они называли себя политическими идеалистами, иногда пуританами, но чаще всего кромвеллианами. Краеугольным камнем их системы было несгибаемое правосудие — механическое, неподатливое правосудие, основывающееся на теории Грили, описанной в его труде «Культура человека». Ее основой был естественный отбор.

— В прошлом лидеры рождались в каждой эпохе, — писал он, — мистики: Будда, Аполлоний, Конфуций, ученые: Ньютон, Эдисон, Дарвин, государственные деятели: Макиавелли, Дизраэли, Цезарь, завоеватели: Чингис Хан, Кромвель, Наполеон. Они определенно не являлись сверхлюдьми, но обладали возможностями и потенциалом, не доступными среднему человеку. Такие способности нужно развивать, они должны работать на пользу человечеству и социальной структуре. Эти люди ведут за собой всю расу. Они должны получать известность, а их возможности надо тренировать, чтобы добиваться максимальной эффективности.

Технологически настала новая эра. Электроника вышла на новый уровень. Турбореактивные двигатели создали революцию в авиации. Новые антибиотики расширили перспективы медицины. И однажды, довольно давно, в ноябре 1946-го, человек на легком самолете сбросил в облако два килограмма сухого льда и вызвал первую искусственную снежную бурю.

С этого началась новая наука. Со времени появления человека, он всегда был рабом погоды, вплоть до сегодняшнего дня. Великий Потоп, ледниковые периоды, ураганы, засухи, эрозия — всем этим

пытались управлять, хоть и не всегда получалось то, что нужно, но это было только началом пути. Пути, в некотором смысле, ведущего в тупик, поскольку уже довольно скоро люди поняли, что текущее положение дел им вряд ли удастся улучшить.

Кромвеллиане не посмели развиваться дальше, потому что развитие означает изменение, а застой являлся фундаментом, на котором построен их мир.

И в этом мире вырос Март Хэверс, а Ла Бушери состарился.

Ла Бушери продержался четверть века довольно неплохо, как это часто удается толстякам. Его волосы стали седыми, а глаза — холодными. Жир превратился в гранит, но отлично знавшему его социуму, бросавшему на него лишь мимолетные взгляды, это было невдомек.

Однажды зимней ночью, Ла Бушери сидел в глубоком мягком кресле и улыбался, оглядывая тусклый интерьер ночного клуба на колесах. Его улыбка больше чем когда-либо напоминала безгубую улыбку черепа, но замечали это немногие.

Этим вечером он покинул блестящий, роскошный мегаполис Рено и отправился на вечеринку в печально известные трущобы, находившиеся между городом и космопортами. Большую часть публики составляла молодежь, для которых Ла Бушери являлся неизменной общественной фигурой, наряду с разноцветными пластмассовыми скульптурами Грили в Вашингтоне и богиней на острове Свободы.

ПОД ХОЛОДНЫМИ голубыми звездами, по улицам, освещенным пластмассовыми фонарями меняющихся кричащих цветов, медленно и плавно катился автобус-клуб. Одни танцевали в широком проходе под сентиментальные мелодии вальса. Другие облокачивались на небольшую барную стойку в дальнем конце автобуса, потягивая коктейли и глядя на танцоров. В глубоких креслах, расположенных вдоль ребристых стен, сидели престарелые компаньонки и бдительные мамы. За двадцать пять лет участия в подобных сборищах они совершенно перестали отличаться друг от друга. Танцульки стали анахронизмом.

Яркие разноцветные юбки кружащихся в вальсе девушек приподнимались так, что были видны их нижние юбки в форме колокола. По пластиковому полу шуршали туфельки без каблуков. Молодые люди лихим движением локтя отбрасывали короткие накидки, держа руки рядом с выставленными напоказ рукоятками световых мечей, без которых не мог обойтись ни один уважающий себя щеголь. На большинстве лиц были шрамы, оставленные

этими мечами на дуэлях. Белые пучки бровей Ла Бушери иронично приподнялись.

Световые мечи. Игрушки для задиристых детишек. Прозрачные рукояти из яркого пластика торчали из ножен на бедре каждого джентльмена, при любой стычке готовые выпрыгнуть владельцу в руку и плюнуть длинное лезвие обжигающей энергии. И потому что эти мечи наносили лишь неглубокие ожоги, заживающие чуть ли не за день, драчуны романтично считали себя великими рыцарями из древних легенд. Безопасное фехтование световым мечом, выбивающим искры из другого светового меча, казалось им не фарсом, а серьезным делом, в котором можно как завоевать уважение, так и потерять его. Тонкие губы Ла Бушери растянулись в некоторое подобие улыбки.

Март, подумал он. Юный Март Хэверс, живущий в трущобах, в логове воров, и ждущий его. Каковы бы ни были его недостатки, Март не был позером, как эти дураки. Но что касается недостатков Марта... это было уже совсем другое дело.

Ла Бушери выглянул в украшенное окно автобуса и пробежался глазами по разноцветным стенам Рено, на которых свет расплзался постоянно меняющимися оттенками. Он не увидел снежной метели, дующей за окном. Ла Бушери в отчаянии, с горечью вспомнил, чего стоил ему Март, превративший в руины все его надежды и планы. Если бы за эти годы, прошедшие с тех пор, как его силой забрали из больницы, Март стал сверхчеловеком, даже это с трудом бы покрыло ущерб, который он невольно причинил Ла Бушери.

Но Март не стал сверхчеловеком.

Его похищение, случившееся двадцать пять лет назад, – похищение потенциального лидера, – было первым шагом в великом плане Ла Бушери, после исполнения которого у фрименов появился бы достойный вождь. Или, по крайней мере, представитель. *Я и сам был хорошим лидером*, подумал Ла Бушери, *но мне не хватало имени, а это самое важное*. Марта сочли лидером, и, следовательно, в нем должны были проявиться качества, которых не хватало Ла Бушери.

ГЛАВА III. *Быть свободным!*

ПЛАН Ла Бушери с самого начала пошел под откос. Март Хэверс незамедлительно стал причиной катастрофы в стане фрименов.

Похищение ребенка вызвало лавину убийств во всем мире. Это стало второй резней гугенотов. Никому не нравилось вспоминать о кровавом времени, в течение которого от рук стражников погибло

три тысячи фрименов. За ними охотились, как за волками. Информаторам платили большие награды.

Но Ла Бушери удалось скрыться. На него не пала даже тень подозрения, что само по себе было чудом.

Он улыбнулся, его широкая грудь стала еще шире, когда он глубоко вдохнул.

Танцы в автобусе прекратились, и нежноголовые девушки вместе с джентльменами собрались у окон, чтобы взглянуть на знаменитые трущобы Рено. Ла Бушери увидел, как девушка в коралловом платье откинула локоны набок и кокетливо задела веером стоящего с ней рядом молодого человека. Ее неестественно звонкий смех разнесся по всему автобусу. Ла Бушери, хоть и отметив нереальную красоту девушки, позволил черной ненависти к ней и всему, что она олицетворяет, почти с наслаждением окутать свой разум.

Как сильно изменился мир, подумал Ла Бушери, с тех пор, как я был таким же молодым, как эта кокетка! Он вспомнил время, когда архитектура зданий была не только практичной, но еще и красивой, когда одежда была без прикрас, а женщины вели себя так же просто, как и мужчины. Но помнил он это смутно, поскольку как раз в то время и начали происходить изменения.

Живя среди послушных масс, Ла Бушери наблюдал, как растет сегодняшняя пышность, и рос вместе с ней. Он носил не менее роскошную одежду, чем другие, и ему это нравилось. Но он ненавидел то, что скрывалось под яркими цветами. Он уже привык восхищаться современными зданиями в стиле рококо, красками, покрывающими другие краски, и многослойными украшениями. Чистые, функциональные линии теперь казались Ла Бушери незаконченными, избитыми и устаревшими. Но он до сих пор ненавидел все, что лежало между функционализмом и нынешним рококо.

А между ними лежало многое. Лидеры понимали, что человечество нельзя подавлять слишком сильно, не давая ему способов самовыражения. Так в моду вошла вычурность: разноцветные накидки, перья на шляпах и световые мечи. Эта замысловатая социальная традиция включала в себя понятие «лицо», а также всевозможные варианты его обретения, и презрение к потерявшему его противнику. К тому же в норму вошли постоянные дуэли на световых мечах. Это стало традицией среди мужчин, любящих доблестные поединки.

А как насчет женщин? Ла Бушери был вполне уверен, что Лидеры хладнокровно вернули женщинам статус подчиненных. Раз мужчины, находящиеся под бременем суровых законов, иногда чувствовали себя в стесненном положении, почему бы не дать им

низшую расу, которой они могли бы в свою очередь навязать такие же суровые законы? Поэтому женщины, постепенно, незаметно, но все же достаточно быстро вернулись в старые социальные и правовые оковы, не так давно снятые с них.

Лидеры провернули это так ловко, что женщины сами первые стали бы возражать против изменений. Поскольку, потеряв свободу, они получили массу свободного времени, легкую домашнюю жизнь, возможность целыми днями сплетничать и ничего делать, а также целыми ночами развлекаться в самых ярких городах Земли, в то время как мужчинам приходилось постоянно работать.

И кто мог сказать, с горечью подумал Ла Бушери, что эта кокетка в розовом, хлопающая кавалера сложенным веером, была несчастнее своей бабушки, потратившей всю жизнь, работая за столом наравне с мужчинами и не видя ни на одном лице снисходительной нежности, излучаемой теперь на кокетку из всех уголков клуба-автобуса.

Через час, напомнил себе Ла Бушери, я должен доставить автобус к «Веселому Роджеру». Он невозмутимо размял пальцы, — все еще мощные когти хищной птицы, ставшие еще более безжалостными. В «Веселом Роджере» их будет ждать Джорджина и небольшое представление, которое они придумали вместе с ней.

Джорджина была отличной актрисой. В другой культуре она стала бы известным имитатором, поскольку с абсолютной убедительностью могла сыграть любую роль, которую ей выпала возможность разучить. И Джорджина три года работала служанкой у богатых дам из огромных особняков. Она могла сыграть испорченную молодую кокетку лучше, чем большинство девушек, рожденных для этой роли. Сегодня ей представится такая возможность.

Ла Бушери взглянул на узкое, худое, грубое лицо лидера по имени Амиш и опустил толстый подбородок, чтобы подавить улыбку.

Какая комедия! Он стиснул зубы во внезапном порыве тихой ярости, подумав о роли, которую предстоит сыграть. Иногда на Ла Бушери находили такие волны бессильного негодования, и ему приходилось бороться с ними, используя все запасы самодисциплины, которые удалось накопить за последние двадцать пять лет растущего разочарования и постоянных неудач.

— Март Хэверс, — подумал он и сжал колено толстыми пальцами. — Март Хэверс.

Если бы Ла Бушери только мог заглянуть так далеко в ночь, когда погиб Хэвершем, он бы сомкнул эти пальцы на шее новорожденного и избавил бы себя и мир от страданий. Нет, сегодня не стоит думать о Марте Хэверсе. В сознании Ла Бушери сейчас было ко-

е-что поважнее Марта, кое-что, имеющее шансы на успех, в отличие от Марта Хэверса, приносящего одни неудачи...

ТРУЩОБЫ, как обычно, праздновали ночь субботы шумным весельем. Десять лет назад во время строительного бума на пастбищах воздвигли этот пригород, но вскоре ситуация ухудшилась. Виновато в этом, было, в основном, неожиданное развитие космических полетов на Луну и обратно. Мало кому нравилось жить, постоянно созерцая и слыша запуски грохочущих ракет, направляющихся на строго засекреченные государственные шахты на спутнике. От страшного шума днем и ночью истощалась нервная система, алые вспышки мешали спать, а выхлопные газы были очень вредными.

Поэтому пригород с его пластиковыми зданиями и растущими парками соскользнул с социальной лестницы и занял место рядом с Лаймхаусом, Бауэри и Касбахом. Пригород стал называться Слэгом — пристанищем бедноты, мелких преступников, всех тех, кто не вписывался в общественные рамки, и служил местом экскурсий для таких вечеринок на колесах.

Март Хэверс празднично шатался по Вонючей Улице — когда-то называвшейся Еловой — с сигаретой, приклеившейся к губе, и пахучим дымом, выходящим из ноздрей. Он был крупным человеком с грубыми, простыми чертами лица, а его темные глаза угрюмо смотрели на мир, в котором ему не было места.

Снег медленно падал исчезающими хлопьями, а тучи сносил ледяной ветер. На востоке сверкнула красная вспышка, — один из космических кораблей направился на посадку. Грянул гром.

Хэверс закашлялся и вдохнул смягчающий сигаретный дым, чтобы заглушить мерзкий запах сгоревшего ракетного топлива. Его большое тело было облачено в хорошо сидящую теплую одежду бледно-голубого цвета. Хэверс прибавил шаг.

Скрываться от властей всегда было не просто. Но, разумеется, это являлось единственным вариантом с тех пор, как кромвеллианские Лидеры ужесточили меры. Политические организации оказались под запретом, и членство в них каралось смертью. Другие преступления тоже наказывались, но не так сурово. Государство считало измену единственным грехом, требующим хирургического вмешательства.

Поэтому Март Хэверс, судя по всему, не являлся фрименом. Фрименов больше не было, считали Лидеры. Хэверс был картежником, вором и жуликом, и поэтому периодически имел неприятности с законом, но за ним хотя бы не охотились день и ночь. Вот он и выжил.

Его угрюмый рот искривился. Размахивая большими руками, он шел по кварталу опустевших многоквартирных домов из пластика и стекла, мрачных и забытых, но все еще находящихся в хорошем состоянии. Десять лет назад строители работали гораздо лучше. Снести дом было дороже, чем поддерживать его, и Слэг был полон таких строений – домов пьяных, бездомных и сошедших с пути людей. Стражники редко обыскивали руины. Реабилитация была доступна всем желающим, а другим... ну, им было разрешено валяться на кроватях, которые они сделали своими руками.

Глухой шум стал громче. Земля под ногами Хэверса затряслась, когда грузовой корабль оторвался от земли, выпустив огромную огненную струю. Март ускорил шаг, поскольку ветер дул в его сторону. Было бы неплохо добраться до «Веселого Роджера», прежде чем газы накроют Слэга.

Полет Земля-Луна уже стал официальным маршрутом, но пока еще оставался только государственным проектом. Разумеется, было слишком опасно выпускать космос из рук Лидеров. На Луне оказались бесценные источники руды, и регулярные рейсы туда и обратно заставляли космопорт рядом со Слэгом работать без перерыва.

Но все это держалось в большом секрете. Март подозревал, что в направлении ближайших планет, вероятно, тоже посылали корабли, но если они добирались до цели, то обычные люди ничего об этом не знали. Пока что не знали – когда-нибудь, наверное, узнают. Статус-кво был удобен многим. Кромвеллианцы не хотели, чтобы произошел отток населения, города опустели, и экономическая структура нарушилась. Машина должна работать. Тем не менее...

Вот бы оказаться там, в новом мире, на свободе!

Хэверс криво усмехнулся. Шансы невелики. Ядовитое облако ракетного газа настигло его, он заморгал и закашлялся, а глаза защипало. Это было единственным, что связывало его с космосом.

Свет в дверном проходе на пути Хэверса заставил его остановиться. «Миссия доброй воли», субсидированная правительством. Хэверс не любил тех, кто ходил сюда, слабовольных людишек, сдавшихся и подписавших прошение. Тем не менее, он толкнул стеклянную дверь, открыл вторую, герметичную и вошел в «Миссию». Во всяком случае, тут не было удушающего газа. Хэверса встретили теплота и красноватое свечение. Огромный каменный камин занимал всю стену помещения, и повсюду стояли кресла, занятые людьми в рваной одежде. У другой стены стоял большой аудио экран.

Хэверс сел, чтобы подождать, пока улица не очистится от ядовитых газов, его фигура резко выделялась на фоне остальных. Автоматические панели и кран в углу сделали порцию еды и питья, но Хэверс не обратил на это внимания.

Раньше он никогда не был в приютах «Миссии» и теперь с любопытством осматривал помещение. Жители трущоб говорили об этих местах с презрением и неопределенным страхом. Говорили, что в прошлом телеаудио экраны творили чудеса. Гуннар Эрнхейм, грязный бандит, некоронованный король трущоб, сам пал жертвой магии «Миссии». Она тронула в его разуме какую-то оставшуюся с рождения сентиментальную струну, он подписал прошение... и исчез.

Как исчезли и многие другие.

ХЭВЕРС откинулся на спинку кресла. На экране появилось чье-то лицо.

Приятное, дружелюбное лицо пожилой женщины. Ее спокойные глаза осматривали угрюмые, небритые лица находящихся перед экраном.

— Мы вас ни о чем не просим, — зазвучал ее тихий, успокаивающий голос. — Дверь на улицу не заперта. Помните, вы всегда можете уйти. Все, что вы слышали о «Миссии» — неправда. Мы никого не гипнотизируем. Мы лишь рассказываем, что можем для вас сделать, и это, действительно, магия, но магия науки. Если дать человеку силу воли, укрепить его тело и дух, излечить его от различных слабостей, он сможет добиться всего, чего пожелает, — ну, так было в прошлом, а значит, может и сейчас.

— Только не со мной, леди, — проворчал рыжебородый коротышка, полупьяный от дыма *сакара*.

— Заткнись, — рявкнул один из тех, кто сидел поближе к нему, и он притих.

Хэверс усмехнулся.

— Вы наверняка слышали истории про Чистку, — продолжала женщина. — Я знаю, это звучит довольно страшно. Но послушайте меня, я все объясню. Понимаете, изначально Чистой планировалось заменить смертную казнь. Но сейчас это нечто большее. Лидеры разработали систему психической терапии, промывающей сознание. Человек теряет воспоминания. Ему дается новая возможность, попытка начать все сначала, чего так не хватает многим людям. После этого пациента лечат от всех психических заболеваний, приводят в норму и затем позволяют развиваться в любом направлении, в котором ему хочется, и к чему у него есть способности.

Но он остается тем же человеком. Мы не крадем его душу. Гуннар Эрнхейм прошел Чистку, мы вылечили его от отравления *сакаром*, и теперь он стал космическим инженером.

– За три месяца? – прокричал рыжебородый. – Вы *это* хотите сказать?!

Связь была двунаправленной.

– За три, – улыбнулась и кивнула женщина. – Взрослый мозг учится гораздо быстрее, чем детский, и Эрнхейм проходил интенсивную подготовку, как во время бодрствования, так и во время сна. У него только что закончился испытательный срок. Он может поговорить с вами, если хотите его увидеть. Что скажете?

– Да!

– Хорошо.

Экран потускнел, затем снова стал ярким, показав дородного человека с покатыми плечами в белом халате, работающего за чертежным столом из синего стекла.

– Мы настроены на отдел «Миссии» в Слэге, Эрнхейм, – сказала женщина на экране. – Некоторые скептически относятся к Чистке. Ты не мог бы сказать им, что они ошибаются?

Человек повернулся и улыбнулся. И помахал рукой.

– Так, парни, вы ошибаетесь. Что дальше?

– Эй, Эрни, ты меня слышишь? – спросил рыжебородый. – Что они с тобой сделали?

– Подлатали, – ответил Эрнхейм. – Все, как сказала Джени. Я отлично себя чувствую. Вам стоит ее слушаться.

Экран погас.

– Вас трудно убедить, – раздался голос Джени, – так что я просто покажу вам несколько случаев. Можете задавать вопросы.

На экране появились фотографии, частично снятые в Слэге, изображающие мужчин и женщин, живущих в безнадежном упадке: жертв наркотиков, болезней, нищеты, психозов... всевозможных ужасов, приводящих людей в «Миссию».

– Вы думаете, что Чистка сработала с Эрнхеймом, но не поможет вам, – сказала Джени. – Ну, разве вы хуже них? А теперь посмотрите, где они сейчас.

Согласно экрану, они перевоспитались и жили счастливой жизнью, работая на хороших местах и довольные своей участью. Многие обратились к зрителям из трущоб. Наконец, на экране появилась огромная стрелка, указывающая на дверь слева.

– Любой, кто хочет уйти отсюда, – сказала Джени, – может взять двадцать эрг-кредитов и банку термотаблеток – без всяких обязательств. На деньги вы сможете купить выпивку, а таблетки

вас согреют. Зимой в Слэге довольно холодно. Кстати, синоптики обещают снег. Подождите минутку... А вон там вторая дверь. – На экране появилась еще одна стрелка. – Кто хочет пройти Чистку, идите туда. Оставьте ваши имена на столе-экране, и все готово. А теперь, для контраста, давайте посмотрим что-нибудь смешное.

На стене появился мультфильм, и, как минимум, десять человек встало и вышло в дверь справа от экрана. Рыжебородый последовал было за ними, но хрипло выругался и свернул к другой двери. Он был единственным, выбравшим деньги и таблетки. Остальные продолжали сидеть в креслах.

ГЛАВА IV. *«Веселый Роджер»*

ХЭВЕРС ВСТАЛ и инстинктивно взглянул на дверь с табличкой Чистка. При других обстоятельствах он, действительно, мог туда пойти. Но у него была определенная цель в жизни, и пропаганда не могла так легко поколебать его решимость.

Тем не менее, он понял, что это была отличная пропаганда, прекрасно подходящая для психологии бездомных. «Кто деньгам не знает цены, тому не миновать нужды» – говорило Государство. Ему всегда были нужны хорошие люди. И Чистка, вытеснив другие наказания, увеличила и без того высокую популярность кромвеллиан.

Правосудие, даже для земных изгоев, все равно остается правосудием, подумал Хэверс, но не свободой и равенством. Социальная структура не менялась, и людям приходилось следовать ее устоям или оказываться на улице. Да им даже не позволяли оставаться изгоями! Чертова «Миссия»!

Когда Хэверс вышел на улицу, ракетные газы уже рассеялись, хотя с востока все еще доносился сдавленный грохот. Он быстро зашагал к цели, почувствовав после короткого отдыха теплоту и вялость, но холодный ветер обострил его чувства.

Хэверс снова прошел мимо стражника, и его угрюмое лицо помрачнело. Стражники не олицетворяли силу кромвеллиан. Ею были лидеры и техники. Но стражники являлись металлическим кулаком. Они безжалостно охраняли Правительство, руководящее всей планетой, и у них был постоянный приказ беспощадно расследовать даже самые мельчайшие подозрения в государственной измене.

Но стражники почти не обращали внимания на Хэверса, являющегося – предположительно – простым мошенником, вором и жуликом.

У дверного косяка, склонив голову набок, на полу сидел человек, а рядом с ним лежала пустая трубка из-под *сакара*. Хэверс перешагнул через его ноги. Сделав десять шагов, он свернул в неприглядный дверной проем и пошел по ветхой лестнице, ведущей во мрак здания. На стенах висела паутина. Хэверс ухмыльнулся. Это была лишь видимость, все это придумал владелец «Веселого Роджера», знающий, чего хочется городским гулякам.

Поднявшись по ступенькам, Хэверс толкнул скрипучую дверь и вошел в огромное, тускло освещенное помещение. Оно занимало весь второй этаж. Почти все перегородки между столиками были сломаны, но несколько все еще стояло во славу богемы.

Помещение походило на свалку. Везде был беспорядок. Столы и стулья были расставлены в случайном порядке, диванные подушки кучами лежали у стен, на кушетке рядом с входом спала полуголая женщина, предположительно, накачанная наркотиками. Хэверс знал, что ей платили почасовую оплату за то, что она по-настоящему шокировала туристов и вызывала желание наставить ее на праведный путь.

В одном углу периодически танцевали под доносившуюся оттуда музыку, и в воздухе витал ароматный дым, нейтрализующий постоянную вонь сгоревшего ракетного топлива. Это и был «Веселый Роджер», один из многих клубов, процветающих в Слэге.

Хэверс протиснулся через толпу к стойке бара, идущей вдоль стены большого неопрятного помещения. Кроме того, чтобы незамедлительно напиться, других планов у него не было. Он должен был находиться на секретной базе на Алеутских островах и проходить обучение под руководством маленького человечка со светлыми волосами, являющегося его наставником во время нерегулярных доз образования, которым Ла Бушери пичкал его с самого детства.

Из этого не вышло ничего хорошего. И не должно было, пока сохранялось текущее положение дел, хотя Ла Бушери этого не понимал, а Хэверс лишь смутно подозревал, будучи слишком занятым своими проблемами.

Его пытались заинтересовать атомной физикой. Она была не трудной, но смертельно, безнадежно скучной. Хэверс не оправдал ожидания Ла Бушери, как в физике, так и во всем остальном, и убежал из лаборатории, подальше от наставника и алеутов.

Хэверс знал, что Ла Бушери прячется где-то в Рено. Знал, что они могут встретиться. Возможно, именно поэтому он пришел сюда, сам не понимая, как близок был к тому, чтобы взорваться. Надо

с ним увидаться, призывало подсознание Хэверса, и все выяснить раз и навсегда.

Опершись на барную стойку, Хэверс заказал второй стакан, еще не допив первый.

Он уже почти прикончил третий и начал чувствовать опьянение и дружелюбие мира, когда официант хлопнул его по плечу и кивнул в противоположный конец помещения. За столиком за одной из немногих уцелевших перегородок сидела какая-то девушка и подзывала его к себе.

ХЭВЕРС НЕ УЗНАЛ ее, но все равно взял стакан и стал пробираться через толпу и столы. Лицо девушки весьма неэффективно скрывала черная кружевная вуаль. Ее пышная юбка занимала половину пространства между перегородкой и столиком, а гладкие голые плечи и руки в кружевных перчатках выступали из-под складок густой меховой накидки, лежащей на спинке кресла. Ее волосы походили на черный, сбрызнутый водой шелк, прикрытый черной вуалью, и, протискиваясь через толпу, Хэверс почувствовал дорогой аромат, идущий от столика. Затем он остановился и посмотрел на нее сверху вниз.

— О... Джорджина, — сказал он не без разочарования.

— Март, ты придурок, — начала она и пожала гладкими плечами, а потом добавила. — А, неважно. Пусть так. Думаю, ты знаешь, что Ла Бушери идет сюда.

— К черту Ла Бушери.

— Да, знаю! Но... О, почему это все случается именно со мной? — Джорджина обратилась к человеку, сидящему за столиком рядом с ней. — Пушер — Март Хэверс. Март, это Пушер Дингл. У него есть кое-какие идеи. Присаживайся. Он хочет поговорить.

Хэверс отодвинул ногой стул и сел спиной к перегородке и лицом к дальнему входу. Уголкем глаза он рассмотрел Пушера Дингла, крутящего в руке маленький голубой стаканчик с виски и глядящего на него также искоса.

Пушер был толстым, но не таким, как Ла Бушери, а с колыхающимися складками жира. Когда он улыбался, под желто-серыми усами появлялись блестящие искусственные зубы из белого золота. У него были прилизанные светлые волосы с седыми прожилками, зачесанные назад, открывая покатый лоб. Правая рука Пушера представляла собой механическое устройство из пластмассы и стали.

— Хочешь поговорить? — не очень любезно спросил Хэверс.

Пушер Дингл постучал по столику пластиковой заменой руки.

— Я слышал, ты умен, — сказал он.

— Так и есть. — Голос Хэверса был спокойным.

— Мне нужна помощь. Я не могу пользоваться пистолетом. — Он указал на пластиковый протез. — Отличная штука. Точная, как пинцет. Но для стрельбы не годится. Умеешь управлять гиролетом?

— Конечно.

— У меня есть одна работенка, и, может, ты как раз тот, кто мне нужен. У меня уже был человек, но на прошлой неделе он согласился на Чистку. Я тут поспрашивал кое-кого, и мне сказали, что ты подходишь. Я...

— Тссс! — Джорджина резко подалась вперед и кивнула в сторону двери.

Хэверс с Пушером посмотрели туда. Толпа зашевелилась, когда Ла Бушери завел в «Веселый Роджер» разодетых любителей экскурсий по трущобам. Все сразу пришли в движение, и даже Хэверс, прежде чем опомниться, практически почувствовал мгновенную решимость получить все здесь и сразу, так что уж говорить о других посетителях бара, которых так и повлекло к туристам.

Джорджина немного приподняла черную вуаль, открыв губы и подбородок, и легкий налет неопишуемой сдержанности вкупе с дерзостью, казалось, изменил ее до неузнаваемости, когда она тоже начала действовать согласно сценарию. Джорджина больше не была обычной девушкой на побегушках, много лет работавшей на Ла Бушери, а стала избалованной и непослушной кокеткой из высшего класса, уставшей от роскоши, дразнящей и опасной, но при этом скромной. Джорджина умела хорошо играть.

Хэверс с Пушером смотрели, как развевается яблочно-зеленая накидка на широких плечах Ла Бушери, пока он идет к стойке бара, а молодежь следует за ним. Большая часть матерей осталась в автобусе, без всякой нужды прижимая источающие аромат носовые платочки к носу в салоне с кондиционированным воздухом. Но несколько мрачных пожилых компаньонов расхаживали среди девушек, держащих веера у самого лица, окидывая помещение острыми, взволнованными взглядами. А кавалеры держали руки на рукоятках нелепых игрушечных мечей, яростно осматривая окружающие их искусственные опасности.

Ла Бушери оглянул помещение из-под нахорхленных бровей, ища Джорджину. Он увидел ее, когда бармен передал ему стакан, и выронил стакан, когда узнал широкоплечую фигуру рядом с ней.

Хэверс встретил свирепый взгляд толстяка саркастическим кивком, и Ла Бушери выругался про себя, когда ощутил волну алой краски, залившей его лицо. Кровь громко застучала у него в висках,

и он снова мысленно обложил Хэверса проклятиями за внезапный приступ головной боли, к чему всегда приводил рост кровяного давления у такого крупного человека, как Ла Бушери. Это был еще один крошечный долг в длинном списке долгов, записанных на счет Марта Хэверса.

Лидер Авиш, стоящий рядом с Ла Бушери, подался вперед.

— Что-то не так?

Ла Бушери уже начал выдавливать из себя отрицание, как вдруг внезапно передумал. Он был оппортунистом все пятьдесят пять лет своей жизни, и упускать такой удачный шанс было нельзя.

— Эта девушка, — сказал он с убедительной хрипотой, хотя так вышло не специально. — Вон за тем столиком. С вуалью. Я знаю ее. Ей тут нечего делать. Она... Прошу прощения...

ОТХОДЯ от стойки, Ла Бушери как бы ненароком толкнул Авиша в ту же сторону. Большого и не требовалось. Даже с такого расстояния Авиш понял, что Джорджина была красоткой.

Поэтому Лидер с узким лицом оказался рядом с Ла Бушери, когда тот подошел к столику Джорджины со взглядом полным ярости, причину которой она знала, хотя и не выдала ее Хэверсу. Сам Хэверс забыл о существовании Ла Бушери после того ироничного кивка. Он сидел, сгорбив спину и ссутулив плечи, и безразлично глядел в стакан, когда у столика появилось двое людей, смотрящих на Джорджину.

— Мисс Кертис... — голос Ла Бушери был как раз таким строгим, как нужно, — ...я сейчас же отвезу вас домой.

Он наклонился, чтобы окутать накидкой ее плечи, но Авиш опередил его, оказав услугу с излишней бесцеремонностью, поскольку они еще не были представлены друг другу. Именно на такую реакцию Ла Бушери и надеялся, и, несмотря ни на что, его гнев несколько поутих.

— Пожалуйста, можно, я еще тут посижу! — воскликнула Джорджина обиженным голосом.

Из-под вуали она бросила на Авиша томный взгляд, придавший ему смелости подольше задержать руки на ее плечах, набрасывая на них накидку. Джорджина играла испорченную и довольно дерзкую дебютантку, приветствующую бесцеремонность и одновременно готовую обижаться на нее так сильно, чтобы провоцировать дуэли. Она улыбнулась и бросила на Авиша надменный взгляд.

— Кто этот человек? — резко спросила она у Ла Бушери.

— Я не буду представлять тебя уважаемому человеку в таком месте, — строго ответил Ла Бушери. — Тебе повезло, что я не отправил тебя к твоему отцу. А теперь вставай, мы уходим.

Она покорно встала.

— О, не кипятись, Ла Бушери, — сказал Авиш, пытаясь умаслить толстяка. — Чего в этом страшного? Если ты представишь меня мисс Кертис, я буду очень благодарен. Возможно, она позволит мне сопроводить ее домой. А ты останешься с остальными гостями, я все равно уже тут был.

Март Хэверс, все это время держа глаза опущенными, наблюдал за разноцветными отражениями людей, двигающимися у него в стакане. Он знал, что это случится. Он уже видел Джорджину в действии. И даже изредка сам принимал участие в подобных спектаклях, но, хотя не обладал таким талантом к перевоплощению. Ла Бушери позаботился о том, чтобы его подготовка включала в себя этикет, и при желании он мог сойти за представителя высшего класса.

До Хэверса донеслись вежливые, цветистые фразы и возражения. Затем Джорджина взмахнула пышными юбками и ушла в облаке парфюма под руку с Авишем. Как только они оказались вне досягаемости, Ла Бушери тихо, но резко фыркнул и дал волю эмоциям. Он говорил негромко, поскольку знал, что на него смотрит много народу, но его слова были страшны.

ГЛАВА V. Восстание

ЛИШЬ ЧУТЬ сгорбив плечи, Хэверс спокойно выдержал бурю ругательств. Но у Пушера Дингла округлились глаза. Очевидно, он ожидал, что Хэверс вцепится толстяку в горло. Но Март просто сидел с бесстрастным лицом, угрюмо нахмутив брови, пока Ла Бушери тихим голосом изливал поток колких фраз, насыщенных грязными ругательствами.

Впрочем, годы опасности приучили обоих к осторожности, поэтому единственным, что могло хоть как-то выдать Ла Бушери, был короткий приказ Хэверсу вернуться туда, откуда тот пришел.

— Еще рано, — ответил Март, впервые заговорив с того момента, как Ла Бушери разразился тирадой.

Он знал, какое оружие нужно использовать против старика — безразличие, которого он совершенно не ощущал.

Ла Бушери открыл было рот, но тут же закрыл его. Резким движением руки он поправил накидку, образовав вокруг себя вихрь ярких красок.

— Немедленно, — сказал он. — Хочу сказать — *живо*!

Хэверс подозвал официанта и попросил пополнить стакан. Ла Бушери нахмурился. Он заметил, что у Марта почти пустой бумажник.

И Хэверс увидел взгляд Ла Бушери. Движимый жаждой продемонстрировать свою независимость, он ухмыльнулся.

— Знаю, — сказал он. — Я на мели. Но я только что получил работу, которая улучшит мое положение. Да, Пушер?

Глаза Пушера Дингла предостерегающе сверкнули. Ла Бушери взглянул на толстячка.

— О, нет, — сказал он. — Я, кажется, догадываюсь, что это за работа. Это самоубийство.

Март Хэверс никогда не считался заменимым. Он был единственным фрименом, не считая самого Ла Бушери, обладающим потенциалом Лидера и всем, что это давало.

Взгляды обоих мужчин встретились. Эта борьба не стала менее жестокой от того, что ее надо было скрывать. Затем Хэверс намеренно повернулся к Ла Бушери боком.

— Увидимся позже, — сказал он. — Мне надо обсудить работу.

Глаза Пушера снова сверкнули.

Уголок тонких губ Ла Бушери дернулся. Он не был дураком и понял, что, наконец, столкнулся с тем, чего боялся много лет — с открытым бунтом. А также понял, что его загнали в такое положение, где он не сможет надавить на Хэверса, как он обычно это делал. Март решил не обращать на Ла Бушери внимания и рискнуть головой просто, чтобы досадить наставнику.

В висках Ла Бушери вновь застучала кровь. С огромным усилием он подавил гнев. А затем повернулся к Пушеру Динглу, чтобы получше его рассмотреть. Наконец, он кивнул, по-видимому, оставшись довольным.

Под прикрытием накидки, толстые руки Ла Бушери сделали быстрые движения. Пачка банкнот, разорванных пополам, сменила владельца. Передача осталась невидимой, не считая троих заинтересованных людей. Пушер быстро спрятал деньги.

— Тысяча, — тихо сказал Ла Бушери. — Но пока ты не получишь вторые половинки, толку от нее не будет. — Он похлопал по карману. — Это задаток. Я заплачу тебе больше, чем все остальные, и ты ничем не рискуешь. Встретимся в Сумеречном Доме через час. Кодовое слово «Голконда». Буду ждать вас обоих.

Ла Бушери не стал дожидаться ответа. Он слишком хорошо знал таких, как Пушер Дингл, и был в нем уверен. И думал, что от на-

чала до конца знает Хэверса. Не сказав ни слова, он развернулся, взмахнув накидкой, и вернулся к туристам...

Десять лет назад Сумеречный Дом являлся простым многоквартирным домом. Украшенные пластиковые комнаты и коридоры внешне не изменились, но жизнь, протекавшая в них, совсем не походила на жизнь уважаемых семей, для которых предназначался дом. В нем были отдельные комнаты для всех нужд, требующих уединения. Владельцы дома не задавали вопросов. Люди платили за комнату, получали кодовое слово и потом, если хотели, могли позвать в нее столько народа, сколько туда вместиться.

Слово «Голконда» привело Хэверса и Пушера в темную комнату на третьем этаже. В одном окне виднелась ритмично пульсирующая ракетная вспышка, образованная какими-то экспериментами, проходящими на летном поле. Высокие стены и колючая проволока не допускали туда любопытных, но было невозможно скрыть прерывистое свечение, молча говорящее о существовании тайных космических маршрутов и миров, находящихся за пределами досягаемости человека.

Ла Бушери уже почти потерял терпение, дожидаясь их в красном свечении.

— Садитесь, садитесь, — сказал он. — У меня и так мало времени. Сначала ты, Дингл... у тебя «шерлок». Только не спорь. Я все разузнал. Ты хорошо умеешь с ним обращаться?

Пушер Дингл глянул на Хэверса, и тот пожал плечами.

— Хорошо, — ответил Пушер после секундного колебания. — С «шерлоком» по-другому нельзя. Нет никого, кто умеет работать с этим прибором *плохо*.

РАЗУМЕЕТСЯ, он был прав. Крошечных роботов было сложно производить, а работа с ними требовала еще более умелых рук, поскольку управление было чрезвычайно мудреным.

— Ладно, ты хорош, — кивнул Ла Бушери. — Я знаю, для чего ты использовал своего «шерлока». Для всяких мелочей. Я могу предложить тебе то, что, наконец, принесет тебе много денег, и ты откажешься от всего остального. — Он помахал пачкой разорванных купюр. — Это будет всего лишь началом, если согласишься работать на меня. Что скажешь?

— А что мне надо будет делать?

— Для начала шпионаж. Все совершенно безопасно.

— Я попробую.

— Хорошо. — Ла Бушери быстро кивнул.

Казалось, он не замечал Хэверса.

— Хочешь узнать подробности? В городе у тебя хорошая репутация. Я поспрашивал людей. Меня интересует один из Лидеров. Авиш... Нет — постой! Я же сказал, что все совершенно безопасно. С нами ничего не случится, пока мы действуем осторожно. В общем, слушай.

Ла Бушери даже не взглянул на Хэверса, но тот знал, что история предназначена ему, а не Пушеру. Он слушал с неохотой, скрываясь под своей обычной маской угрюмости.

— Напившись, Авиш кое-что разболтал не там, где нужно. Он инженер, не из высшего круга, но все же хороший специалист. Недавно он изобрел какой-то стабилизатор, нечто, которое им было очень нужно. Слишком много кораблей разбилось из-за того, что у них его не было. Ну, так вот, на прошлой неделе Авиш узнал, что администрация космопорта собирается дать большую награду за разработку стабилизатора, поэтому решил подождать. Это антиобщественное действие, за это его могут снять с должности, к тому же он уже подозревался в темных делишках. Если правительство узнает, что он решил попридержать изобретение, чтобы получить награду, для него это закончится плохо. Я бы мог сразу перейти к вымогательству, но сначала хочу получить еще немного информации. Я скажу тебе, что меня интересует. Между прочим, для тебя это ничего не значит, поэтому давай без фокусов. К тому же, у Авиша не хватит денег перекупить тебя. Я заплачу тебе больше. Это мое личное дело. Ну, что скажешь?

— Меня все устраивает. Кто подложит «шерлока»?

— Я. — Голос Март Хэверса даже напугал остальных двоих, так долго он молчал.

Но теперь он закинул ногу на ногу, и кресло под ним заскрипело.

— Я подложу его. Не забывайте, я тоже в деле.

Ла Бушери посмотрел на Хэверса, и вены на его шее вздулись, а в виски вернулась пульсирующая боль, которую он уже почти ассоциировал с Мартом Хэверсом и опасностью.

— Ладно, Март, — тихо, но с ненавистью сказал Ла Бушери. — Ладно! Иди. И надеюсь, у тебя ничего не получится. Надеюсь, тебя убьют.

ГЛАДКИЕ МЫШЦЫ большой черной лошади ритмично двигались под бедрами Хэверса. Он надменно выпрямился в разукрашенном седле, сунув ноги в серебристые стремяна, а алая накидка развевалась за ним, подхваченная холодным ветром, дующим по широким улицам Рено. Пока лошадь галопом неслась по мостовой, трясая черной гривой, копыта звенели, как колокола.

Слэг остался далеко на востоке. Из Рено даже не было видно далекого красного свечения. Хэверс с Джоржиной находились тут уже почти две недели, и все шло по плану. Сегодня вечером, возможно, наступит кульминация.

Грубое лицо Хэверса с густыми черными полосами бровей выглядело угрюмым, почти жестоким, пока он скакал на лошади, погрузившись в тайные мысли. На слегка наклонных мостовых разные скоростные уровни были отделены друг от друга светящимися перилами. По пути Хэверсу попадались мужчины и женщины незнакомых ему типов, хотя он видел таких людей на протяжении всей своей жизни. Их мысли оставались для него неизвестными. Но вот эмоции... На губах Хэверса появилась кривая усмешка. Чувства служили общим знаменателем.

Его костюм пока не вызвал никаких вопросов, а в поддельных документах было написано, что он является стражником в отпуске, что позволяло ему входить в нужные социальные слои. Да и почему у кого-то должен вызывать подозрения *добросовестный* служащий порядка? Администрация не знала, что существуют недовольные. А если и знала, то следила за тем, чтобы эта информация не стала общеизвестной. Статус-кво теперь был их богом. Он защищался и сохранялся любой ценой. Никто не должен был даже думать о возможности что-то изменить, и о том, что этого кому-то хотелось.

Эта потребность властвовала на всех уровнях правительства. Начиная от трудолюбивых рабочих, а также простых служащих и заканчивая кругами богачей и аристократов, включая высший уровень самих Лидеров, кромвеллианский перфекционизм которых держал в своей хватке все умы, словно культура, навечно сохранившаяся в янтаре, застывшая, неподвижная, боящаяся изменений не меньше самой смерти.

А НАД ЛИДЕРАМИ... Хэверс позволил своему угрюмому взгляду подняться на высокую белую башню, возвышающуюся над всем Рено, башню, где в правительственных кабинетах хранились секреты, и где жили, работали и руководили миром Лидеры.

Но кто отдавал приказы Лидерам? Этого никто не знал. Где-то должен был быть вождь. Кромвеллиане действовали слишком идеально, чтобы не иметь хорошо продуманного плана, переданного Лидерам каким-то человеком или превосходно скоординированной группой людей. Так человек или Совет, на самом деле, правили миром?

Хэверс даже сомневался, что все Лидеры знают ответ на этот вопрос. Они просто выполняли приказы сверху. В такой покорной

культуре этого было достаточно. Никто не хотел ослепнуть в попытках взглянуть на солнце. Принимай привилегии и ни о чем не спрашивай. Кто бы ни был на вершине, он еще не допустил ни одной ошибки. Он был непогрешим. Неудивительно, что остальные тоже не задавали вопросов.

Именно такое отношение Ла Бушери и фримены возненавидели двадцать пять лет назад так, что рискнули всем в борьбе с ним... и проиграли. Именно для противоборства такому отношению они трудолюбиво набирали силы. Не считая этого, Хэверсу показалось, что Ла Бушери изменился. Об изменениях можно было судить исходя только из последних лет, но он, наверное, менялся незаметно с тех самых пор, когда фримены увидели, что их надежды вдребезги разбились в один ужасный день, и вскоре развалились и попрытались, кто куда.

Теперь Ла Бушери правила горечь. Горечь и ненависть. В его прошлом были необъяснимые тайны, о которых иногда размышлял Хэверс. Когда-то Ла Бушери был Лидером или готовился стать одним из них. Что именно произошло и когда, никто не знал. Но Ла Бушери изгнали из неприкосновенных рядов, и он стал заклятым врагом кромвеллианизма.

Хэверс заметил трепыхания голубой накидки. Наблюдая, как всадник впереди слезает с лошади и заходит в дверной проход, украшенный неоновой подсветкой, откуда слышался смех и звон стаканов, он позволил неприятным мыслям на секунду покинуть его разум.

Погодный патрульный – разрушитель бурь на бытовом жаргоне. Все, что осталось в мире от волнения и романтики, теперь сосредоточилось в разрушителях бурь. Они гнали огромные массы воздуха от полюсов, боролись с тайфунами и ливнями высоко в стратосфере, лихо рассекая на реактивных самолетах потоки пара, где небо было черным даже в полдень, чтобы управлять погодой в кромвеллианском мире. Их работа была сложной и опасной, и Хэверс с откровенным восхищением посмотрел вслед важно вышагивающей фигуре в голубом.

Когда он подумал о такой работе, то почувствовал себя бесполезным и обозленным на весь мир. Хэверса постоянно преследовал призрак неудачи. Его разум был достаточно острым, но он ни в чем не видел смысла. К тому же, темные миазмы ненависти Ла Бушери душили весь интерес, который у него мог бы появиться, к притворной жизни. Хэверс ощутил, как его окутало облако пораженчества, когда встряхнул поводья и поехал дальше.

В некотором смысле он был даже благодарен необходимости действовать без промедления, пусть даже ему всего лишь нужно было помочь Джорджине развести мошенника Авиша. Без четкой цели Хэверс почувствовал бы себя в Рено дважды не в своей тарелке. Социальная культура этих людей его не интересовала.

Он лишь поверхностно воспринимал сверкающее очарование их жизни, стилизованный и романтизированный этикет, главенствующий почти в любой сфере деятельности, шаблонные разговоры и грубые линии самого города. Но сам Хэверс не являлся частью этого мира. Как и всегда он оставался притворщиком, изгоем из собственной жизни и всего мира.

Он справлялся весьма неплохо. Тренировки подготовили его к обману и дали способность создавать защитный камуфляж. Двигаясь на большой черной лошади по улице, Март Хэверс привлекал внимание многих, на него бросали косые взгляды ярко одетые женщины, прогуливающиеся по тротуару мимо витрин магазинов, украшенных высокооплачиваемыми художниками и сверкающих предметами роскоши.

Хэверс с бочкообразной грудью и темным угрюмым лицом, не походил на типичного стражника.

ГЛАВА VI. *«Шерлок»*

КОГДА СОЛНЦЕ склонилось к вершинам гор на западе, небо над головой начало терять голубое свечение. Хэверс продолжал ехать, намотав поблескивающие поводья на ладонь. Он пересек площадь, на которой двое молодых джентльменов вели безопасную дуэль световыми мечами, выбрасывающими в воздух снопы искр при каждом столкновении энергетических лезвий. Хэверс с трудом подавил ироничную усмешку. Дети, играющие с игрушками.

Однако, это были не дети – что являлось неприятным фактом. Но, пока бесплодная социальная машина наворачивала бесконечные круги, они довольствовались такой забавой.

Развития не было. Несмотря на космические корабли – не летавшие дальше Луны – несмотря на открытия в медицине и технике. Науки было недостаточно. Кромвеллиане смешали религию и социальную культуру с наукой, в результате и то и другое пришло в упадок, беспомощно пытаясь вырваться из оков неподвижности,

словно Лаокоон* с сыновьями. В этой гигантской тюрьме, размерами превосходящей Вавилонскую башню и Великую пирамиду, глупые мужчины и женщины кланялись, танцевали и царапали на стенах бессмысленные символы.

А на вершине, бесконечно уходящей в небо, непонятно зачем построенной Лидерами по приказу... кого? Совета, одного человека или какого бы то ни было загадочного правителя, на самом деле, руководившего планетой?

Март Хэверс не видел в жизни смысла. Возможно, сама по себе жизнь не имела смысла. По крайней мере, его. Он внезапно осознал, что его совершенно не интересует жизнь, с трудом прогнал эту мрачную мысль из головы и встряхнул поводья. Хуже всего была тщетность борьбы с кромвеллианским джаггернаутом, но Ла Бушери ввел правила, и у Хэверса не было другого выбора, кроме как подчиниться.

Он продолжал ехать. Сообщение Джорджины было исчерпывающим. Авиш поклевывал приманку, и сегодня могла наступить кульминация.

Хэверс взглянул на здания в стиле рококо и подумал, что уже близок к цели. Он не мог ехать к Пушеру Динглу на лошади. Риск и так был велик. Остановив лошадь, Хэверс слез с нее и привязал поводья к специальному столбу. Никто не приставал к широкоплечему стражнику, пока тот шел по ярким улицам, следуя мудреному пути, который вскоре привел его к узкой улочке рядом с рекой.

Строгие линии вестибюля многоквартирного дома, где жил Дингл, давно вышли из моды. Хэверс нажал звонок в ряду стеклянных почтовых ящиков, затем зашел в лифт. Дингл осторожно открыл дверь, его пухлая нижняя губа была оттопырена. При виде формы стражника, он сделал глубокий неуверенный вдох.

– Входи, – отойдя в сторону, сказал толстячок.

Сделать это оказалось нелегко. Единственная комната была беспорядочно завалена оборудованием. Повсюду торчали провода, а на скамейках, столах и полках кучами лежали загадочные приспособления. Казалось, в эту комнату сбросили содержимое пяти различных лабораторий.

– Мне нужен «шерлок», – коротко сказал Хэверс. – Ты управляешь им отсюда?

* Прорицатель, во время Троянской войны предостерегавший сограждан не вводить Троянского коня в город. Аполлон послал двух змей, которые переплыли море и поглотили сыновей Лаокоона Антифанта и Фимбрея, а затем задушили самого Лаокоона (прим. перев).

— Да. — Дингл обвел рукой загроможденную комнату. — Пульт управления где-то в этих кучах. Словно иголка в стоге сена. Никто не догадается, что тут есть что-то рабочее... и это хорошо. Сегодня у меня были гости. Стражники. Они становятся подозрительными, Хэверс.

— Им удалось найти что-нибудь?

— Нет. Но в следующий раз, возможно, удастся. Нам надо торопиться. Есть одна серьезная опасность. После того, как ты пронесешь «шерлока» в квартиру Авиша, мне придется управлять им отсюда. И существуют приборы, способные засечь и обнаружить пульт управления. Ну... — Дингл пожал плечами, — ...вот и «шерлок».

Это была пластиковая полусфера пятнадцатисантиметрового диаметра. Хэверс с интересом рассмотрел ее. Он знал, что ее сделали под микроскопом, и она представляет собой нечто большее, чем механическую ищейку. В этом компактном корпусе размещались устройства для наблюдения как в видимом, так и в инфракрасном диапазоне, а также рентгеновский аппарат и химический анализатор. «Шерлок» с хорошо обученным оператором мало что мог оставить незамеченным.

Хэверс скрутил резиновые щупальца, снабженные крошечными присосками, и спрятал робота под накидкой.

— Удачи, — придержав дверь, сказал Дингл.

— Да уж, она нам понадобится, — проворчал Хэверс и, нахмурив брови, ушел.

К тому времени, как он доехал до Палладиума, наступила безлунная ночь. Колонны из пластика с прожилками подсвечивались изнутри разноцветными спиралями, ярко сияющими в темноте. Хэверс бросил поводья конюхе в ливрее и поднялся в фойе по широкой аппарели. Гигантский зал представлял собой калейдоскоп меняющихся цветов. Публика танцевала котильон. Повсюду сверкали форменные мундиры, а колокола женских юбок качались, как цветы на ветру.

ХЭВЕРС ВЗГЛЯДОМ нашел Джорджину с Авишем за балконным столом. Он пробрался к ним через толпу танцующих.

— Здравствуй, Март, — весело поприветствовала его Джорджина. — Хорошо, что ты, наконец, пришел. От моей репутации уже ничего не осталось. Что тебя задержало?

— Ты вообще не должна была приходить сюда без сопровождения, — ответил Март, разыгрывая небольшую комедию.

— Мой дорогой братец, ты вполне можешь сопровождать хоть шестерых, — успокоила его Джорджина. — Мы с Лидером уже начали о тебе беспокоиться. — Она кивнула Авишу, чье узкое, морщинистое лицо было довольно кислым. — Я приглашена в покои Авиша, и, разумеется, не могу пойти одна. У него есть кое-какие фильмы о космосе, которые мне бы хотелось посмотреть.

— Я могу показать тебе правительственные снимки Луны, — важно ответил Авиш с преувеличенным благоволением.

Впрочем, было очевидно, что он этого не планировал и просто собирался провести вечер вдвоем с Джорджиной. Хэверс все испортил. Но выпивка и очарование Джорджины успокоили Лидера. Авиш опустошил стакан и попросил счет.

Хэверс встретился взглядом с Джорджиной, и они обменялись тайными улыбками...

Час спустя Март Хэверс слонялся по библиотеке Авиша. Из соседней комнаты доносились тихие голоса Лидера и Джорджины, а также периодический звон стаканов. Все шло, как надо. Девушка будет занимать Авиша, пока Хэверс не найдет подходящее место для «шерлока».

Это оказалось нетрудно. В библиотеке было множество полок со старомодными книгами, а также стеллажи с цилиндриками, являющимися стандартным оснащением любой библиотеки — аудио книгами, видео книгами, а также комбинациями и того, и другого. Хэверс нашел для «шерлока» уютное местечко за серией книг Дюма. Между томами и полкой над ними как раз хватало пространства, чтобы дистанционно управляемое устройство могло легко оттуда вылезти, и Пушеру Динглу было бы чем заняться.

Хэверс дотронулся до крошечного рычажка на полусфере и через секунду сделал это снова. «Шерлок» был активирован. В своей импровизированной комнате управления, Пушер узнает, что эта часть плана выполнена. Он будет наблюдать и ждать.

На роботе засветилась лампочка и вскоре погасла. Пушер будет за всем следить через электронные глаза устройства. Хэверс осторожно поставил «шерлока» за книгами, зная, что в его памяти остается каждая подробность. После этого Пушер будет сам по себе.

Долго поддерживать связь с роботом было опасно, поскольку техники Лидеров разместили по всему Рено множество датчиков. Всегда существовал шанс, что где-то в городе стрелка регистратора радиоволн внезапно подскочит, кто-нибудь это увидит, нахмурится... и в ход пойдут мощные полицейские инструменты. Сразу после этого странный электронный сигнал заметят бдительные

датчики, и триангуляция поможет найти, как лабораторию Пушера, так и самого «шерлока».

Это являлось одной из причин, по которой запланированные преступления были такими рискованными. Самыми «безопасными» считались быстрые, неожиданные нападения и такие же быстрые исчезновения.

Но эта проверка была необходима. Много времени она не заняла. «Шерлок» вылез из-за книг, обошел комнату по кругу и вернулся на место, спрятавшись за томами Дюма.

Лампочка погасла. И Хэверс знал, что она больше не загорится, пока Пушер не узнает, что в квартире пусто.

Хэверс улыбнулся. Как и у большинства хорошо защищенных противников, у Лидеров тоже было уязвимое место. Доспехи были слабы в суставах, где требовалась гибкость – например, под мышками, откуда длинным мечом можно было достать до сердца. Кольчуга в этом плане выгодно отличалась, но вся цивилизация кромвеллиан была слишком жесткой для сравнения со стальной решеткой. Слишком много правил, слишком негибкая структура. Поэтому там, где кромвеллиане не могли воспользоваться грубой силой, были уязвимые места.

Эту цивилизацию можно уничтожить, внезапно подумал Хэверс, если найти нужное сочленение в ее доспехах и нанести смертельный удар. Удар мечом? Броня хорошо защищает от стрел и копий, но с повсеместным использованием пороха, наверняка, можно найти уязвимое место.

Ну, пусть этим занимается Ла Бушери. Это основная цель старого фанатика.

Хэверс что-то проворчал себе под нос и начал рассматривать переплеты древних книг. В комнате витало чувство надежности, чувство роскоши, и это встревожило Хэверса. Нет, не роскоши, скорее чувство *принадлежности*.

Авиш вдруг вызвал у него гнев. В трущобах не было ничего подобного! Люди определенно были не равны, по крайней мере, не в мире кромвеллиан. В первобытном мире, где правили отвага и сила, Март Хэверс владел бы этой библиотекой и роскошной квартирой в гигантском извилистом здании, где жила тысяча семей... а не Авиш!

ГОЛОСА В соседней комнате стихли. Хэверс подошел к двери, смутно надеясь, что представится отличная возможность для драки. Он знал, что это неправильная реакция, и Ла Бушери бы ее не одобрил. Но к черту Ла Бушери! Когда старик посвящает свою жизнь

стремлению к идеалам, это нормально, но Март Хэверс был еще молодым. У него еще остались возможности, давно утраченные Ла Бушери.

Нужды в драке, кажется, не было. Джорджина сидела на диване, откинувшись на спинку, и улыбалась, а Авиш разливал выпивку. Когда Хэверс вошел, Лидер поднял глаза.

– Еще стаканчик?

– Нет.

Хэверс отказался так резко, что Джорджина бросила на него предупреждающий взгляд. Он бунтарски не обратил на него внимания, подошел к мягкому креслу, сел и скрестил руки, уставившись на Авиша.

Лидер слегка напрягся. Он поморгал, глядя на Хэверса через стакан.

– Что ты думаешь о моей библиотеке? – спросил он.

– Я мало читаю.

– А я довольно много, – сказал Авиш. – Ты бы удивился, узнав, как много в романах практичных идей. Романы основываются на силах природы.

– Романы? – переспросила Джорджина.

– В пуристическом смысле. Я не говорю о делах сердечных, – улыбнулся Авиш. – Я, скорее, про «Тружеников моря» Гюго. Можно посмотреть на это произведение с инженерной точки зрения. Поединок с гигантским осьминогом – существом, движущимся за счет выталкивания воды. Реактивная тяга. Но это мое подсознание впитывает технические подробности. А вообще мне просто нравятся рыцарские поединки.

– Но все это можно объяснить с помощью психологии, не так ли? – спросил Хэверс.

– В старых романах, – задумчиво ответил Авиш. – Не в нынешних. Поединки-то остались, только вызваны они другими причинами. Дело в безопасности. Мы сражаемся не потому, что на самом деле хотим этого, просто иначе для большинства людей жизнь стала бы адски скучной. Вот настоящая причина. Негативистская. Это не дает нам ничего из того, что мы *хотим*. Хулиганства Д'Артаньяна были позитивными. Они давали ему то, что он *хотел*. Сегодняшние поединки не несут такого очарования.

– Впрочем, в наши дни никто особо и не дерется, – заметила Джорджина.

Хэверс инстинктивно дотронулся до рукоятки меча. Авиш проследовал за его движениями глазами и усмехнулся.

— Декоративный, — сказал он. — Ты бы не стал использовать его в настоящей драке, так же, как и кулаки. Пистолеты гораздо более эффективны. А эффективнее всего — управляемые ракеты с атомными боеголовками. Но их не используют уже много лет. Однако никто бы не сказал, что в ракетах есть романтический ореол! Рыцарские традиции вышли из моды вместе с развитием науки, а те, что не вышли, приняли другие формы.

— Возможно, это временное явление, — предположила Джорджина.

— Возможно. Если бы нам разрешили летать на другие планеты, многие бы посчитали, что в Марсе, Венере или Луне есть нечто волшебное. Но дело в том, что это слишком опасно. Колонии могут восстать. А если бунт поднимется на Луне, мятежники смогут скинуть на Землю атомные бомбы. Такая военная база в руках врага...

— Авиш покачал головой.

— Это кажется бесполезной тратой ресурсов, — сказала Джорджина. — Мы научились создавать мощные реактивные двигатели и компактные атомные силовые установки, и при этом занимаемся только тем, что нарезаем круги вокруг Земли, разве не так?

— Нам еще многое предстоит узнать о нашей планете. Мы не углублялись дальше нескольких километров вглубь коры. Но все же, в некотором смысле, ты права. Полностью решать одну проблему, не успев придумать другую, — ошибка. Когда этот мир, наконец, станет утопией, мы уже должны будем пытаться летать к другим звездам. В своей области я иногда чувствую ограничения. Впрочем, они необходимы, — поспешно добавил Авиш. — Прошу прощения. Дверь.

ГЛАВА VII. *Желание умереть*

ПРОЗВЕНЕЛ ЗВОНОК. Авиш толкнул рычажок, дверь открылась, и Хэверс увидел, как Джорджина замерла. Март медленно повернул голову. На пороге стояло пятеро стражников в блестящей форме, у одного из них из кивера торчали позолоченные орлиные перья.

Хэверс заставил себя сидеть неподвижно. Стражники могли явиться сюда без какой-либо серьезной причины. Полковник мог зайти просто поболтать или по делу, но то, что они пришли вместе, было уже подозрительным.

Хэверс запоздало понял, что его реакция тоже была подозрительной. Он вскочил на ноги и встал по стойке «смирно».

Полковник, до этого не сводивший с него глаз, отвел взгляд. И поприветствовал Авиша.

— Срочное дело, Лидер, — сказал полковник. — Мы получили донесение, что из вашей квартиры исходит странное излучение.

— Возможно, — растерянно пробормотал Авиш. — У меня есть кое-какое оборудование.

Полковник достал листок бумаги.

— Вот частота сигнала. У вас есть что-нибудь, работающее на этой волне?

— Не знаю, нет. Вы уверены, что сигнал шел из моей квартиры? — Авиш посмотрел на Джорджину и перевел взгляд на Хэверса. — Ты не включал телевизор?

— Включал, — быстро ответил Хэверс. — Хотел посмотреть новости.

— Значит, вот в чем причина, — кивнул Лидер. — Все совпадает.

— Не совсем, сэр, — возразил полковник. — Мы отследили и второй конец сигнала — принимающую станцию. Нам еще не удалось ее локализовать, но это точно не одна из телевышек. К тому же использовался направленный шифратор.

— Какие-то эксперименты? — предположил Авиш, но офицер стиснул зубы.

— Вероятно, сэр. Но мы не можем рисковать. Вы не против, если мы поищем источник сигнала?

— Нет, Разумеется, нет.

Полковник сделал знак рукой. Один из его людей вышел вперед и протянул руку. На ладони лежал плоский, блестящий предмет. Полковник быстро навел его на Авиша, затем на Джорджину и на Хэверса. Это была телекамера, что могло означать неприятности, но Хэверс понадеялся на лучшее. Насколько он знал, его фотографии не было в базе данных правительства, так же, как и фотографии Джорджины.

Что касается «шерлока»... Хэверс слегка улыбнулся, когда увидел, как стражники вкатывают детектор. Сейчас робот был выключен. Он не излучал предательских волн, если, конечно, Пушер не включил его!

Хэверс все еще стоял по стойке «смирно». Полковник командовал «вольно», и поиски начались. Хотя они были тщательными, стражники боялись повредить имущество Лидера. Один раз детектор зажужжал перед запертой дверью, и полковник вопросительно посмотрел на Авиша.

— Моя домашняя лаборатория, — ответил Лидер. — Вам понадобится разрешение, чтобы войти туда. Кроме того, мой ключ не работает, пока я не свяжусь с начальником отделения и не попрошу его открыть замок дистанционно.

— Ладно, пока не надо, — сказал полковник. — Возможно, мы попросим ее открыть позже, сэр, но, надеюсь, в этом не будет необходимости.

Необходимости не появилось. Не то, чтобы стражники нашли «шерлока», — беда пришла, откуда не ждали. Впервые Хэверс что-то заподозрил, когда полковник немного наклонил голову вбок, как делает тот, кто к чему-то прислушивается. В комнате стало слышно тихое гудение наушников в шлеме полковника. Сосредоточившись на входящем сообщении, он позволил взгляду расфокусироваться. Затем полковник резко сощурился и с подозрением уставился на Джорджину.

— Как, вы сказали, вас зовут? — резко спросил он, совсем не так, как должен обращаться полковник к дебютантке.

В ее ответе Хэверс услышал тихий панический вопль, немного сдавивший голос. И в глубинах его сознания случилось нечто очень важное, чего он никогда не испытывал раньше.

Хэверс знал Джорджину уже два года. Было время, когда им казалось, что они любят друг друга. Вскоре об этом забылось по обоюдному молчаливому согласию, хотя в таких случаях инициатором разрыва всегда бывает кто-то один. В этот раз им стал Март Хэверс. Джорджина казалась ему слишком поверхностной, слишком непостоянной. Он считал ее ненастоящей, потому что она легко вживалась в любую роль.

Уже прошел почти год с тех пор, как они целовались последний раз. И больше года, как он воображал себя влюбленным. Но когда Март услышал, как Джорджина чуть не запаниковала, им завладели неожиданные порывы. В игру вступил высший уровень осторожности.

— В отличие от Джорджины, ты незаменим, поэтому не дергайся, ради будущего фрименов! — предостерег этот уровень Хэверса.

Но тут же растаял, как дым. Под самосохранением находились более сильные и примитивные побуждения. Хэверс скрестил руки и шагнул назад, что выглядело вполне небрежно. Но теперь обе его ладони лежали на рукоятках пистолетов, спрятанных под накидкой, а ноги были готовы действовать.

ПОЛКОВНИК СНОВА прислушался и моргнул. Затем сделал повелительный жест, и двое его людей отошли к входной двери. Авиш с чем-то, похожим на панику, переводил взгляд с одного лица на другое, начиная понимать, что тут происходит.

— Джорджина Кертис, — медленно сказал полковник. — Назовите вашу родословную! Какой шифр был у вашего отца? Где живет ваша семья? Быстрее, девушка, отвечайте мне!

В конце концов, Джорджина была всего лишь девушкой из трущоб. Ее поведение и манеры являлись только подражанием, подражанием удивительно правдоподобным, но все же не имеющим под собой основания. Ла Бушери не ожидал, что все пойдет так далеко. Он не снабдил ее ответами на стандартные вопросы, на которые любая девушка из хорошей семьи ответила бы, не задумываясь. Маскировка Джорджины предназначалась для того, чтобы обмануть Авиша, который хотел быть обманутым. Но более детальной проверки она не могла выдержать.

— Я... я не могу.

Удивительно, как быстро ее покинуло сходство с дебютанткой. Скромное высокомерие и изящные манеры исчезли, и Джорджина снова стала девчонкой из трущоб, одетой в чужое платье и испуганно оглядывающей комнату, не в силах выговорить ни слова.

— Я так и думал, — грубо засмеялся полковник. — Лидер, эта женщина самозванка. Один из наших людей в штаб-квартире узнал ее по фотографии. Ее однажды допрашивали в Слэге по делу об ограблении. Я уведу ее с собой.

Полковник протянул руку... и рядом с ней проревело пламя лучевого пистолета Хэверса. На пару сантиметров правее, и полковник лишился бы кисти.

Март Хэверс внезапно и беззаботно засмеялся, резко выхватывая оба пистолета.

— Ладно... все назад! — воскликнул он, и собственный голос показался ему странным из-за радостного безрассудства, казалось, завладевшего им.

У Хэверса не было времени размышлять об этом. Прежде он толком никогда не испытывал подобные ощущения, опьяняющее счастье, вызванное тем, что с его плеч скатилась невыносимая ноша. Он чуть ли не разочаровался той легкости, с которой все произошло. Потому что все люди в комнате медленно отошли назад, подчиняясь наставленным на них пистолетам. Все знали, на что способны энергетические лучи. Короткие сплюснутые стволы, действительно, стоило уважать.

— Джорджина, спрячься за мной, — велел Хэверс. — И иди к двери. Быстрее!

Осторожно ступая, он двигался вдоль стены, отходя к выходу, и слышал шорох юбок Джорджины и ее шаги, пока она укрывалась

за его накидкой, брошенной на широкие плечи. Когда девушка открыла дверь, Хэверс услышал скрип.

Он не посмел оглянуться, но на одну необъяснимую секунду ощутил разочарование и подумал: «Я смогу отсюда выбраться! Они даже не собираются сражаться!»

Затем что-то ударило Хэверса в затылок, словно молния, и время растянулось на последовательность бесконечных секунд, лениво сменяющих друг друга.

У него было время осознать, что происходит. Он увидел разинутые рты стражников, их удивленные взгляды и радостное выражение лица полковника. Хэверс почувствовал, как теряет контроль над мышцами, как пистолеты выпадают из рук и, спустя неизмеримый промежуток времени, падают на пол. Он ощутил, как подкашиваются ноги, а пол приближается к лицу, но медленно, очень медленно.

В отличие от замедлившегося и потускневшего окружающего мира, мысли Хэверса метались со скоростью молнии.

— Джорджина убегает, — подумал он, потому что слышал ее быстрые шаги. — И она не закричала, что обязательно бы произошло, если бы ее поймали. Но она все равно далеко не уйдет... — предположил он. — Ла Бушери это, мягко говоря, не понравится.

И за мгновение перед тем, как полностью отключиться, Хэверс понял, что теперь знает о себе гораздо больше, чем в тот момент, когда его чем-то ударили по голове.

Это было все, чего он, сам того не сознавая, хотел все время. Явное желание умереть, преследовавшее его все эти годы, наконец-то, почти осуществилось.

— Ла Бушери возненавидит меня!

Важнее этого не было ничего, ничего и не могло быть важнее мести человеку, сделавшего жизнь Хэверса такой, какая она есть.

Невыносимая, бесцельная жизнь, состоящая из сплошных неудач и ненависти, накапливающейся от одного бесполезного задания до другого, вызванной, скорее, Ла Бушери, чем своими неизбежными провалами, и тем, что в таком состоянии Хэверс не был способен достигнуть успеха. Желание умереть поддерживалось сразу двумя источниками: мстью и стремлением убежать от такой жизни. Скрыться в забвении, если понадобится.

Такова была причина восторга Хэверса в этой драке, и то же самое стало причиной разочарования, когда он подумал, что у него все получится. Именно поэтому, внезапно понял он, ему захотелось спасти Джорджину, даже хотя чувств к ней у него не осталось. До этого последнего исчезающего момента он даже не подумал, что

раз раскрыли ее, то его, как ее брата, тоже раскроют. Хэверс выхватил пистолеты только из-за ненависти к Ла Бушери.

Он не мог знать, что двадцать пять лет назад его отец повел себя точно также, выхватив лучевые пистолеты из-под экранированной накидки и пал, не успев выстрелить в лидеров и их подчиненных.

ПОСЛЕ ТОЙ давней стычки, Март Хэверс оказался в изгнании, а заодно и в умелых, но грубых руках Ла Бушери. А после второго, следуя схеме до самого конца, Март Хэверс вышел из изгнания и снова вступил в наследство, хотя даже не подумал об этом, прежде чем двадцатипятилетний круг замкнулся, наступила темнота, и пол встретил его падающее тело...

Это было забвение. Вот, чего он жаждал все эти годы, — эту бескрайнюю, успокаивающую темноту. Приятного, бесконечного, пустого сна.

Но затем огни начали... нет, звуки, слова, вопросы начали многократно повторяться, пока отдыхающий разум Хэверса с неохотой не выдал из себя ответ. Но только его часть. Надзиратель в его сознании все еще спал, и двери, ведущие к тайникам, где в его мозгу была впечатана информация, открывались перед умелыми вопросами, задаваемыми из темноты.

— Кто такая Джорджина Кертис?

Хэверс все рассказал. А почему бы и нет? Больше ничего не имело значения. Он даже не подумал, прежде чем ответить.

— Когда ты впервые ее встретил?

Это он тоже рассказал. Вопросы и ответы сменяли друг друга, пока облака сна Марта медленно бурлили и кипели, окутывая его смятением.

— Кто? Ла Бушери? Кеннард Ла Бушери?

— Да. Да.

— Когда ты с ним познакомился.

А тем временем, в нескольких километрах отсюда, на другом конце города, Ла Бушери бешено собирал вещи, забрасывая вопросами перепуганную Джорджину. Эта катастрофа была его виной. Он ясно понимал это. Но все равно позволил гневу подавить здравый смысл и отправить Хэверса на задание, опасное как для Ла Бушери и фрименов, так и для самого Хэверса, потому что тот, волей-неволей, хранил в своей голове жизни их всех.

Двадцать пять лет назад, когда Джон Хэвершем умер на ступеньках больницы, выстрелом лучевого пистолета он завел часовую бомбу, сработавшую четверть века спустя. Ла Бушери понял это. Слишком поздно он осознал медленный рост ненависти, закончив-

шийся тем, что он послал Хэверса навстречу как своей судьбе, так и судьбе всех фрименов.

— Он сделал это ради меня! — всхлипнула Джорджина. — Я не понимала... Я не знала, что он так за меня переживает. Это все моя вина. Я знаю, что это так!

— Помолчи, — буркнул Ла Бушери. — Дай мне вон ту коробку. Быстрее, девочка!

— Как вы думаете, что они с ним сделают?

Джорджина слепо передала ему не тот предмет, и Ла Бушери с проклятием выбил его у нее из рук. Его нервы были прикрыты защитным слоем жира, но чрезвычайная ситуация пробилла броню и заставила их задрожать от раздражения.

— Во время Чистки он выдаст все, что знает, — свирепо сказал Ла Бушери. — Имена, даты и адреса. Твои, мои. Всех. Возможно, стражники уже едут сюда. Если не хочешь помогать, хотя бы не путайся под ногами.

Он с шумом прошел в другой конец комнаты, чтобы вызвать портье.

— Думаю, у нас не больше получаса, — предположил Ла Бушери. — Прекрати плакать и соберись. Даже портье может что-нибудь заподозрить, если увидит тебя в таком виде. Надо торопиться. Нам надо убираться отсюда, как можно быстрее.

Через пятнадцать минут они уже были совершенно в другом месте.

ГЛАВА VIII. Чистка

ЧИСТКА ВСЕГДА была эффективной, но психологи, работавшие с Мартом Хэверсом, неоднократно поражались сверхрезультатам в данном конкретном случае. Под наркотиками преступники рассказывали невероятные вещи, но обычно все шло по одной схеме. С Мартом Хэверсом психологов ждало много пугающих открытий.

В это было трудно поверить. Кеннарда Ла Бушери никогда не подозревали в создании революционного движения, а фримены считались исчезнувшими много лет назад. Но след вел прямо от относительного невинного проступка Джорджины, побывавшей на допросе в качестве свидетельницы ограбления в Слэге, к Ла Бушери, фрименам и огромной подпольной организации, очень медленно набирающей силу после резни двадцатипятилетней давности.

Стражникам пришлось поверить Хэверсу. Никто не лжет под наркотиками. Разумеется, за этим последовали проверки и рассле-

дования. Тем временем, умелые вопросы психологов продолжали проливать свет на подробности устройства тайной организации. Теперь стали известны долговременные планы Ла Бушери, а также предполагаемый путь к победе над кромвеллианами, такой извилистый, что прежде чем фримены могли бы ударить так, чтобы надеяться на успех, должны были пройти еще многие годы. Стражники узнали, как об алеутском убежище, так и о многих других.

Но узнали только то, что было известно Марту Хэверсу. А Ла Бушери рассказывал ему далеко не все.

Когда вопросы, наконец, вытянули всю возможную информацию, настало время изучить ее источник — самого Марта Хэверса, а точнее — его личность. И то, что психологи обнаружили, удивило их почти так же сильно, как и то, что они узнали о фрименах.

Стало очевидно, что он является потенциальным Лидером. Март Хэверс лишь смутно знал историю своего похищения и тех, кто были его биологическими родителями. Но психологи не нуждались в напоминаниях и прекрасно понимали, какую важность представляет собой этот уникальный мозг. Людей со способностями Лидеров было не так уж много, чтобы просто избавиться от одного из них.

Работа над Мартом Хэверсом продолжалась с интересом и энтузиазмом...

Следующие четыре месяца не сохранились в его памяти.

Кромвеллианские техники отлично разбирались в своем деле. Хотя определенные направления исследований и были запрещены, остальные области были доступны, и парапсихология имела огромную ценность для этой цивилизации. Лидеры правили, только пока могли править. И психология превосходила по важности даже атомную бомбу, потому что была способна предотвратить взрыв и даже само создание бомбы.

Имя Марту Хэверсу решили не менять. Оказалось не обязательным даже полностью стирать ему память и заменять ее новыми воспоминаниями. Но избирательность была необходима. Психологи с помощью наркотиков и гипноза вскрыли разум Марта Хэверса и составили своеобразную карту всего, что было у него в голове.

Он не осознавал этого. Он не мог сопротивляться нео-пентоталу, приемам гештальт-психологии и остальному арсеналу средств в распоряжении ученых. Март стал морской свинкой, они оставили в его сознании только то, что было им нужно, и выбросили все остальное.

Выбросили и закопали. Эти знания перешли из сознания в подсознание, оказавшись в глубоком колодце, имеющемся в разуме

каждого человека. Полное уничтожение памяти было невозможно, если не трогать электрические схемы самого мозга, но этого ученые делать не умели – пока не умели. Можно было сказать, что они замазали некоторые участки мозга Хэверса так, что те перестали быть видны даже самому Марту Хэверсу. Многие его воспоминания стали невидимыми.

Затем ученые добавили в его разум несколько новых строчек.

С точки зрения электрика, они заменили проводку в голове Хэверса так, что теперь его мозг работал на переменном токе вместо постоянного. Психические шаблоны стали иными. Основные побуждения изменились. Он остался тем же человеком, но стал по-другому думать.

Потребовалось время. Организм Хэверса должен был привыкнуть к обновленному сознанию. Несколько лет назад, когда процесс только начали внедрять, слишком быстрое «лечение» часто заканчивалось смертью или безумием. Когда человек сталкивается с неразрешимой проблемой, он может сойти с ума, и два набора воспоминаний – радикально противоположных – в одном мозгу, это словно психические анод и катод. Поэтому сейчас Чистка проходила максимально осторожно. Пока один резервуар постепенно опустошался, другой постепенно наполнялся.

И, в конце концов, Март Хэверс стал кромвеллианином...

У НЕГО НЕ БЫЛО амнезии. Да, он кое-что забыл, кое-какие ключевые события, сформировавшие его характер. И, чтобы все сходилось, их заменили другими, несуществующими событиями. Но он остался Мартом Хэверсом.

Хоть уже и был кромвеллианином.

Пока психологи работали над его сознанием, они заодно проверили и его возможности. При рождении у него были возможности Лидера, хотя никто не мог сказать, кем станет младенец: экспертом в электронике или гениальным политиком. Это формировала среда. Среда, в которой находился Хэверс, тоже оставила на нем свой отпечаток, тесты показали, какая работа подходит ему лучше всего. Поэтому психологи вложили в его разум воспоминания и техническую подготовку, и после Чистки он стал квалифицированным Погодным Патрульным – квалифицированным, не считая полного отсутствия практики.

После этого Хэверса перевели в службу Погодного Патруля, и это ему понравилось.

У разума, как и у природы, была система проверки и поддержания баланса. Психологи забрали у Хэверса воспоминания о Джорджине

и Ла Бушери, но ничем не заменили чувства, которые он испытывал по отношению к ним. Эти чувства не являлись просто любовью и ненавистью, эмоции всегда смешаны. Но в душе Марта Хэверса осталась пустота, и его супер-эго решило эту проблему.

Пустое место неизбежно должно было чем-то заполниться. Он познакомился с Даниэлкой Вон и Андре Кельвином.

Вначале он встретился с Даниэлкой. Другой человек бы, вероятно, просмотрел бы потенциал ее красоты, поскольку она являлась одной из немногих женщин-Лидеров, и была связана традиционным правилом «сильные женщины не могут быть красивы». Кромвеллиане держались у власти, давая своим рабам еще более слабую расу, чтобы им в свою очередь было кем править – женским полом, угнетенным до бесполезной, беспомощной, но приятной на вид части населения, не имеющей никакого предназначения, кроме того, чтобы прихорашиваться ради мужчин. Поэтому Лидерами, в основном, были мужчины.

Однако иногда младенцы-девочки все же показывали качества Лидера. Было небезопасно позволять им расти, как обычным женщинам. Будучи не в состоянии найти естественный выход своим возможностям, они начали бы бунтовать. Поэтому их тренировали, как Лидеров, но с одним отличием. Нельзя быть Лидером... и одновременно женщиной!

Даниэлла носила серый, искусно сшитый костюм, в котором выглядела неуклюже и по-мужски. Ее волосы были собраны в непривлекательную массу, а губы и щеки не знали прикосновения помады и румян. Даниэлла Вон работала техником в лаборатории Погодного Контроля, и ее задачей стало научить Хэверса практическому применению определенных знаний, уже имплантированных в его мозг.

Даниэлла умело учила его, но не как женщина.

Гипноз дал Хэверсу огромный запас сведений. Он знал, что такое градиент – вертикальный температурный градиент – и разницу между сухим адиабатическим процессом и насыщенным адиабатическим процессом. Знал, как пользоваться чашечным анемометром и шарами, оборудованными теодолитом. Знал, что «5» по шкале Бофорта – это умеренный ветер, а десятка – настоящая опасность! Он понимал, что такое изобары и антициклоны и, в теории, был Погодным Патрульным.

Но Хэверсу не хватало опыта, и часть его он получил в лаборатории, работая с Даниэлкой Вон.

Впервые в жизни он радовался работе. Сильное, безжалостное давление и наблюдательность Ла Бушери исчезли, и на их месте появилось настоящее желание, не оставляющее места для бунта.

Да и зачем было новому Марту Хэверсу бунтовать? У него появилась возможность продвижения, он проходил период обучения, который должны были пройти все неоперившиеся Лидеры, чтобы стать полноправным Лидером — и этого было достаточно. Верно, прежде чем Хэверсу было позволено войти в хорошо охраняемые ряды Лидеров, состоялось крупное совещание, но в результатах психологических тестов никто не сомневался. Лидеров отличали выдающиеся умственные способности, и Март Хэверс ничуть не уступал остальным.

Ему были имплантированы ложные воспоминания. Хэверс не знал, что прошел Чистку. Он редко задумывался о прошлой жизни. На то была причина — психологи установили в его мозгу блокировку, чтобы он не думал о том, о чем не надо. Это служило страховкой на случай конфликтов между его новым сознанием и секретами, забытыми, похороненными в подсознании.

Он работал с Даниэлкой, но не относился к ней, как к женщине. Однако она смотрела на него, как на мужчину, потому что прежде не знала таких, как он. Тяжелое детство Хэверса оставило нестираемый след.

Они отметили на карте полярный фронт. Даниэлла откинулась на спинку кресла и кивнула Хэверсу.

— Ладно, — сказала она. — Рассказывай, что видишь. Посмотрим, чему ты научился за эти шесть недель.

Хэверс уставился на карту. Карта подсказала ему кое-что, но этого было не достаточно. Приближается холодный фронт, давление изменится. На границе, возможно, будет буря. Это неважно. Но...

ХЭВЕРС ВЗЯЛ другую карту, большую, и быстро и аккуратно начертил на ней погодную диаграмму. Даниэлла смотрела на него, ее серые глаза были непроницаемы.

Он рассмеялся.

— Не надо уничтожать бурю, — сказал он. — Сейчас не то время года. Возможно, в Дакоте будет небольшая заварушка, но это неважно.

— Почему?

— Прибрежные фруктовые культуры, — ответил Хэверс. — Днем жарко, а ночью холодно. Слишком холодно для этого времени года. Садоводам пригодится облачное покрывало, чтобы спасти урожай.

— Как спасти?

Это он знал наизусть.

— Ночные облака отражают тепло, поглощенное землей жарким днем. Излучение просто будет отражаться туда и обратно всю ночь, вместо того, чтобы рассеяться в космосе, дав растениям замерзнуть. Вот почему не стоит уничтожать бурю, пока она не уйдет на юг слишком далеко. Довольна?

Даниэлла быстро кивнула.

— На сегодня хватит, — встав и зевнув, сказала она. — Я устала. Во всяком случае, теперь это просто рутина, и тебе осталось всего пару дней. А в среду ты отправляешься в Патруль, не так ли?

— Все верно. Патруль пятьдесят один.

— Вот как? — переспросила Даниэлла со странной ноткой в голосе. — Ну, за тобой будет присматривать хороший капитан. Приберишь в лаборатории, прежде чем идти спать. Спокойной ночи.

Даниэлла ушла, устало ссутулив плечи. Хэверс секунду посмотрел ей вслед, затем, насвистывая, вернулся к работе. Дело шло медленно. Его голова была занята другим — будущими полетами на настоящей службе.

Это была интересная, престижная и очень важная работа. С тех пор, как в 1946-ом году человечество сделало первый эпохальный шаг к управлению погодой, когда Винсент Шэфер сбросил в облако пару килограммов сухого льда, переохладил его и заставил выпасть на поверхность в виде осадков, человек еще немного приблизился к тому, чтобы стать безраздельным хозяином планеты. Погодой можно было управлять!

Тем, кто пережил бушующие ураганы, обильные потопа, сильные похолодания, периоды засухи и тысячи других капризов любовью планеты, не являющейся идеально гладким шаром из воды или камня, вращающимся вертикально, а не с наклоном, управление погодой казалось настоящим чудом.

Даже в 1946-ом и 1947-ом уже было возможно предсказывать будущее. Не в ближайшие дни, разумеется, но скоро, очень скоро...

Фермеры уже могли выращивать привередливые культуры и не переживать, что метель уничтожит их, потому что бурю можно было лишить сил еще до того, как она доберется до полей, на какой-нибудь территории, где снегопад никому не навредит, а, может, и принесет пользу, если снег, например, пополнит бассейн реки. Теоретически, это могло положить конец засухам, а также означало, что города и транспортные узлы больше никогда не будут завалены снегом.

Это предвидели даже в 1947-ом, а сегодня Земля, в климатическом отношении, походила на рай больше, чем за весь период со времени доисторической эпохи, когда погоду можно было предсказать на пару тысяч лет вперед, потому что тогда ландшафт не вызывал ее изменений. Экология была сбалансирована. Человек управлял погодой.

Не без труда и не всецело. Катастрофы все еще происходили. И с древнего нечеловеческого врага, безостановочно нападающего из всех областей рождения бурь, нужно было постоянно не спускать глаз. Это была бесконечная война с врагом, обладающим неограниченными ресурсами.

Врагом, чьим голосом был гром, а мечом – молния. Неумолимым врагом, дубиной которого являлся сам ураган. Неудивительно, что Погодный Патруль был окружен романтическим ореолом, ведь он сражался с самой мощной силой, когда-либо существовавшей на планете.

Пока планета непрерывно катилась по своей гигантской спирали, она ежечасно рождала богов сильнее Зевса и всех его союзников, а также циклопов, правящих громом и молнией, и гекантонхейров, сторуких чудовищ, сотрясающих Землю.

С полюсов накатывали штормы, чтобы встретить древних богов ветра и тьмы, летающих на реактивных самолетах Погодного Патруля – Ликвидаторов Бурь.

ГЛАВА IX. Даниэлла Вон, Лидер

ЭТО случилось в те редкие моменты, когда Март Хэверс оставался один. Именно тогда его начинали тревожить воспоминания. В основном, работа почти не давала ему возможностей для самоанализа. Но он уже смутно понимал, что его прошлое было слишком неясным.

Хэверс кое-что помнил о своем детстве в приюте – эксперты мнемоники пытались держаться как можно ближе к реальным фактам – а также о юности и последующей подготовке к работе. Но во всем этом была какая-то странная... призрачность? Пустота? Хэверс не мог точно сказать. Он лишь знал, что у него в разуме стоит какая-то блокировка, не позволяющая ему заглянуть в прошлое и даже захотеть туда заглянуть. Он понимал, что это неправильно, и это не давало ему покоя.

Работа психологов над Хэверсом не была идеальной. По какой-то причине, его сознание оказалось устроено сложнее, чем все остальное, над чем когда-либо трудились эксперты. Никому из

людей с возможностями Лидера не требовались такие изменения, пока не появился Хэверс. В целом, ученые добились успеха. Теперь Хэверс искренне верил в правоту кромвеллиан, в их цели и свод правил. Верил, потому что длинная цепь, соединяющихся друг с другом псевдо событий, осторожно имплантированных в сознание Хэверса, привела его к тому, чтобы он встал на сторону Лидеров.

Но в его разуме остались места, которые ученые не заполнили. Остались глубины, куда они не смогли забраться. И вакуум в этих пустотах стремился заполниться сам, поэтому посылал маленькие водовороты безымянного недовольства на поверхность сознания Хэверса.

Одну из таких пустот оставила Джорджина.

Этим вечером, приводя лабораторию в порядок, он нашел идентификационный диск Даниэллы Вон. Диск лежал под ее креслом, к нему вела порвавшаяся цепочка. Хэверс поднял диск и посмотрел на ровные, загадочные символы, мало что рассказывающие о Даниэлле. Ну, медальон понадобится ей уже утром. Хэверсу лучше его вернуть.

Возможно, пройдет еще тысяча лет, прежде чем люди начнут полностью понимать, насколько сложен человеческий мозг. Пока Хэверс стоял перед дверью в апартаменты Даниэллы, в его голове тек странный поток мыслей. Он даже не мог найти его источник, а серьезные ученые, создавшие искусственные шаблоны мышления, тоже не смогли ничего понять, когда оставили эти пустые места... но нынче вечером Хэверс был подсознательно готов к тому, что его ждало.

Прохладный ночной ветер бесшумно дул через приоткрытую дверь. Хэверс услышал внутри тихие шаги.

Он позвонил в звонок.

— Это ты, Мега? — отозвался приятный, бесстрастный голос Даниэллы. — Заходи. Я давно тебя жду.

Март подчинился прежде, чем понял, что она говорит не ему.

Комната была просторной, а потолок — высоким, на полу лежали синие ковры, из освещения был включен лишь ночник в дальнем углу, выполненный в форме стильно украшенной цветущей лозы. На низком столике рядом с креслом лежали книги, а рядом с ними расположились знакомые очки для чтения. Тщеславие контактных линз было не для Даниэллы.

Секунду Хэверс не мог ее найти. Затем приятный голос раздался снова, и Хэверс повернулся к большим окнам, через которые пробивался лунный свет и яркий блеск Чикаго, подобного гигантскому

футляру с бриллиантами, уходящему в усеянные звездами небеса и смешивающему свои звезды с теми, что находятся в космосе.

Чикаго? Хэверс на секунду растерялся. Это же должен был быть другой город. Рено? Нет, точно не Рено. Он же никогда не видел Рено, в этом сомнений нет. Он обыскал все доступные закоулки памяти и не нашел ответа.

— Мега? — донесся с балкона голос Даниэллы. — Кто там?

Затем она сама вышла через открытую стеклянную дверь, остановилась, уставившись на Хэверса, и тот на мгновение потерял дар речи.

Если бы не этот приятный тихий голос, он бы никогда ее не узнал. Голубые и пастельные тона комнаты могли подсказать ему, что тут жила блондинка, и то, что в своих квартирах даже Лидеры-женщины могут творить что угодно.

Но слово «блондинка» никак не могло описать Даниэllu Вон. Ее изящная и ускользающая красота поразила Хэверса. Волосы Даниэллы, весь день собранные под строгой лабораторной кепкой, теперь перетекали гладким потоком через одно плечо, словно расплавленный белый металл, и доходили почти до талии. Она приподняла густые волосы и заправила их обеими руками за уши, как вдруг узнала Хэверса. И тоже на секунду потеряла дар речи.

— Я подумала, это мой парикмахер, — засмеявшись, сказала Даниэлла. — Прошу прощения. Теперь ты знаешь мой секрет. Даже женщина-Лидер может быть слишком тщеславной, чтобы отрезать свои волосы.

ХЭВЕРС ДАЖЕ не понял, что так и не ответил Даниэлле. Он пристально и по-новому смотрел на ее изящное, ясное лицо, обрамленное пепельно-белыми волосами. То же самое лицо он видел ежедневно уже ряд недель, но... Нет, оно стало другим. Едва различимые изменения, такие неуловимые, что их нельзя было описать словами, необъяснимым образом придали лицу Даниэллы совершенно иной вид. Но, кроме всего прочего, ритуал превращения в некрасивую женщину включал в себя создание ненавязчивого акцента на неправильных чертах лица при помощи однотонного тонального крема.

А теперь, когда макияж перестал скрывать естественный розоватый цвет лица Даниэллы, особенно красиво выглядевший на фоне искусно оформленной комнаты, у Хэверса перехватило дух. А под бесформенной одеждой, которую она носила на работе день ото дня, скрывалось тело ничуть не менее прекрасное, чем ее лицо. Туго подпоясанный халат мало что мог утаить.

Один из водоворотов, тревожащих поверхность сознания Марта Хэверса, незаметно замедлил вращение и начал уменьшаться. Глубоко под ним пустота, из которой он поднялся, заполнялась, пока он любовался Даниэлкой Вон.

— Ты... Я только сейчас понял, как ты красива. — Он сам удивился, услышав от себя такие слова.

— Нет, — улыбнулась она. — Всего лишь более-менее симпатична. Тебе просто показалось в сравнении с тем, как мне приходится выглядеть в течение дня. Хэверс, вообще-то, тебя тут быть не должно. Чего тебе нужно?

Он вошел в комнату, закрыл за собой дверь и прислонился к ней своей широкой спиной. Затем намеренно ухмыльнулся, продолжая глазеть на Даниэллу из-под густых бровей.

— Я просто хочу смотреть на тебя. Вот и все.

— Не будь нахалом, Хэверс. — Розоватый оттенок ее лица слегка сгустился.

— Не будь эгоисткой, Вон! — Он удивился собственной наглости.

Но ему не стало стыдно. Он просто сказал то, что пришло ему в голову.

— Все эти недели ты меня обманывала. Так что теперь дай полюбоваться.

Даниэлла убрала густые светлые волосы с плеча, закинув их за спину одним движением голой руки. Затем решительно подошла к двери и протянула руку, чтобы открыть ее.

— Уходи, Хэверс. Я не хочу писать на тебя докладную, но...

Он взял Даниэллу за протянутую руку, слегка нарушив ее равновесие так, чтобы появился повод ее подхватить. Хэверс впервые осознал, какая она хрупкая по сравнению с его ростом и габаритами.

Чтобы не упасть, Даниэлла ухватила за его руку обеими руками. Затем спокойно взглянула ему в глаза.

— Не выставляй себя дураком, Хэверс, — тихо сказала она. — Ты кое-что забыл.

— Я кое-что узнал, — ухмыльнувшись, возразил он.

— Вот почему мне приходится одеваться так, как одеваюсь я, — объяснила Даниэлла, постаравшись сделать свой голос как можно более бесстрастным. — Понимаешь? Как только ты узнал, что я женщина, то начал относиться ко мне, как к дурочке с переулочка, каких можно встретить за стенами лаборатории. Не все женщины обязаны быть глупыми — это лишь такая мода. Не думай, что ты льстишь мне, когда так себя ведешь, Хэверс. Мне это не нравится. Отпусти меня.

Мышцы его руки на секунду задрожали, и ему показалось, что он сейчас усилит объятия, в которых придерживал Даниэлла. Она тоже так подумала и молча посмотрела на него. Краска на ее лице сгустилась еще сильнее, а рот приоткрылся в немом возражении. Так стояли они долгое мгновение, и воздух между ними дрожал от невысказанных чувств, слишком бесформенных, чтобы выразить их словами, а, может, и слишком опасных, чтобы это сделать. Но эти чувства были такими же реальными, как и воздух, которым дышали Хэверс с Даниэлла.

Он мог поцеловать ее. Он хотел это сделать и видел, что она ожидает того же. Но правдивость ее последних слов с каждой секундой промедления доходила до Хэверса все более полно, и какое бы развязное опьянение ни охватило его при виде ее красоты, он постепенно остывал.

Хэверс медленно отпустил Даниэлла.

Она отошла назад, не сводя с него взгляд, словно все еще пытаясь что-то найти. Потому что никогда не знала кого-либо, похожего на Хэверса, и подспудные стремления, внезапно возникнувшие между ними, напугали и поразили их обоих.

— Извини, — сказал Хэверс и удивился своему неровному голосу и ушаченному дыханию. — Ты права. Я дурак. Забудь об этом, если... если пожелаешь.

Даниэлла хмуро взглянула на него.

— Нет! — резко воскликнула она в ответ на эту просьбу. — Не забуду! Это был поцелуй, и неважно, приняла я его или нет. Запомни это. — В ее словах не было никакого кокетства.

— Знаю. Ты права. Я запомню. Но...

ЗВОНOK В ДВЕРЬ не дал Даниэлле сказать то, что она собиралась. Она нахмурилась и взглянула на дверь.

— Мега, — тихо произнесла она.

— Я пойду. Прости меня.

— Не извиняйся. Но, разумеется, тебе надо идти.

— Можно я загляну попозже?

Даниэлла поднесла руку к щеке и поправила густые волосы, одновременно откинув голову. Не взглянув на Хэверса, она покачала головой, заставив пепельный водопад покачаться на плечах.

— Почему же нет?

— На следующей неделе ты присоединишься к Патрулю, — уйдя от прямого ответа и не глядя ему в глаза, ответила Даниэлла. — Разве это не так? Ты ведь знаешь, куда тебя назначили?

— Патруль пятьдесят один. Капитан Кельвин.

— Андре Кельвин, — нежно повторила он. — Андре замечательный человек. В следующем году у нас свадьба.

Хэверс открыл было рот, но закрыл его снова. В тишине еще раз прозвенел звонок, и на этот раз Хэверс не помешал Даниэлле открыть дверь.

— Нет, — сказал он перед тем, как ручка в ее пальцах повернулась. — Предупреждаю тебя, это был поцелуй. Я жду, что будут и другие, более осязаемые. Я не приму Андре Кельвин в качестве ответа.

Даниэлла улыбнулась и потянула дверь на себя.

— Входи, Мега, — сказала она. — Ты что-то задержалась. Хэверс — спокойной ночи.

Дверь тихо закрылась за ним.

ГЛАВА X. *Погодный Патруль.*

— У НАС ДВА задания, — сказал капитан Андре Кельвин. — Для первого нам не нужен реактивный самолет, для второго — нужен. Стратосферная миссия.

В кабинете рядом с ангарами находилось пять человек. Март Хэверс, в голубовато-золотой форме Погодного Патруля, стоял вместе с остальными по стойке «вольно» и смотрел на черную доску, по которой водил указкой Кельвин. Он перевел взгляд на капитана.

Андре Кельвин был высоким, статным и стройным человеком со светлыми волосами и обманчиво молодым лицом.

— Первым заданием будет рассеять облако над Канадскими Скалистыми горами, — сказал он. — С этим справится любой новичок. Второе требует некоторых объяснений, хотя вам уже рассказали, что нужно сделать. Но я еще раз пробежусь по основным пунктам. Активность солнечной короны увеличилась. Чтобы составить нужные прогнозы, потребуется коронограф с двойным лучепреломлением, но это уже сделано. Электроны будут врезаться в верхние слои атмосферы с большой скоростью — электроны, выпущенные Солнцем. Тут нет ничего нового. Но у нас приказ провести аналитические записи эффектов, которые эта бомбардировка окажет на искусственные метеориты. Все понятно?

Кельвин посмотрел на новичка Хэверса. Тот кивнул.

— Знаешь, что такое искусственные метеориты?

— Куски металла, погруженные на ракеты, взрывающиеся только на большой высоте.

— Да. Они летят быстро — несколько километров в секунду. Их будут наблюдать с Земли и фотографировать астрономическим оборудованием для изучения, но нам надо сделать снимки с близкого

расстояния, где нет тропосферы. Эти куски – не железные. Некоторые из них – изотопы. На этот раз ученые хотят проверить всевозможные эффекты.

– А причем тут Погодный Патруль? – спросил кто-то.

– Погодному Контролю требуется хорошее качество связи, как и большинству высокотехнологичных систем, – объяснил Кельвин. – Солнечные бури сильно влияют на коммуникации. К тому же, солнечная радиация напрямую меняет погоду. Чем больше астрофизики узнают о Солнце, тем дальше продвигается прогнозирование погоды, потому что мы начинаем учитывать больше переменных. А теперь... мы на всякий случай наденем термокостюмы. Ракеты вряд ли попадут в нас. Их траектории аккуратно просчитаны, а наш путь огибает опасную зону. Но мало ли что. Помните – в небе нельзя рисковать. – Кельвин снова посмотрел на Хэверса. – Теперь все. Вылетаем.

Он первым пошел на поле.

Идя следом за капитаном, Хэверс прокручивал голову его последние слова. Было ли это совпадение, или капитан косвенно предупредил его держаться подальше от Даниэллы? Ему показалось, что совпадение. С той ночи, он видел Даниэllu только мельком и никогда не оставался с ней наедине. Она разговаривала с ним также холодно и бесстрастно, как обычно, но их взгляды, то и дело встречались и на мгновение задерживались в таком положении. Даниэлла не притворялась, что ночного происшествия не было. Она просто не считала это чем-то важным.

Хэверс намеренно выкинул из головы воспоминания о той ночи. Если Андре Кельвин знал, что случилось... ну, это тоже было не важно. С предупреждением или без него, Хэверс знал, что сделает, когда придет время. Тем временем, его ждала работа.

Он проследовал за Кельвином к самолету...

После Чистки человека легко переобучить.

Но в разуме Хэверса оставались психические блокировки, ему определенно не доставало кое-каких воспоминаний, и он не любил думать об этих пустотах. Он полностью сосредоточился на работе, обратив на нее все свое внимание – вот почему Март Хэверс, уже усвоивший теоретическую подготовку, смог с удивительной легкостью научиться управлять самолетом.

Реактивные самолеты летают быстро. На них приходится устанавливать точный бомбовый прицел, чтобы попадать в облака над Канадскими Скалистыми горами, не долетев до Тихого океана, а невооруженным глазом было невозможно понять, выполнено задание или нет. Но снимки со спутников могли подтвердить это. Не-

сколько килограммов сухого льда попало в облачный пояс, взорвалось в верхней тропопаузе, и нарушило процесс суперохлаждения, не дающий каплям пара замерзнуть. Из льда мгновенно образовались снежинки, и облака выпали снегом над Канадскими Скалистыми горами.

Снегопад пополнит бассейны рек и спасет оказавшиеся на пути бури южные земледельческие зоны от потери урожая.

Это было первым заданием Марта Хэверса. Как и говорил капитан, оно оказалось очень простым. Чтобы заставить облако выпасть снегом, даже не требовался реактивный самолет, но этим выстрелом Погодный Контроль убивал сразу двух зайцев.

Март Хэверс, по приказу капитана, сидел рядом с ним у пульта управления, контролировавшего деятельность всей команды. Кельвин связался с пилотом по радиосвязи и бросил на Хэверса косой взгляд.

— Знаешь, почему мы набираем высоту? — спросил он.

— Ну, нам же надо в стратосферу.

— Прошу прощения, я хотел спросить, почему мы еще не начали ускоряться?

ХЭВЕРС ЧУВСТВОВАЛ ускорение, причем довольно мощное, но это все равно не могло сравниться с тем, на что был способен самолет.

Кельвин ловко нажал пару кнопок на пульте управления.

— У нас трапецидальные крылья, — подсказал он.

— А, — сказал Хэверс. — Трансзвуковая пауза.

— Хорошо. Подробнее.

— Скорость звука равняется тысяче ста девяносто километрам в час. Сверхзвуковая — тысяче шестистам и больше. Между этими скоростями находится так называемая трансзвуковая стена, где воздух ведет себя очень странно. Двигатели, крылья и аэродинамические элементы работают не так, как надо. Ударные волны могут разорвать самолет за считанные секунды, если врезаться в эту стену.

— И?

— Трапецидальные крылья стабилизируют центр давления во время трансзвукового перехода. Это помогает. Как и подъем над уровнем перистых облаков, там, где начинается стратосфера, плотность воздуха становится низкой, и ударные волны уже не такие мощные. Если забраться достаточно высоко, можно безопасно преодолеть трансзвуковой переход. А сверхзвуковая скорость нам нужна, как я думаю, чтобы проследить за искусственными метеоритами.

— Какой самый опасный участок перехода?

— Между тысячей сорока километрами в час и тысячью четырьмястами сорока. Именно в этом промежутке возникает стоячая звуковая волна.

Ни одному члену экипажа не нужно было объяснять опасностей сжатия. Пока воздух спокойно огибает полированную поверхность реактивного или винтового самолета, опасности нет. Но когда достигаешь тысячи сорока километров в час, демон воздуха начинает использовать микроскоп, чтобы найти изъяны. Выступы на корпусе или реактивные струи могут нарушить ровное течение воздуха, и даже раздавленный жук на краю крыла может привести к разрушению самолета, как только звуковые волны затевают свои странные игры.

Поэтому ученые разработали специальный сплав, отвечающий всем требованиям, и конструкцию самолетов пересмотрели. Даже сейчас безопаснее уходить в стратосферу, и только потом разгоняться до сверхзвука. А дальше все было относительно просто. Но сначала приходилось преодолеть трансзвуковой переход.

Это требовало продуманного пилотирования и прямого, ровного курса, потому что даже малозаметные вихляния могли привести к катастрофе. Робот справлялся лучше людей, и Хэверс увидел, что самолет перешел на автопилот. Они приближались к трансзвуковому барьеру.

Все члены экипажа облегченно выдохнули, когда на потолке вспыхнула зеленая лампочка. На этот раз все прошло в штатном режиме.

Теперь Март Хэверс стал настоящим Погодным Патрульным. Никакие имплантированные воспоминания, никакая лабораторная подготовка даже близко не могли показать всего масштаба происходящего на службе в Погодном Контроле. Неудивительно, что профессия Погодного Патрульного считалась самой престижной работой на Земле и в космосе, подумал Март, смотря на пылающее величие мира, открывшегося перед ним на экранах. Единственное настоящее приключение, доступное человечеству.

Небо на фоне ярких скоплений звезд и планет было черным, угольно-черным. Солнечная корона светилась зазубренным кольцом белого огня на фоне абсолютной тьмы. А с далекой Земли друг за другом взлетали ракеты, взрываясь дождем кроваво-красных и серебристо-белых метеоров, пока самолет Патруля нарезал огромные круги, сотрясаясь от собственного грохота, создаваемого реактивной струей, похожей на лезвие гигантского огненного меча.

Вот так, посреди хаоса, созданного человеком, Март Хэверс прошел боевое крещение...

Шли недели и месяцы. Постепенно, неуловимо, психология Марта подстроилась и переориентировалась. Временами он работал в лаборатории, хотя предпочитал летные задания. Он научился применять знания, имплантированные ему в мозг. Над Альпами он сражался с феном, а на другой стороне планеты встречался с теми же самыми массами сухого воздуха, где они назывались чинуком.

Хэверс летал с Погодным Патрулем в «конские широты»* и через юго-восточные ветры, потом дальше и обратно. Он научился играть на облаках, как на сложном музыкальном инструменте, выполняя приказы начальников. Он носился за пределами стратосферы, пролетал через полярное сияние и саму ионосферу, а также помог справиться с «десяткой» по шкале Бофорта, которую было даже трудно назвать тайфуном.

Кромвеллианские психологи поступали мудро, предоставляя людям, прошедшим Чистку, всепоглощающее занятие. Работа приносила Марту Хэверсу счастье, не считая редких моментов странного беспокойства и пустоты, казалось, приходящих без всякой причины. Он осознал, что все больше и больше думает о Даниэлле Вон.

ЕСЛИ БЫ Хэверс хотел забыть о ней, это все равно было бы невозможно, поскольку она все еще считалась его официальным наставником и встречалась с ним дважды в неделю, либо по видеосвязи, либо лично, если он не находился на задании. Поскольку Даниэлла могла попросить, чтобы его перевели к другому наставнику, но не делала этого, Хэверс заключил, что ей тоже нравились их встречи. Пусть она оставалась бесстрастной, но он знал, что она помнила. Даниэлла позволяла ему быть в это уверенным.

С каждой встречей они узнавали друг друга все лучше и лучше. Узнали, в чем совпадают их вкусы, нашли то, что им не нравится, и сравнили отношение к этим вещам, незаметно для себя создали набор внутренних шуточек и намеков, который всегда появляется у тех, кто вместе регулярно работают над чем-то, интересным обоим.

Хотя не происходило ничего, к чему мог бы придаться Андре Кельвин, хотя Хэверс и Даниэлла ни разу не обменялись ни жестом, ни словом, в которых было бы что-то, кроме полной обезличенности, они с каждой встречей становились все ближе и ближе

* "Конские широты" - северные широты от 30 до 35 градуса - штилевая полоса Атлантического океана; по аналогии и широты 30-35 градусов северного и южного полушарий во всех океанах (прим. перев.)

друг к другу. Никто из них не торопил события, но напряжение, неумолимо ведущее к взрыву в будущем, в котором ни Хэверс, ни Даниэлла еще не были уверены, все равно нарастало.

В других обстоятельствах, Андре Кельвин понравился бы Хэверсу без всяких оговорок. Им хорошо работалось вместе. Кельвин был простым человеком, превращающимся в эффективную машину, когда появлялась необходимость, как это однажды случилось, вызвав внезапный кризис в одном из скрытых конфликтов в голове Марта Хэверса.

ГЛАВА XI. *Серьезные неприятности*

КЕЛЬВИН вызвал команду в свой кабинет, чтобы обрисовать ситуацию.

— Новый приказ, — сообщил он, когда все расселись. — Точное время неизвестно, но час «Ч» может наступить в любой момент. Все зависит от того, рассеется ли холод над Мэном, а также над Шетландскими и Фарерскими островами, и от много другого. Нам нужно будет нанести удар в строго определенное время.

— Стратосферное задание? — спросил кто-то.

— Вряд ли. Техническая лаборатория разработала несколько планов, но никто не уверен, каким именно мы воспользуемся. Впрочем, судя по небу, я бы сказал, что вторым.

Кельвин кивнул в сторону стены, на которой висели четыре огромные карты. Они выглядели сложными, на них был нанесено множество изобар, изотерм, область с пониженным давлением, движущаяся на юг, и изогнутые тени дождевых поясов, но сейчас Март читал карту так же легко, как и сам Кельвин. Он снова посмотрел на план «Два», и его губы невольно сжались.

Капитан все еще говорил. Хэверс вытаскил свои мысли из бесформенных мест, где они блуждали, и попытался слушать капитана. Но у него не получалось сосредоточиться. В лучшем случае, он мог просто молчать и делать вид, что внимает Кельвину.

— Вопросы? — закончив, спросил тот.

Ответом была тишина.

— Хорошо. Вы предупреждены. Не покидайте поле.

Команда вышла из кабинета, но Хэверс остался на месте. Кельвин повернулся к рабочему столу, однако, поднял глаза и поймал на себе взгляд Марта.

— На меня не рассчитывайте, — неожиданно вырвалось у Хэверса, прежде чем понять, что говорит.

Кельвин секунду растерянно смотрел на него. Затем встал, подошел к окну в другом конце помещения и уставился наружу, стоя спиной к Хэверсу.

— Не понимаю, — сказал капитан.

Как ни странно, но Март тоже не понимал. Он попытался обыскать темные уголки своего разума, зайти в заблокированные проходы, постараться понять, откуда взялось необъяснимое чувство назойливого давления.

— Я... я не хочу лететь на это задание, — сказал Хэверс слегка дрожащим голосом. — Вот и все. У вас есть другие пилоты.

— Послушай, — повернувшись, сказал Кельвин, — всех Патрульных периодически охватывает внезапный страх, даже ветеранов. Худшее, что ты можешь сделать — пойти у него на поводу. Стратосферные задания гораздо опаснее этого. Нас ждет рутинный вылет. Я назначу тебя на другой пост в самолете.

— Я же сказал, что никуда не полечу.

Капитан почесал подбородок, а затем внимательно посмотрел на Хэверса.

— Я не могу позволить тебе просто отказаться, — сказал он. — Поверь мне, я несколько раз чувствовал нечто подобное. В этом нет ничего необычного. Но существует такое понятие, как дисциплина.

Хэверс еще раз попытался распахнуть запертые двери у себя в голове. Они не поддавались, как бы отчаянно он ни дергал ручки. Март сделал глубокий вдох, содрогнувшись всем телом.

— К дьяволу дисциплину, — сказал он, развернулся и вышел из кабинета...

Даниэлла Вон позвонила по видеофону в квартиру Хэверса. Он не встал с кровати, где сидел и курил безвкусную сигарету.

— Да, — щелкнув переключателем, сказал он.

— В чем дело? — спросил она.

Март нахмурился, глядя на экран.

— Значит, капитан Андре Кельвин все тебе рассказал, да?

— Именно так он и сделал, — спокойно ответила Даниэлла. — Он не хочет, чтобы у тебя были неприятности. Если бы он доложил о тебе официально, у тебя могли бы возникнуть серьезные проблемы.

— Ты должна была звонить мне завтра.

— Знаю. Завтра я тебе тоже позвоню. А потом напишу еженедельный отчет о твоём прогрессе. Но сейчас я хочу, чтобы мы во всем разобрались, и завтра я могла бы с чистой совестью написать хороший отчет.

Хэверс печально улыбнулся. Даниэлла с едва заметной тревогой посмотрела на него с экрана.

— Я не понимаю тебя, Март, — сказала она. — Разве тебе не нравится служба в Патруле? Дело в этом?

— Нет. Мне нравится эта работа.

— Тогда почему ты отказываешься отправлять на задание?

Хэверс смял сигарету указательным и большим пальцам и швырнул ее в другой конец комнаты.

— Не знаю! — выпалил он. — Не знаю, почему! Давай на этом и остановимся.

— Я не совсем понимаю, — сказала Даниэлла, — но начальство очень заинтересовано тобой. Они не раскрывают мне свои секреты, но мне кажется, тебе будет намного лучше, если ты будешь придерживаться выбранного направления и не свернешь сейчас с пути. Вообще-то, я должна была незамедлительно сообщить о твоём поведении. Должна была сделать это еще до звонка. Но, Март... вернись к Андре и...

— Извинись?

— Ты и сам знаешь, что ему этого не нужно. Он хочет услышать вовсе не извинения. Я сама позвоню ему. Можно? Март, это всего лишь рутинное задание.

Хэверс приложил руку ко лбу, словно, чтобы успокоить внезапно застучавшую в голове боль. Запертые двери, запертые двери... И какое-то странное, непонятно откуда взявшееся давление, которому он не мог сопротивляться.

— Я не могу, — хрипло ответил Хэверс. — Я... не могу туда полететь. Я просто *не могу*!

ПРИКАЗ ПРИШЕЛ спустя два часа.

Хэверс не увиделся с Кельвином до отлета. Он просто пару раз небрежно потрогал форму и вышел на взлетное поле, где ждал реактивный самолет... ждал его. Март больше не пытался открыть запертые двери в своем сознании или даже подумать о них. Он временно сдался. Задача была слишком трудной, особенно потому, что он не понимал ее природы.

Словно в голове Хэверса появилась трансзвуковая стена, и он не мог преодолеть ее, не разбившись. Но она была более осязаемой, чем воздушный молот скоростного барьера. У него в голове образовалось массивное ограждение.

Хэверс не мог перебраться через него. Он понимал, что не может отправиться на задание, запланированное Кельвином. Но всякий раз, когда он спрашивал себя, почему, в его разуме появлялись темнота, беспорядок и вопросы без ответов.

Поэтому он сдался. Пусть начальство решает, что ему делать. Это лучше, чем пытаться разрешить свои проблемы.

Хэверс машинально проверил облачные массы и осознал, что пытается предсказать погоду, когда самолет с ревом полетел на юго-запад.

Он направлялся в Рено. Это было не удивительно, потому что город в Неваде стал одним из центров власти кромвеллиан. Когда самолет снизил скорость, Хэверс заметил расплзающееся убожество Слэга, чернильное пятно рядом со сверкающим драгоценным камнем Рено.

Вид трущоб ничего не пробудил в разуме Хэверса.

Однако Центр Мнемоники показался ему смутно знакомым. Он не смог понять, что именно вспомнил, но пару раз ловил себя на мысли, что это уже случалось прежде. Когда Хэверс спросил об этом, один из психологов отмахнулся отсылкой к феномену *дежавю* и больше ничего не сказал.

Зачем его заставили пройти какие-то тесты, он тоже не понял. Ученые ничего не объясняли, и через некоторое время Хэверс перестал спрашивать. С угрюмой покорностью он переходил одного прибора к другому, изображая добросовестного пациента, но не такого покорного, каким мог казаться. Внутри него начало прорастать семечко сопротивления.

Прежде чем оно дало росток, двери Центра Мнемоники закрылись за Хэверсом. Его отвели в огромное здание, возвышающееся в центре Рено, где лифт поднял его на верхний этаж.

Апартаменты слегка напоминали дворец. Хэверс один вошел в просторную комнату, являющуюся концом его пути. Дальняя стена представляла собой гигантское изогнутое стекло, через которое виднелись огни Рено, появившиеся, когда солнце скрылось за озером Тахо.

Человек, смотревший на панораму города, повернулся, когда Хэверс вошел, и по его жесту загорелись яркие лампы, висящие на стенах под самым потолком. Человек был высоким, худым, смуглым, с черными волосами и карими глазами. Только плавность его движений не позволяла казаться неуклюжим. Первым делом Хэверс заметил, что человек выглядел очень, очень уставшим.

— Здравствуй, Хэверс, — сказал тот тихим голосом. — Пожалуйста, садись. Меня зовут Ллевелин.

Алексис Ллевелин, Лидер, эксперт по мнемонике. Март слышал о нем, поскольку тот являлся одним из главных кромвеллиан. Он осторожно сел, не спуская глаз с Ллевелина.

— Расслабься, — сказал Лидер. — Хочешь сигарету? Или чего-нибудь выпить? Я не буду говорить, что о нашей встрече никто не знает, потому что это не так, и я хотел с тобой поговорить по нескольким причинам. Приборы в Центре, разумеется, весьма точны, но всегда остается нечто неуловимое, которое не могут заметить даже они. — Ллевелин замолчал и нахмурился, о чем-то задумавшись, а затем, вздрогнув, продолжал. — Можешь не волноваться, я знаю о тебе больше, чем ты сам. Возможно, больше, чем кто-либо еще. И не проси меня рассказать, что мне известно. Вероятно, когда-нибудь я это сделаю, но не сейчас. Самое главное... почему ты отказался лететь на обычное задание Погодного Патруля?

Март откинулся на спинку кресла, почувствовав себя таким же уставшим, каким выглядел Ллевелин.

— Не знаю, — ответил он. — Это все, что я могу сказать. Не знаю.

— Ладно, — кивнул Лидер, — если это правда. А, может, и нет. От этого многое зависит... К несчастью, по весьма важным причинам, мы не можем объяснить тебе всего, но я могу сказать одно. Следующие несколько дней за тобой будут наблюдать. Я хочу, чтобы ты вел себя, как обычно. Это твой лучший выход. Но при любых обстоятельствах, с тобой не случится ничего плохого, нам просто надо узнать твое нормальное поведение, поэтому просто делай, что хочешь. Все будет в порядке, — успокаивающе добавил он уставшим голосом.

— Хотел бы я верить в то, что все будет в порядке, — сказал Хэверс. — Но я... я не могу объяснить.

— Не беспокойся. Кажется, я знаю, что происходит у тебя в голове. Впрочем, это неважно. Можешь положиться на кромвеллианизм. Если хочешь, можешь снять с себя обязанности. Подозреваю, у тебя серьезные проблемы, но ты не понимаешь, в чем дело. Все верно?

Март с удивлением кивнул.

— Что-то вроде этого. Я не испугался задания. Дело только...

— Сдается мне, тебя встревожил план «два», — сказал Ллевелин. — Сам я плохо знаком с работой Погодных Патрульных, но мне сказали, что этот план резко и кардинально изменил бы погоду на Алеутских островах. Я прав?

— Алеутских? А... да. Все верно. Холодный фронт.

Март бросился объяснять детали и почувствовал странное облегчение, рассказывая, как именно план «Два» изменил бы давление в той области, и побочным результатом стало бы появление над Алеутскими островами феноменального теплого фронта.

Ллевелин, казалось, не смотрел на Марта, но каждый раз, когда тот сбивался, Лидер вставлял какое-нибудь незначительное слово, и монолог продолжался.

ГЛАВА XII. Лабиринт беспамятства

ПОНЯВ, ЧТО говорит уже довольно долго, Хэверс на некоторое время замолчал. Его сковала неловкость. Ллевелин встал и подошел к огромному окну.

– Сэр, – внезапно спросил Март, – могу я вас кое о чем спросить?

– А почему нет? Спрашивай.

– Со мной что-то не так? Я хочу сказать, с моим... сознанием?

– А ты как думаешь? – не повернувшись, спросил Ллевелин.

Хэверс попытался выстроить в цепочку те немногие факты, что у него были.

– Не знаю. Но я кое-чего не понимаю. Почему, после того, как я отказался лететь на задание, меня привели в Центр Мнемоники и заставили пройти столько тестов?

– Как правило, Погодные Патрульные не отказываются от заданий. Возможно, это одна из причин. А как ты сам думаешь?

– Думаю, дело не только в этом, – ответил Хэверс. – Я даже не знаю, почему я отказался выполнять этот конкретный приказ. Не какой-то другой, а именно этот. Не знаю, почему. Я должен был понять. Только...

Ллевелин отошел от окна.

– Только что?

– Мне кажется, проблема во мне. Иногда все выглядит каким-то странным, не... непрочным. Словно я помню только тени настоящих событий, чем бы они ни были. И... – напряженно засмеялся Хэверс, –...я не чувствую реальным даже себя.

– В Центре это называют фантазийным мышлением, – объяснил Лидер. – Ощущение нереальности возникает довольно часто. Окружение кажется неестественным, каким не казалось раньше. – Ллевелин ненадолго замолчал и бросил на Хэверса мимолетный взгляд. – И в таком состоянии кажется, что изменяешься сам. Тело ощущается другим, будто ненастоящим. Такие чувства может вызывать эмоциональный стресс.

– У меня нет никакого стресса.

– Откуда ты знаешь? Ты можешь даже не замечать его. Вот почему я прошу тебя следующие несколько дней вести себя так, как тебе хочется. Возможно, глубинный стресс выйдет наружу, и от него будет легко избавиться. Что же касается чувства нереально-

сти, у меня тоже оно иногда возникает. Я старше тебя и видел, как мир меняется за одну ночь. Могу сказать, что все уже не то, каким было раньше, и не ошибусь. Очень многое стало другим.

— Но сейчас-то ничего не меняется, — сказал Хэверс, и Ллевелин кивнул.

— Так, значит, вот что тебя беспокоит? — спросил тот.

— Не знаю. Я еще не смотрел на это с такой стороны. Но мне все равно мало что понятно. Мир изменился за одну ночь, не так ли? А потом вдруг все остановилось.

— Остановилось?

— Под контролем государства находится несколько регулярно летающих на Луну ракет. Но почему никто не летает на другие планеты?

— На Луне добывают полезные ископаемые. Луна достаточно близко, чтобы ее можно было контролировать. Планеты гораздо дальше. Могут возникнуть трудности. Прежде чем лезть на Марс или Венеру, надо решить все проблемы на Земле.

— Это хорошее объяснение, — одобрил Хэверс, — но меня интересует кое-что еще. Кто отдает приказы?

Ллевелин поморгал.

— Раньше я никогда не задавался этим вопросом, — продолжал Март, — хотя это лежит на поверхности. Вы на самом верху, сэр. Это вы отдаете приказы?

— Некоторые из них, — ответил Лидер. — Центр Мнемоники находится под моим контролем.

— Я имел ввиду несколько другое. Кто отдает приказы вам, если такие люди вообще существуют?

— Ну, есть Совет Лидеров, — ответил Ллевелин, и Хэверсу внезапно показалось, что его собеседник совершенно не хочет говорить об этом. — Они следуют догматам кромвеллианизма и являются высшей административной группой. Определенные методы и принципы науки и логики они унаследовали от докромвельского мира.

Голос Ллевелина стих. Сейчас он выглядел более уставшим, чем раньше, и на его узком лице появилось нечто, похожее на сомнение.

Зажужжал сигнал. Ллевелин поговорил по ближайшему видеофону, затем посмотрел на Хэверса.

— Прошу прощения. Скоро увидимся. Запомни мои слова. Насчет скрытых конфликтов в твоём разуме. Делай, что хочешь. Встретимся через несколько дней. Подожди немного в коридоре, я попрошу, чтобы тебя отвели в твой номер, — сказал Ллевелин. — Потом ты будешь предоставлен сам себе.

Не дойдя до двери несколько шагов, Март остановился, когда на пороге появилась женщина. Она была немолодой, но создавала впечатление довольно юной, возможно, из-за того, что излучала какое-то умиротворение.

— Марго, — подойдя к ней и беря ее за руку, сказал Ллевелин. — Это Погодный Патрульный Хэверс, — представил он. — Хэверс, знакомься, моя жена.

Таким образом, Март Хэверс увидел свою мать, впервые за много лет.

Он не знал ее.

И она тоже не узнала его...

ДО ЭТОГО момента, думал Хэверс, сидя на краю новой кровати и с отсутствующим видом глядя в окно ... до этого момента, единственным предназначением, казалось, управлявшим его жизнью, была работа. Почти все время до сегодняшнего дня было распланировано так, чтобы он занимался только делом. И в результате — возможно, заранее запланированном результате — у него не оставалось времени думать или переживать о чем-то другом, потому что ему было некогда.

Но теперь у Хэверса было даже слишком много свободного времени.

Наступил второй день его пребывания в гостях у Ллевелина. Он видел лишь слуг, приносящих ему еду. Он никуда не выходил и не хотел выходить. Долгими часами Хэверс лежал на кровати, закрыв рукой глаза, и всеми способами пытался отодвинуть задернутый занавес, отгородивший его прошлое от него самого.

Он пробовал пройти по цепочке воспоминаний, двигаясь от этого момента до последнего четкого воспоминания. Он пробовал атаковать вслепую, заставляя сознание забираться в пустоту, пока на поверхности не всплывало нечто достаточно сильное, чтобы пробить барьер, и фокусировался на этом. Хэверс обшаривал память в поисках обломков прежней жизни и тщательно возился среди детских воспоминаний. Да, у него были детские воспоминания, но они казались неправильными и какими-то ненастоящими.

И в некотором смысле, то, что ему удалось вспомнить, было нелогичным. Хэверс знал, что вырос в приюте и там же готовился стать Погодным Патрульным. И, тем не менее, он смутно помнил толстяка в яркой одежде и темную ауру ненависти, окутывающую его всякий раз, когда он пытался понять, кто это такой.

Возможно, какой-то офицер из приюта?

Нет. Хэверс знал, что это не так, но не понимал, почему. И ни одному ребенку из приюта уже точно не позволили бы бандитствовать на темных малоллюдных дорогах, что ему смутно вспомнилось из фрагментов прошлого, оставшихся в голове.

Это мне приснилось, неуверенно подумал Хэверс. Наверняка приснилось, многим романтикам в юности снятся подобные сны, компенсирующие скучную жизнь. Но почему эти воспоминания кажутся более правдоподобными, чем реальная жизнь в приюте?

Разумеется, Ллевелин специально проверял его, проверял, насколько крепки искусственные барьеры в разуме Хэверса. Потому что мысль о том, что катастрофу на Алеутских островах никак нельзя допустить, сумела обойти блокировку и пробиться через стену, и существовал лишь один способ узнать, сколько еще нежелательных воспоминаний может просочиться наружу. Лучше спровоцировать неприятности сейчас, пока за ними можно вести наблюдение.

Слуги дотошно докладывали Ллевелину обо всем, что делал Март. Он записывал все наблюдения и ждал.

На третий день Марту позвонила Даниэлла.

— Могу я к тебе заглянуть? — прямо спросила она, спокойно посмотрев на него серыми глазами из-под длинных ресниц.

На ней, как всегда, была строгая форма, соответствующая ее положению, и хитрый макияж, скрывающий красоту. Но теперь Хэверс, глядя на нее, всегда мысленно накладывал ту ясную картину из лаконичного воспоминания о настоящей Даниэлле, сиявшего в его голове намного ярче реальности перед глазами.

— Разумеется. — Он протер глаза. — Тебя где-нибудь встретить?

— Нет. Что-то не так?

— О, нет. Просто немного тянет в сон. Я пытался вспомнить.

— Что вспомнить?

— Не знаю... В этом-то и проблема.

Голос и поведение Даниэлле потеряли близость, постепенно нараставшую в течение последних месяцев. Сегодня она казалась такой же равнодушной, как и при самой первой их встрече.

— Я выезжаю, — холодно сказала она и отключилась.

Что-то было не так. Хэверс знал ее достаточно хорошо, чтобы понять это, и принялся с нетерпением ждать, когда она позвонит в дверь. Перспектива оказаться с Даниэллерой наедине впервые с того момента, когда их отношения приняли весьма странный оборот, должна была взволновать его. Но, когда звонок, наконец, раздался, Хэверс, открывая дверь, почувствовал тревогу.

– Ты один? – спросила Даниэлла и, как только вошла, осмотрела комнату.

– Да. Что случилось?

Она резко повернулась, посмотрела на него, открыла рот, чтобы заговорить, но затем просто покачала головой и отвернулась. Хэверс никогда раньше не видел ее такой нерешительной. Подчинившись внезапному порыву, он схватил ее за плечи и развернул к себе.

– Даниэлла, – нежно сказал он. – Даниэлла, в чем дело?

И когда она опять промолчала, Хэверс отпустил одно ее плечо и снял очки с ее переносицы. Из-под длинных ресниц на него посмотрели голубые глаза, явно чем-то встревоженные. Он осторожно сдвинул серую кепку со лба Даниэллы так, что показались завитки бледно-золотистых волос и корона тугих кос.

– Так-то лучше, – сказал Хэверс. – Вот эту Даниэллу я знаю. Ты все еще помнишь, Даниэлла?

Она не стала притворяться, что не поняла вопроса.

– Да. Я постоянно вспоминаю тот вечер – чаще, чем нужно. Это была ошибка, Март. Но...

ПРИЩУРИВШИСЬ, он посмотрел на нее, пытаясь понять, думая обо всех этих месяцах, в течение которых укреплялась их дружба, основанная на невысказанном принятии так и не случившегося поцелуя... пока не случившегося.

– Тогда это, возможно, и было ошибкой, – сказал Хэверс. – Но не сейчас. Не после того, как мы узнали друг друга так хорошо. Судьба долго вела нас к этой встрече, Даниэлла. Я много об этом думал и решил, что у нас двоих есть шанс. Хороший шанс, и он становится все лучше и лучше.

– Нет! – Голос Даниэллы был резким, но Хэверс не дал ей закончить.

– Значит, ты говорила с Кельвином. Он убедил тебя...

– Нет. Он ничего об этом не знает.

– Тогда в чем дело? Еще пару дней я был уверен, что у нас все хорошо, Даниэлла. С того самого вечера. Мне казалось, ты ощущаешь то же, что и я. Ты не похожа на остальных женщин. Ты бы не стала превращать это в игру. Если бы тебе не понравился тот вечер, ты бы отказалась от наших встреч, передав меня кому-нибудь другому. Это потому, что я отказался лететь на задание? Думаешь, я испугался, Даниэлла? Нет, ты не такая глупая.

– Да, дело в этом, Март, ну, или почти в этом. Позволь мне рассказать.

Она высвободилась и отошла от него к стене, где в толстой резной рамке висела анимированная картина, на которой один пастельный оттенок сменялся другим, что сильно навевало сон.

— Помолчи и дай мне рассказать все, что смогу, — сказала Даниэлла и щелкнула рычажком, управляющим картиной, ускорив процесс так, что свет начал сменяться светом в почти военном ритме. — Тот вечер мне *понравился*, как ты это назвал. В тебе есть что-то такое, чего я раньше никогда не видела. Это волнует и... возможно, представляет опасность. Пока ты не пришел ко мне той ночью, мне казалось, что в Андре есть все, что мне нужно. Но, Март, что с тобой не так? Ты сам-то знаешь? — Даниэлла с тревогой посмотрела на него, пытаясь найти ответ.

— Я бы хотел знать. А ты?

Она не ответила.

— Скажу тебе честно, — все еще играя с рычажком, продолжала Даниэлла, — Март, ты не тот, кто мне нужен. Вначале мне казалось, что ты тот самый. Но сейчас я знаю, что это не так. Разве этого не достаточно?

Хэверс резко набрал воздуха, чтобы возразить. Но то, как она смотрела на него, заставило его замереть, в его сознании зародилась неприятная, но пронизательная мысль. Она все знает! Что бы с ним было не так, Даниэлла выяснила это. Ллевелин тоже все знал. Хэверс внезапно понял это, вспомнив разговор с Лидером и добавив известные ему факты. В нем был какой-то секрет, который он почти раскрыл за эти долгие, напряженные часы одиночества.

Что же это было? Хэверс решил, что может это выяснить. Он должен так сделать, даже если придется обмануть девушку, которую он думал, что любит.

— Давай перестанем притворяться, — внезапно сказал он. — Ты же пришла сюда явно не для того, чтобы рассказать мне все это. Ты пришла с какой-то целью. Увидеть меня, посмотреть на меня, понять, сколько мне известно. Последние три дня я провел, лежа на спине и размышляя, Даниэлла. Теперь у меня есть ответы. Ты права, — я не тот человек, который тебе нужен. Я, вообще, не совсем человек. Я пустой, неуравновешенный, неполный. Я знаю. Ты это хотела сказать?

Палец Даниэллы, лежащий на рычажке, внезапно дернулся, от чего на картинке вспыхнули яркие, пламенные цвета.

— Значит, ты все понимаешь. Да, Март, я никогда тебе не лгала. Это правда. Я выросла Лидером, а не женщиной. У меня нет никаких иллюзий насчет любви. Я могла бы очень сильно полюбить тебя, слишком сильно, чтобы это осталось безопасным. А ты... ты

не создан для любви. И понимаешь это не хуже меня. С Андре я буду в безопасности. А с тобой... С тобой мне будет страшно. Нет, Март, боюсь, у нас ничего не получится.

Внимательно глядя на нее, Хэверс шагнул вперед, чувствуя каждый сантиметр расстояния и говоря только то, о чем он размышлял в часы тишины.

— У меня пробелы в памяти, — сказал он. — Я не помню, что было несколько лет назад, но в моем прошлом есть место, откуда постепенно выходят странные воспоминания. Там почва кажется твердой, но за пределами этого участка нет ничего устойчивого. Думаю, я знаю, в чем дело, Даниэлла. Знаю, что со мной не так. Вариант только один. Тебе тоже все известно. Как давно ты узнала об этом?

Хэверс сам не знал, куда закидывает удочку, и что именно являлось тем «одним вариантом». Но он понял, что Даниэлле это известно. И следующие ее слова дали ему понять, что он выиграл.

— Только сегодня утром, Март, — ответила она.

— Как ты узнала?

Хэверс кашлянул, чтобы убрать из голоса ликование. От волнения его сердце громко застучало, а желудок завязался узлом. Срабатало! Через секунду Даниэлла все выдаст.

— Ллевелин все мне рассказал. Я пошла к нему. Мне нужно было выяснить, в чем дело. Дело в том, Март... — Она последний раз двинула рычажок и отошла от картины, засветившейся алым и золотым, создав ореол вокруг серой кепки, которая все еще сидела набекрень на ее блестящих светлых косах. — Март, кем ты был? Может, теперь ты знаешь, что произошло, но воспоминания тебе не вернуть. Ты никогда не сможешь понять, каким человеком ты раньше был. Ллевелин не рассказал мне этого. Не рассказал!

ГЛАВА XIII. Человек, который знает

ОКАЗАВШИСЬ в хватке чудовищного подозрения, затуманившего его разум, Хэверс на секунду перестал слышать Даниэllu. Слово, объединяющее все смутные представления, так долго плавающие у него в подсознании, начало обретать форму. Три дня название этого расстройства находилось на кончике языка, ожидая, когда Хэверс произнесет его. Но до этого момента он не смел применять это слово к себе.

— Но что я такого сделал?

Хэверс не понял, вслух он произнес это или нет. Он услышал, как эти слова эхом разнеслись в голове, и ему показалось, что это была всего лишь мысль.

– Я Лидер. Что такого ужасного я мог натворить, чтобы заслужить... заслужить...

Наконец, Хэверс сказал это слово вслух. В конце концов, это он, а не Даниэлла, в открытую произнес название страшной процедуры.

– Чистка, – тихо сказал он. – Чистка.

– Да, – подтвердила Даниэлла.

Хэверс не услышал ее. Хэверс больше не видел ее. Он почти не помнил, как вышел из комнаты.

Хэверс воспользовался видеофоном, чтобы найти Алексиса Ллевелина. Ему сказали, что Лидер занят. Март, судя по всему, этого тоже не слышал.

Его сжатые губы открывались только, чтобы отдавать приказы. Он говорил мало. Потому что не смел терять над собой контроль после того, как с огромным трудом взял себя в руки.

Наконец, Хэверс дозвонился до Ллевелина, находящегося в Центре Мнемоники.

– Я хочу увидеться с вами, – сообщил он Лидеру.

– Хорошо. Через пару часов я буду в твоём распоряжении.

– Немедленно.

Ллевелин, казалось, заметил напряжённое выражение лица Хэверса.

– Что-то случилось?

– Я хочу поговорить с вами. Лично.

Ллевелин заколебался. Затем быстро принял решение.

– Послушай, сейчас я не могу покинуть Центр. Идёт важный эксперимент, и мне надо быть тут, на случай непредвиденного. К полуночи я освобожусь.

– Немедленно!

– Ну... тогда приходи в Центр. Я скажу охране, чтобы тебя пропустили.

Хэверс тут же разорвал соединение, резко развернулся и направился к лифту, а на щеках выступили крошечные капельки пота. Его шаги отдавались громким, ритмичным эхом. Он слушал их, идя по коридору. Хэверс рассердился и заставил себя стоять неподвижно, пока лифт опускался. Затем ему снова пришлось слушать стук каблуков по тротуару.

Он перешёл дорогу, глядя только вперед, и стражнику в красной накидке пришлось придержать бегущую галопом лошадь, чтобы не врезаться в мрачную, молчаливую фигуру в форме Погодного Патруля. Сзади доносились ещё чьи-то шаги. Хэверс бессознательно заметил это. Затем с ним кто-то поравнялся.

– Хэверс, – раздался чей-то тихий голос. – Март Хэверс.

Март бросил в сторону свирепый взгляд и увидел низкого толстяка с прилизанными черными волосами, одетого во все серое, включая серые перчатки. Хэверс отвернулся и продолжал идти.

— Хэверс, — сказал толстячок, не шевеля губами. — Ты не помнишь меня?

Март сделал еще три шага, прежде чем кое-что понял. Он никогда прежде не видел этого человека. Но что он знал о том, что было прежде, чем ему дали новую, искусственную жизнь! Может, он знал этого человека до Чистки?

Довольно подозрительное совпадение. Неужели это какой-то трюк Ллевелина?

Хэверс остановился.

— Здесь опасно, — напряженно сказал толстячок. — Иди вон туда — в ресторан. Я присоединюсь к тебе чуть позже. Быстрее.

Март торопливо кивнул.

За столиком, когда они сели, он посмотрел на низенького и попытался вспомнить, кто это такой. Но затем покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Я не знаю тебя.

— Ты прошел Чистку.

— Я только что узнал об этом. И не могу вспомнить, что было прежде.

Толстячок опустил правую руку под стол, где ее мог видеть Хэверс, и стянул перчатку с поблескивающей шутовщины из пластмассы и стали.

— Помнишь это?

— Нет.

Перчатка вернулась на место.

— С тех пор, как ты последний раз меня видел, я перекрасил волосы в черный. И сбрил усы. Может, ты все-таки вспомнишь... Пушер Дингл?

— Нет.

Март все еще подозревал, что тут замешан Ллевелин. Он не стал пить то, что ему принесли, и внимательно посмотрел на Пушера. Пухлое лицо Дингла искривилось.

— Ты должен вытащить меня из Рено, — сказал он. — Ла Бушери... он тебе нужен.

— Кто такой Ла Бушери?

— Чертовое мнемоническое лечение, — сказал Дингл. — Ты что, вообще ничего не помнишь? Даже то, как вы с Джорджиной подложили в квартиру Авиша «шерлока»? Что-то пошло не так. Я едва успел удрать. Мне пришлось прятаться несколько месяцев.

— Правда? — уклончиво спросил Хэверс.

ЭТОТ ЧЕЛОВЕК, подумал Хэверс, является потенциальным врагом, как и все остальные. Он, Март Хэверс, был слеп.

— Ты не доверяешь мне, — вздохнул Дингл.

— С чего бы мне тебе доверять?

— Ну, насколько эффективна Чистка? Ты вообще ничего не помнишь о своем прошлом? Да, думаю, ничего. Я наткнулся на тех, кто проходил Чистку, — обычно они знали об этом. — Пушер посмотрел на форму Марта. — Погодный Патруль. Я думал, туда берут только Лидеров.

— Все верно.

Дингл присвистнул.

— Как бы то ни было, — сказал он, — ты должен мне помочь.

— Почему это?

— Если бы к тебе вернулись настоящие воспоминания, ты бы знал, почему.

— Я собираюсь их заполучить, — внезапно сказал Хэверс, когда его намерения кристаллизовались. — Не знаю, как, но я должен это сделать.

Дингл скептически посмотрел на него.

— Я найду способ, — сказал Март. — Я поговорю с Ллевелином. Задам ему пару вопросов.

— На которые он может не ответить, — заметил Пушер. — Нельзя просто прийти к такой большой шишке и потребовать отвечать на вопросы. Тебя, наверное, даже не пустят в здание.

— Он ждет меня.

— Где?

— В Центре мнемоники.

Дингл положил искусственную руку в перчатке на стол и внимательно посмотрел на нее. Его глаза вспыхнули.

— Есть один способ, — сказал он, — но тебе понадобится моя помощь. Ты вообще понимаешь, с кем собираешься бороться? Что будет, если ты попросишь Ллевелина вернуть тебе воспоминания, а он откажется? А что, если согласится? Процедура длится несколько месяцев. И ты не сможешь наставить на него лучевой пистолет, находясь под пентоталом. — Дингл замолчал, а потом многозначительно добавил. — А вот я могу.

Март уставился на него.

— Все верно, — сказал Пушер. — Ты поможешь мне, я помогу тебе. Ты нужен мне, Хэверс — особенно в этой форме. Ты можешь вытащить меня отсюда. За мной следят прямо сейчас.

— Что?

Пухлое лицо Дингла искривилось в хитрой улыбке.

— Я прятался на Алеутских островах. До меня дошли слухи, что кромвеллиане уже обыскивали эту нору. Некоторые из нас предположили, что там больше не будут искать. Только вот они ошиблись — через пару часов стражники вернулись. Меня привезли сюда на самолете вместе с другими. И позволили убежать, сделав так, чтобы я увидел тебя на улице.

— За нами наблюдают?

— Конечно. Я не знаю всех подробностей, но я уже давно занимаюсь всякими темными делишками, мне известно, как они работают. Они позволили мне увидеть тебя, а затем убедились, что у меня будет возможность убежать. Не спрашивай меня, зачем им все это. Если ты прошел Чистку, то не должен помнить.

— Я и не помню. Это странно. Задание, на которое я отказался лететь... Да, речь шла об Алеутских островах. Говоришь, ты был там?

— Там находилось убежище Ла Бушери. Но сейчас это уже не имеет значения. Так вот, с тех пор, как я... сбежал, за мной следят двое стражников. Скорее всего, им приказано узнать, что мы собираемся делать. Но не спрашивай меня, зачем это надо!

— Я определенно не собираюсь тебе доверять, — нахмурившись, сказал Хэверс. — Ты и сам можешь оказаться шпионом Ллевелина.

— Если бы у тебя были настоящие воспоминания, ты бы так не говорил.

— Я верну их.

— Без моей помощи у тебя ничего не получится, — предупредил Пушер и снова взглянул на искусственную руку. — У меня есть одна мысль. Ты же встречаешься с Ллевелином в Центре?

Март кивнул.

— Хорошо. Я думаю, стражники должны просто следить за нами и сообщать, что мы делаем. А также остановить нас, если мы попытаемся покинуть Рено. Но что, если мы пойдем в Центр Мнемоники и встретимся с Ллевелином? Надавим на него и заставим восстановить твою память?

— Ты же сказал, на это потребуется несколько месяцев.

— Я слышал о новой машине, делающей это гораздо быстрее. Мгновенно. Для Чистки она не предназначена, но может кое-что другое — устроить в голове короткое замыкание — если человека уже подвергали Чистке. Ллевелин — глава Центра мнемоники. Он точно знает, как работать с этой машиной. И это твоя единственная возможность вернуть воспоминания. Ты что, правда, думал, что Ллевелин все расскажет тебе по доброй воле?

Март подумал о Даниэлле. Внутри него медленно закипела злорада. К тому же он почувствовал пустоту внутри себя, словно он всего лишь тень, а настоящего Хэверса куда-то забрали.

— Поможешь мне, а я помогу тебе, — повторил Дингл. — Но ты должен пообещать, что вытащишь меня из Рено.

— Как я это сделаю?

— Твоя форма послужит пропуском.

— А как быть с теми стражниками, которые, как ты говоришь, следят за нами?

Пушер опять взглянул на протез.

— Предоставь это мне, — сказал он...

ЛЛЕВЕЛИН ПОНЯЛ, что у него неприятности, когда Хэверс с Динглом открыли дверь в его кабинет и вошли внутрь, держа в руках лучевые пистолеты. Ллевелин не пошевелился. Его уставшее лицо немного напряглось, и это все.

— Не двигайся, — сказал Дингл и обошел вокруг стола, ища скрытые тревожные кнопки. — Ладно. Поднимайся. Спинной к стене. Подними руки.

Он быстро обыскал Лидера, пока тот не спускал глаз с Хэверса.

— Опустит руки, — сказал Дингл. — Но стой, где стоишь. Если кто-нибудь войдет, я убью тебя. Запомни.

— За вами следят, — сказал Ллевелин.

— Уже не следят, — криво улыбнувшись, ответил Пушер. — Запомни мои слова, если возникнут проблемы, первым умрешь ты.

Лидер все еще смотрел на Хэверса.

— Нам никто не помешает, — сказал он. — Я приказал, чтобы меня не беспокоили. Ты должен был прийти один, Март.

— Ты знал, о чем я хотел с тобой поговорить? — быстро спросил Хэверс.

— Я догадался. Ты узнал, что тебя подвергли Чистке. Я прав?

Март кивнул.

— Человеческий фактор всегда подводит нас, — сказал Ллевелин.

— Как в твоём случае, так и... с другим планом. Я попытался все остановить, но, по-видимому, не преуспел.

— Каким планом?

— Позволить Пушеру Динглу сбежать и встретиться с тобой.

— Кончай тратить наше время, — сказал Пушер, и Хэверс кивнул.

— Ты знаешь, что мне нужно, Ллевелин, — заявил Хэверс. — Либо я получу это прямо сейчас, либо я убью тебя.

— Старые воспоминания? — спросил Лидер. — Это долгая процедура. Потребуются несколько месяцев.

— У тебя есть новая машина, — вклинился Дингл. — Она не требует несколько месяцев, не так ли?

Ллевелин не ответил. Март потряс пистолетом.

— Так эта машина существует?

— Существует. Но она все еще экспериментальная. Ее пока что опасно использовать на людях.

Хэверс не обратил на это внимания.

— Где она? — Ярость внутри него начала расти. — Я не шучу. Я готов тебя убить. А потом мы найдем какого-нибудь техника, знающего, как управлять машиной. Ты меня не отговоришь. Тебе ясно?

Ллевелин кивнул в сторону двери.

— Машина в моей личной лаборатории. Давайте зайдем внутрь. Там нам точно никто не мешает.

ГЛАВА XIV. *Высокое напряжение разума*

ПУШЕР ПОДОЗРИТЕЛЬНО прищурился. Но Лидер, не обращая внимания на наставленные на него пистолеты, повернулся спиной и медленно прошел в другой конец комнаты. Дингл прошагал туда же. Дверь открылась.

— Ладно, — сказал Пушер. — Надеюсь, ты не лжешь.

Все трое вошли в лабораторию. Дверь за ними закрылась. Лаборатория была большой, но не загроможденной. Провода, механизмы, градуированные циферблаты приборов и вращающиеся цилиндры — все это казалось Марту смутно знакомым.

Ллевелин подошел к металлическому, частично изолированному креслу и провел рукой по одному из подлокотников.

— Это оно? — спросил Март.

— Оно, Март, — кивнул Лидер. — Однако пользоваться им пока нельзя. Это слишком опасно.

— Но ты ведь знаешь, что нужно делать, — сказал Пушер. — Если что-нибудь пойдет не так... — Он помахал пистолетом.

Ллевелин повернулся к ним лицом.

— Вы не психологи и не неврологи. Мозг — очень сложный механизм. Мы уже давно пытаемся создать искусственный синапс между сознанием и подсознанием. Именно там хранятся твои старые воспоминания, Март, — в подсознании. Если говорить, как физики, там накопился большой потенциал. Но изоляция между сознанием и подсознанием очень надежная. Это мера предосторожности. Если сделать искусственный синапс, это будет сродни тому, чтобы пустить опасно высокий ток по тонкой медной проволоке. А в мозгу есть лишь один предохранитель. — Ллевелин замолчал.

— Я рискну, — сказал Март.

— Позволь мне рассказать, что представляет собой этот предохранитель. Это безумие. Последнее убежище разума, перегруженного высоким напряжением. Пока мы не нашли способ регулировать это устройство. Да, оно соединяет сознание и подсознание, но делает это слишком быстро. У нас недостаточно информации об устройстве мозга, Март. Особенно о таком, как твой. Раньше ни один потенциальный Лидер не проходил Чистку.

— Кем я был? — медленно спросил Хэверс. — Чем Лидер заслужил Чистку?

Вместо того чтобы ответить, Ллевелин, казалось, переключился на другую тему.

— Это был эксперимент, — объяснил он. — Ты представлял собой ценный материал, и мы хотели спасти тебя, во что бы то ни стало. Но пришлось стереть все — почти все — твои прошлые воспоминания. Другого варианта у нас просто не было. Надо было убедиться, что ты стал настоящим кромвеллианином. Вот почему мы продолжали проверять тебя через Даниэлла Вон и остальных. Через некоторое время мы решили, что все идет хорошо, что твое подсознание надежно заперло прежние опасные воспоминания.

— Что это было? Вот, что я хочу знать.

Ллевелин не ответил и на этот вопрос.

— А потом ты отказался исполнить конкретный приказ. Поначалу нам показалось, что это неважно, не считая того, что ты нарушил дисциплину. Но наши психологи решили проверить тебя. Как и я. У меня есть причина интересоваться твоим случаем. Я подозревал, что это твое подсознание заставило тебя отказаться от конкретного задания Погодного Патруля. Я знал, что если работа будет выполнена, то на Алеутских островах будет аномально жарко. Некоторые ледники растают. В особенности один ледник. В котором находится определенное укрытие. — Дингл затаил дыхание. — Только ты не знал, что его уже нашли. Ты рассказал об этом во время Чистки. Стражники незамедлительно отправились туда, но оно оказалось пустым. Поэтому мы на время забыли о нем, пока ты не отказался выполнять приказ. После этого мы отправили туда отряд, и стражники обнаружили, что все это время там жило несколько преступников. — Ллевелин взглянул на Пушера.

— Я знал этого человека, Дингла, раньше? — спросил Март. — До того, как прошел Чистку?

Ллевелин кивнул.

— До этого мы никогда не работали над разумом Лидера. И не знали, насколько эффективной окажется Чистка, и будет ли под-

сознание хранить свои секреты. Поэтому мы не могли рисковать. Я привел тебя сюда, чтобы узнать твою психологическую мотивацию. Я не верил, что ты сознательно понимал, что это задание будет опасным для твоих... твоих бывших друзей, но меня заинтересовало подсознание. Мне нужно было убедиться, что ты не начал вспоминать прошлое. Поэтому, после того, как Дингл увидел тебя, я отдал приказ позволить ему сбежать. Мне хотелось узнать, как ты на это отреагируешь.

Хэверс посмотрел на кресло.

— Кончай со своими объяснениями, — коротко велел он. — После они все равно не понадобятся... — Он указал на механизм.

ЛИДЕР НИЧЕГО не ответил. Март отдал пистолет Пушеру и сел в кресло.

— Даю тебе десять секунд, — сказал он. — После этого Дингл тебя убьет, и мы найдем другого техника, который сделает то, что нам нужно.

— Ладно, — сказал Ллевелин. — Моя смерть не остановит тебя. Возможно, это наилучший ответ. Мозг Лидера такой сложный, что Чистка может привести к противоположному результату. Возможно, было ошибкой удалять ранние воспоминания. Из того, что мне известно о твоём мозге, Март, у тебя выдающиеся возможности. Но, чтобы воспользоваться ими, тебе нужен весь разум. Можешь мне поверить. До Чистки ты был врагом кромвеллиан. А теперь ты кромвеллианин. Ну, давай договоримся. Я согласен восстановить тебе старые воспоминания, если ты позволишь сделать это по-моему. Безопасным способом. На это уйдет три месяца.

Хэверс покачал головой.

— Я не доверяю тебе, — сказал он. — И даже если бы доверял, я знаю, что ты не главный. Ты тоже получаешь приказы... от Совета.

— Это опасно. Ты рискуешь потерять рассудок.

Внезапно Март понял, что ему все равно. Он осознал, что смутно надеется на то, что процедура убьет его, и эта мысль показалась ему странно знакомой, словно она заняла свое привычное место. Во время предыдущего кризиса где-то, когда-то, забытого вместе с потерянными воспоминаниями, Хэверс чувствовал себя так же, как сейчас.

— Пусть это кресло меня убьет! Пусть все закончится!

Пушер Дингл навел пистолет на Ллевелина.

— Десять секунд, — сказал он. — Принимайся за работу.

Ллевелин посмотрел на Марта, затем перевел взгляд на выключатель на стене над креслом. Секунду он поколебался. Потом покачал головой.

— Я не стану этого делать, — сказал он.

Март Хэверс взглянул на него хмурыми, прищуренными глазами. Затем изогнулся в кресле и положил ладонь на выключатель.

— Это все, что нужно нажать?

Ллевелин ссутулил плечи. Он ничего не сказал, но кивнул. Март взялся за рычаг. Затем потянул его вниз.

Хэверс под собой ощутил твердое кресло, твердый рычаг в руке. Он почувствовал, как дрожит нечто неосоздаемое, какая-то сила, движущаяся через него. А затем в его голове взорвалась бомба.

До этого мгновения, ни один человек не мог представить, что способен увидеть разум Господа. В сознании Марта Хэверса стали четко видны все дорожки, проторенные всеми случайными мыслями, когда-либо посещавшими его голову хотя бы на долю секунды. Он мог найти исходную точку каждого пути. И все пути были двойными.

Потому что сознание Хэверс тоже было двойным. И половинки сражались друг с другом.

В первые секунды богоподобного просветления, он не осознавал это. Его поразила невероятная сложность воспоминаний, обрушившихся на него гигантской волной. Но потом воспоминания столкнулись и начали сражение.

Потому что, когда мнемоники изменяли сознание Хэверса, на места старых мыслей они имплантировали диаметрально противоположные. Им пришлось так сделать. На каждое стертое убеждение они установили противовес, опровержение, берущее начало из ложного, но теоретически вероятного источника.

Поэтому, с одной стороны, в серии сменяющих друг друга со скоростью молнии картин, Хэверс, казалось, одновременно увидел — на одно мгновение — красивого стражника в алой накидке и с перьями на шляпе, храбро идущего навстречу воинственно настроенным, приземистым, ухмыляющимся людям с эмблемами фрименов, и его начали душить скорбь и верность, и в ту же самую сбивающую с толку секунду он увидел во фрименах отважных, упрямых мучеников, ведущих безнадежное сражение, а в обреченном стражнике — щеголя с пером, воплощающем все, что являлось злом и упадком.

Это столкновение бесконечно размножилось на огромном пространстве, какое может охватить любой человеческий разум. Волны страстных убеждений одна за другой вздымались и разбивались о

противоположные волны такой же силы, пока все это не вышло за пределы рассудка, и Март Хэверс не ощутил, как под такой невыносимой ношей покачнулось основание реальности.

Он вспомнил. Он вспомнил не только то, что стерли поверхностные воспоминания, имплантированные при «лечении», но и источники, лежащие глубоко под ними, из которых они поднялись в его детстве. Хэверс вспомнил все, что говорили и делали с ним за все время врачи, пока он лежал без сознания под действием наркотиков. Он ясно увидел ложные воспоминания, прикрепленные к корням настоящих событий.

Но Хэверс не мог отличить правду от лжи. Он с абсолютной убежденностью верил во всю двойную правду. Он знал, что кромвеллиане были непогрешимыми, благородными и добрыми... и так же знал, что они лживые, злобные, ведущие мир к гибели. В сознании Хэверса закрутились идеи о том, как их свергнуть, и как спасти. Одновременно.

ЕСЛИ БЫ это был физический конфликт, Март Хэверс разорвал бы свое тело пополам, чтобы согласиться с обеими сторонами двойных убеждений, так беспощадна, так сильна была каждая правда. Но, поскольку сражение происходило у него в голове, выхода не было. Не считая того выхода, о котором предупреждал Ллевелин, и это при том, что у Марта был сильный разум, такой мощный, что даже при таком ужасном расколе, он сопротивлялся до самого конца.

Бомба взорвалась в центре его сознания. Он помнил это. Помнил, и вдруг закрылся от ослепляющих мыслей, в тот момент, когда все его воспоминания страшным образом распахнулись перед ним. На мгновение Хэверс вспомнил такую страшную пытку, что его разум отключился и отказался воспринимать, что бы то ни было...

Спустя довольно долго время, Пушер Дингл рассказал ему, что произошло. Но Хэверс не помнил, как они покинули Центр или то, как они бежали дальше. Пушер сказал, что он вел себя вполне нормально. Но Пушер плохо знал Марта Хэверса. Конечно, тот мог ходить и бегать, по необходимости стрелять из пистолета, прятаться, ложиться и снова вставать, чтобы заполнить в тень... делая все это так же эффективно, как и человек, у которого было все в порядке с головой.

Но, несмотря на все работающие ментальные установки, Март Хэверс уже сошел с ума. Психически он находился в кататоническом ступоре, и ничто не могло вытащить его оттуда. Это было его единственной надеждой на возможное излечение, и он, наверное,

знал это, где-то в мутных глубинах разума, затянутых рубцовой тканью на время долгого, очень долгого выздоровления.

Прошло много дней, прежде чем Март понял, кто он такой, или кем он был. И еще пара недель, прежде чем в его голове начали зарождаться первые спокойные мысли.

ГЛАВА XV. Убежище фрименов

ЛА БУШЕРИ натянул на огромные плечи когда-то алую накидку. Уголки его губ были опущены. Он сидел в кресле, прислоненном к грубой алюминиевой распорке, поддерживающей стену пещеры, и смотрел на Марта Хэверса.

— Что-нибудь придумал? — резко спросил он.

Март сел в свободное кресло.

— Возможно, — ответил он. — В голове у меня все еще каша. Но, думаю, есть один способ. Я говорил о нем с Джорджиной и Пушесом, и нам кажется, он может сработать. Но сначала я хотел обсудить это с тобой наедине.

Хэверс пробыл в сверхсекретном убежище рядом с полюсом целый месяц. Столько времени ушло на то, чтобы его полуразрушенный мозг восстановился. Он заставлял себя не думать о новой цели заранее, ожидая момента, когда почувствует, что готов. Хэверс и сейчас был не готов, но бездействие стало невыносимым. Он хотел проявить себя.

Возможно, одной из причин стало то, что Ла Бушери изменился. Он не только начал по-другому относиться к Хэверсу, хотя это тоже было важным. В нем зародилось новое, скупое уважение и небольшая злоба, которую Март всегда ощущал. Но Хэверс сказал себе, что Ла Бушери находился под невероятным напряжением. Толстяк в одиночку сохранил остатки фрименов, сумев привести в новое, более безопасное убежище две сотни повстанцев, после того, как Марта поймали, и кромвеллиане устроили серию рейдов.

Март узнал, что Ла Бушери давно обнаружил эту пещеру, но никому о ней не рассказывал. В 1948-ом году тут находилась экспериментальная станция, где проводились различные технологические опыты, и, изолированная от всего мира, она осталась нетронутой даже после того, как ее забросили. Станцию не достроили, о ней просто забыли. Но Ла Бушери помнил про это место и сумел навезти сюда припасов. Пещера стала приютом, в котором так нуждались фримены, когда беда все-таки пришла.

— Ну? — Ла Бушери не терпелось услышать план Хэверса.

Тот разложил все по пунктам и начал загибать пальцы.

— Во-первых, фримены разбиты, не считая нашей ячейки и, возможно, еще нескольких отдельных участников движения, которые нам не помогут. Мы не можем и мечтать о том, чтобы свергнуть кромвеллиан. У нас недостаточно людей. На то, что рабочие присоединятся к нам, мы тоже не можем рассчитывать, даже хотя их большинство. Они привыкли к правлению кромвеллиан. Пока я не нигде ошибся?

Ла Бушери кивнул.

— Значит, идем дальше. Все зависит только от нас — от того, на что мы способны в одиночку. Какова наша цель?

— Ты и сам ее знаешь. Свергнуть кромвеллиан.

— А что потом? Установить какое-то произвольное правительство будет нелегко. Именно так зарождаются деспотические режимы. Человек должен сам выбрать свое правительство. Во всяком случае, люди всегда получают то правительство, которого заслуживают. Помни, я тоже был кромвеллианином. Я вижу обе стороны монеты. Проблема в том, что нет сильной оппозиции.

— Думаешь, это бы все исправило?

— Возможно. Но уже слишком поздно создавать такую партию, пока вся власть у кромвеллиан. Момент упущен очень давно. Они правят так долго, что абсолютно уверены в своей правоте. Они никогда не подвергают сомнению собственные решения и не рассматривают другие варианты.

— И что дальше?

— Два шага. Сделать кромвеллиан уязвимыми. Потом разбить их. Ла Бушери искренне засмеялся.

— Легко сказать, — заметил он, — но у них есть оружие и технологии. Хэверс пожал плечами.

— Все правительство зависит от небольшого числа ключевых людей, — сказал он. — В мире, возможно, есть лишь сотня незаменимых кромвеллианских Лидеров. И Совет...

— В нем тридцать шесть человек.

— Ты знаешь их поименно?

— Мои секретные бумаги со мной, — сказал Ла Бушери. — Я знаю ключевых людей. Здесь ты прав. Если убрать примерно сотню Лидеров, наступит хаос... Потом нас раздавят, а их места займут новые Лидеры.

— А что, если у кромвеллиан появится более важное дело?

— Это невозможно, — покачал головой Ла Бушери. — У нас нет ни оружия, ни самолетов, ни людей. К тому же, Лидеров обычно охраняют. Как далеко вглубь Рено мы все сможем забраться?

— Все равно, это возможно.

— Нас просто расстреляют на улицах!

— Кто?

— Стражники, болван! Стражники!

— Не расстреляют, если они будут в другом месте, — ответил Март.

— Если весь мир будет занят чем-нибудь другим. Надо действовать хитро. Нужен отвлекающий маневр. И двойная игра. Ты сказал, у нас нет оружия. Но оно прямо у нас в руках — самое мощное оружие в мире. Нам только остается им воспользоваться.

Ла Бушери замер.

— Атомное оружие? — спросил он не совсем твердым голосом.

— Нет, — ответил Хэверс, — на такое мы не отважимся. И оно все равно не решило бы нашу проблему. Если бы мы попытались долететь до ключевых точек с атомными бомбами, наши самолеты сбили бы задолго то, как они добрались бы до нужных мест. Важные места хорошо охраняются.

— У нас всего три самолета...

— Захватим еще. Но атомное оружие не ответ. Нам надо ударить в определенные ключевые места, которые все время меняются. Кромвеллиане не могут охранять их достаточно эффективно из-за крайнего непостоянства этих участков. И, в любом случае, никто не ожидает такого нападения.

— Какого? О каком оружии ты говоришь?

— О погоде, — ответил Март. — О погоде...

ЕСЛИ ПРОВАЛИТЬ первую попытку, второго шанса уже не будет. Март Хэверс понимал это. И, по существу, успех или провал всего плана зависел от него, потому что он являлся единственным фрименом, знакомым с Погодным Контролем. Он поблагодарил бога за знания, имплантированные в его мозг под гипнозом, а также за лабораторию и практическую подготовку, полученную на службе в Погодном Патруле.

И за то, что знал погоду. Хэверсу нужно было ее знать вдоль и поперек. Он задумал внезапную, страшную катастрофу, которую, если она начнется, уже нельзя будет остановить. По крайней мере, без больших усилий, и, пока Погодный Патруль пытается справиться с ее последствиями, самолеты фрименов устроят новые неприятности.

Радио здорово помогало. Одному человеку было поручено принимать и сопоставлять отчеты о погоде, заканчивающие свой путь на заваленном столе Марта, где тот преобразовывал их в загадочные схемы, над которыми без конца размышлял. Циклоны. Холодные фронты. Теплые фронты. Циклы солнечных пятен. Показатели

барометра. Движения областей повышенного и пониженного давлений. Все это выстраивалось в единую картину, а Хэверс, тем временем, планировал, обдумывал и ждал правильного момента.

Он знал, что этот момент наступит, момент, когда толчок в нужном направлении устроит кромвеллианам больше всего неприятностей. Одного толчка не хватит, но серия ритмичных ударов может пошатнуть всю планету. И Март был отлично знаком с Погодным Контролем. Сейчас он нуждался только в оборудовании.

Его можно было украсть.

В этой области неоспоримым Лидером являлся Ла Бушери. Он узнал, что нужно Хэверсу, и раздал своим людям соответствующие приказы. Сначала все было расписано на бумаге, — все, кроме погоды, которая после определенного момента станет непредсказуемой. Но все должно было уложиться в рамки одного уравнения.

Долгое время один пункт казался непреодолимой проблемой — элементарный недостаток людей. Но эту задачу решил Пушер Дингл.

Он вспомнил про «шерлоков», многофункциональных радиоуправляемых компактных роботов, и предложил Марту использовать их.

— Ты можешь собирать их? — спросил Хэверс.

— Нет. Того я украл. Но знаю, где можно украсть еще.

— А как ты будешь ими управлять?

— Существуют портативные устройства. Мне не понадобится большая лаборатория с кучей оборудования, если ко мне в руки попадет пульт управления. Но один человек за раз много не украдет.

Он объяснил кое-что еще. Хэверс позвал Ла Бушери.

Тот решил проблему.

— Фабрика в Висконсине. Их производят там. В подходящее время мы ограбим ее, и каждый возьмет по «шерлоку» с пультом управления. Затем мы рассредоточимся и продолжим движение. Так никто не поймет, куда мы направляемся, и на нас не скинут бомбы. Мы все будем в разных местах. Погодными самолетами мы будем управлять с других самолетов, которые угоним из разных космопортов.

Так под вечной мерзлотой у полюса кипела работа, пока над Ньюфаундлендом медленно собирались воздушные массы, а Азорский антициклон перемещался на запад. Из ножен достали старейшее оружие мира: молот Тора и меч Зевса, и занесли его над ничего не подозревающей Землей.

Молот грома. Меч молнии.

Ураган приходит с юга.

Час операции настал.

Три самолета переделали в мобильные центры связи. Это было необходимо. Ни одна направленная антенна не должна была указывать на полярное убежище, нервный центр всей операции. Три самолета летали непредсказуемыми курсами вдалеке от полюса, принимая приказы Марта и передавая их фрименам.

В Висконсин. В Онтарио. В Калифорнию. И еще в десяток мест.

Фримены рассредоточились пару дней назад. Три самолета развезли их и вернулись к своей главной задаче. Из двух сотен в убежище осталась лишь небольшая команда.

Там незачем было оставлять ненужных людей. Если пещеру обнаружат, борьба закончится. Все зависело от скорости, секретности, одного мощного удара... а затем от незаметных действий среди общей суматохи.

Участок пещеры Хэверса был отгорожен ширмами в попытке создать уединенную обстановку. Ему было нужно сосредоточиться. Рядом стояли импровизированные столы, заваленные картами, а на стенах висели доски, покрытые расчетами. Он сидел около радиостанции, оператором которой была Джорджина. Передвижная ширма отделяла Ла Бушери, сидящего за ничуть не менее громоздженным столом рядом с еще одной радиостанцией.

Время, отведенное на операцию, вышло.

Ла Бушери отодвинул ширму.

— Мы уже должны были получить отчет, — сказал он.

Это было правдой.

ОДНОЙ ИЗ самых важных проблем было раздобыть достаточно оружия, но оказалось, что на этот счет у Ла Бушери припасен готовый ответ. Последние несколько лет он собирал оружие в нескольких местах по всей стране, на случай революции против кромвेलлианизма, хотя он никогда не ожидал, что дойдет до этого.

Теперь две сотни фрименов должны были вооружиться и рассредоточиться возле заранее обговоренных мест: аэродромов, откуда они угонят самолеты, взлетных полос баз Погодного Патруля, где можно было достать специально оборудованные реактивные самолеты, и фабрики по производству «шерлоков» в Висконсине.

Синхронность обеспечит успех. Синхронность и внезапный, скоординированный удар.

Шифратор послал в пещеру поток случайный звуков. Ла Бушери спешно включил дешифратор. Докладывал один из трех самолетов.

– «Шерлоки» выкрадены. План суб-четыре идет своим ходом. Т-тридцать один М-два-четырнадцать.

Хэверс встретился взглядом с Ла Бушери и кивнул. У него было время только на это. Затем он сразу вернулся к картам, продолжая вести расчеты с учетом последних погодных сводок, полученных Джорджиной. Азорский антициклон немного переместился. Это означало десяток других изменений в погоде по всему миру, опутавшей земной шар невероятно сложной паутиной. За последние полчаса изменили свое местоположение и несколько ключевых точек.

– Есть новые данные? – спросил Ла Бушери. – Мы почти готовы. Март быстро досчитал.

– Есть, – ответил он. – Ньюфаундленд – с семи метров до пяти тысяч. Бассейн Кадьяка...

Ла Бушери передал новые приказы трем самолетам, и те, в свою очередь, используя шифр, передали их фрименам. Шифр можно было взломать, но у кромвеллианских экспертов ушло бы на это какое-то время. И его должно было хватить.

Около восьмидесяти самолетов, все с фрименом за штурвалом и фрименом, управляющим «шерлоком» с помощью мощного пульта дистанционного контроля. Потому что «шерлоки» находились в самолетах Погодного Патруля, готовые выполнить свои задания с минуты на минуту.

– Два самолета сбили, – сказал Ла Бушери.

– Почти готово, – ответил Март и посмотрел на часы. – Остался еще один пункт. Джорджина, что там с температурой над Мохаве?

– Все по-старому.

– Хорошо. Рискнем. Готов, Ла Бушери?

– Самолеты Двадцать-пять, Шестьдесят-один, Четыре и Девятнадцать еще не на своих местах.

– Какие самолеты сбили?

– Двадцать и Тридцать-три. Подожди-ка минутку. Пятьдесят-девятого тоже сбили.

– Какой ближе всего к точке Двадцатого?

– Седьмой. А потом Тридцатый.

– Седьмой нам нужен. Отправь Тридцатого на место Двадцатого. Готов?

– Сорок-шестой сбит.

Март взглянул на карты.

– Мы больше не можем ждать, – сказал он. – Лучшей возможности у нас не будет.

Он глубоко вдохнул. Ла Бушери смотрел на него, его толстые пальцы нависли над сигнальной кнопкой.

— Зеро, — сказал Хэверс.

ГЛАВА XVI. Гром и молния — буря и потоп

СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТЫРЕ самолета, рассредоточившиеся по всей планете, отправили радиосигналы, активировавшие семьдесят четыре «шерлока», находящихся за пультом управления семидесяти четырех самолетов Погодного Патруля. Специальное оборудование начало работать одновременно с этим.

Килограммы сухого льда обрушились на облачные массы.

Сокрушающие разряды искусственных молний раскололи атмосферу — в ключевых местах.

Чудовищные объемы воздуха заколебались, зашевелились и величественно двинулись в новых направлениях. Из определенных облаков повалил снег. Разреженные области, тропические воздушные массы, холодные фронты — все внезапно изменило привычное поведение.

Изменило так, что произошла катастрофа.

До этого дня шкала Бофорта была ограничена двенадцатибалльными тропическими ураганами. Но теперь по всей планете начали свирепствовать ветра со скоростью, превышающей тридцать пять метров в секунду.

Ураган приходит с юга.

Обычно погода развивается не сразу. Вот почему Хэверс ждал, пока все элементы не окажутся на своих местах, зависнув в опасном равновесии, требуя лишь катализатора, который находился в его руках. Но даже в таком случае, огромные массы воздуха могут двигаться лишь с определенной скоростью. Они медлительны. Но зато почти неуязвимы.

У кромвеллианской цивилизации тоже были ключевые точки. Например, транспортные и коммуникационные узлы. Март ждал, пока не сможет обескровить их, пока нестабильный, меняющийся погодный гигант не занесет железную ногу над нервными центрами кромвеллианизма.

Глубоко в замороженной тундре никто ничего не слышал. Но Хэверс с Ла Бушери и остальными знали, что происходит. Поначалу по радио приходили сообщения. Затем голоса дикторов утонули в вопящем шуме. Без радио, конечно, стало труднее, но кромвеллианцам было намного хуже, потому что у них не имелось заранее разработанного на такой случай плана.

A second design, a new Ice Age was in the making (CHAP. XVII)

Операция Ла Бушери уже началась. Все фримены знали свои задачи. Некоторым надо было управлять Погодными самолетами. Им Март преподал зачатки погодной науки, поэтому он надеялся, что они справятся. Глобальной буре нельзя было дать пройти. Ее силу нужно было подпитывать, пусть даже кромвеллианский Погодный Патруль будет делать все возможное, чтобы обуздать штормы.

Через тридцать шесть часов Хэверс вернулся к Ла Бушери.

— Мы сделали свой ход. Если пойдем дальше, цивилизации будет угрожать выми-

рание. Думаю, теперь им есть чем заняться. На то, чтобы в этом убедиться, уйдет некоторое время, но... плохо, что радио больше не работает.

Ла Бушери отвернулся от стены с картами, под вогнутым сводом которой провел большую часть прошедших часов, ведя записи разноцветными мелками по мере поступления данных.

— Ты похож на труп, — сказал он. — Лучше иди поспи. Если понадобишься, я тебя разбужу.

Хэверс только сейчас понял, как близок к тому, чтобы рухнуть на пол. Когда его напряженные нервы, наконец, начали расслабляться, пещера задрожала перед глазами. Он посмотрел на Ла Бушери, стоящего под вогнутой картой мира, нависающей над ним. Алыми кругами были обведены десять важнейших городов — среди них были Рено и Чикаго, — где находились нервные центры кромвеллианской культуры.

К этому моменту все города должны были остаться беспомощными, без связи и возможности воздушного сообщения. Сложные символы, покрывающие карту, показывали направление движения областей пониженного и повышенного давления, подгоняемых самолетами фрименов.

— Думаю, у нас получилось, — сказал Хэверс.

— Думаешь? — настойчиво спросил Ла Бушери. — То есть, ты не знаешь?

— Это щекотливое дело. Еще чуть-чуть и можно вызвать глобальную катастрофу. Я зашел так далеко, как посмел. Теперь нам остается только ждать.

Ла Бушери ничего ответил. Затем он легкой походкой, несоответствующей его габаритам, подошел к столу с картами и принялся копаться в пачке больших изрисованных и исписанных листов. За последние недели он многое узнал у Марта и мог с достаточной точностью читать карты. Он явно знал, что ищет. Через секунду Ла Бушери вытащил один лист и развернул его на столе со специфическим бумажным хрустом. Затем постучал по нему костяшками пальцев.

— Вот, Март. Помнишь?

Хэверс поднял глаза, пока стаскивал с ноги ботинок. Скрипнула кровать.

— Забудь о нем, — ответил он уставшим голосом. — Его мы решили не использовать. Он нам не понадобится.

Хэверс начертил наихудший вариант развития событий, вызванных созданием искусственных бурь, просто, чтобы под руками была карта, предупреждающая об опасности. Всякий раз, когда кривая, нарисованная согласно поступившим сводкам, слишком приближалась к тому, что было на этой карте, Март сверялся с мастер-планом и перенаправлял самолеты.

— Мы сражаемся с кромвеллианами, а не со всем миром, — сказал он. — Кто-то, разумеется, погибнет, но это не повод усугублять ситуацию. Разорви этот лист, хорошо? И разбуди, если что-нибудь случится.

ЛА БУШЕРИ тихонько прошел вперед и загородил ширмой кровать, на которую они по очереди ложились вздремнуть.

— Спи, — сказал он. — Если что, я позову.

Март смутно осознал, что свет за ширмой потускнел так, что было видно только голубое пламя триоксановых тепловыделяющих элементов, закрепленных на стенах. Он слышал невнятное

бормотание радиопомех и тяжелое дыхание Ла Бушери, шуршащего листьями на столе.

Затем Хэверс погрузился в сон, напоминающий толстое мягкое покрывало, отгораживающее от всего остального мира. Вокруг бушевали гром и молния, снег, бури и ливни. Но Март спокойно спал.

Ему приснилось розоватое лицо Даниэллы, склонившейся над ним, щекоча светлыми волосами. Ему приснилось, что она позвала его, и он, вздрогнув, проснулся, а голос из сна все еще разносился по пещере тихим эхом.

Ничего не изменилось. Голубое пламя продолжало светиться. Хэверс мог проспать, как несколько минут, так и пару часов. По-прежнему периодически слышался шорох карт, мерное шипение помех, почти неслышное жужжание голосов в наушниках Ла Бушери и его тихое бормотание в ответ. Тут на краю мира, под замороженной тундрой было странно спокойно.

Затем сквозь шипение радио на секунду прорвался поразительно четкий голос. Диктор успел сказать лишь несколько слов, но и этого хватило, чтобы Март резко сел на кровати, словно ударенный током.

— ... приливная волна, смывшая Галвестон, постепенно ослабевает, заходя все дальше вглубь континента...

Вой помех заглушил остальную часть предложения, пока Март пристально смотрел на подсвеченную голубым светом ширму и не мог понять, проснулся он или все еще спит. Он ждал, застыв от удивления, и через некоторое время помехи рассеялись снова.

— ...ураган, сравнявший с землей восточное побережье, стал причиной тысяч человеческих жертв... — тихо и быстро сказал другой диктор.

Когда Март вскочил на ноги, ширма с грохотом упала. Ла Бушери, согнувшийся над столом, резко повернулся и с удивлением посмотрел на него. Затем на его лице появилось хитрое, торжествующее выражение, изогнулись тонкие губы, сощурились глаза. Это выражение было не совсем нормальным, и сердце Марта подпрыгнуло, прежде чем сильно заколотится от страха и накатывающей ярости.

— Сколько я проспал? — настойчиво спросил он, но не стал дожидаться ответа, потому что его глаза нашли на столе циферблат хронометра.

И с растущим разочарованием он увидел ответ. Двадцать шесть часов. За это время созданные бури должны были постепенно стихать, а фримены начать переговоры с кромвеллианами в осажденных городах — если бы все шло согласно плану.

Но этого не случилось. Хэверс понял, что эти радиосообщения ему не приснились. Одного только лица Ла Бушери было достаточно, чтобы все понять.

И это сам Хэверс создал рецепт глобальной катастрофы. Он обязан был это предвидеть. Должен был выставить какую-нибудь охрану на время сна. Должен был...

Уже неважно. Было уже слишком поздно. На нетвердых ногах Хэверс прошел в другой конец пещеры и посмотрел на изрисованную карту мира. Хватило мимолетного взгляда. Прежде чем он ушел спать, в климатической осаде находилось десять городов, а теперь столицы всех стран были зарисованы метками, говорящими, что эти города уже превратились, или скоро превратятся, в руины. Превратятся без вариантов.

Даже Ликвидаторы Бурь не смогли за отведенное им время уничтожить мастерски созданные ураганы. К этому моменту, по приказу Ла Бушери, потерял равновесие климатический гороскоп всего полушария.

Март читал карту и повсюду видел приливные волны, ураганы и потопа. Начался второй Великий Потоп, новый ледниковый период... и те, кто остались в живых в разрушенных областях, наверняка, не могли сосчитать число жертв ужасной катастрофы.

Остолбенева, Хэверс уставился на карту, и тихий смех Ла Бушери, наконец-то пробился в его потрясенное сознание. Он повернулся. Лицо Ла Бушери было багровым, огромное тело колыхалось волнами радости. И это лицо не являлось лицом здравомыслящего человека.

— Я сделал это! — выкрикивал Ла Бушери между порывами веселья. — Наконец-то я это сделал! Они дважды победили меня и думали, что со мной покончено, но на этот раз победил я! В конце концов, Ла Бушери будет смеяться последним.

— Но зачем... зачем... — Хэверс не смог сформировать внятный вопрос, однако толстяк, казалось, все равно понял его.

Тот ударил обеими руками по столу.

— Твой вариант был ненадежным, — ответил Ла Бушери. — Я прождал достаточно! Я ждал тридцать лет! Я уже пробовал медленный способ, и с меня хватит. Теперь они узнают, кто тут главный! После того, как я с ними покончу, выжившие встанут перед Ла Бушери на колени и станут умолять меня о пощаде! Я покажу им, кто правит планетой! — Ла Бушери задушил собственный смех, и его лицо побагровело еще сильнее, пока он качался в скрипящем кресле.

— **ПРАВИТЕЛЬСТВО** Рено вводит военное положение, — откашлявшись, сообщило радио, — пока Совет не отдаст какие-либо приказы. Погодный Патруль сообщает, что буря на Рено находится под контролем. Совет обещает, что через пару часов положение станет легче.

Хриплый смех Ла Бушери внезапно прекратился. Он повернулся к радио, как раз когда помехи снова заглушили голос диктора.

— Март! — воскликнул он. — Совет — что это такое?

— Ты знаешь не меньше меня, — услышал Хэверс свои слова.

— Ты был там, в Рено. И разговаривал с Лидерами. Ты должен знать, кто на самом деле возглавляет правительство, и что представляет собой Совет?

— Я только знаю, что они никогда не допускают ошибок, — ответил Март со слабым оттенком радости в голосе. — Мы с тобой лишь обычные люди, — добавил он с кривой ухмылкой. — Мы развалили страну. Теперь за дело возьмется Совет. Теперь я и цента не дам за наши с тобой жизни, Ла Бушери.

Внезапно, впервые за много лет, Хэверс вспомнил, что на самом деле скрывается за именем Ла Бушери. Убийства и ненависть. Ударами стихий этот человек превратил весь континент в руины, но расплата была уже не за горами. Хэверс понял, что смеется.

Ла Бушери тяжеломерно поднялся с кресла.

— Март! — воскликнул он.

Март Хэверс не услышал его. Его смех стал полу-истеричным, и он понимал это, но не мог остановиться. По крайней мере, пока мимо его лица не пролетела обжигающая волна, и что-то не врезалось в стену за ним. Затем он затаил дыхание и глянул перед собой. В огромной ладони Ла Бушери почти утонул маленький, невинный на вид пистолет. Но, когда Март заметил оружие, оно сверкнуло белым огнем, и луч обжег ему вторую щеку.

— Кончай! — продолжал Ла Бушери. — Мы уходим отсюда. Ты первый, Март.

— Но куда? Зачем?

— Мы летим в Рено. Ты знаешь его, как свои пять пальцев. Ты отведешь меня к Совету!

Хэверс поднял в небо реактивный самолет Погодного Патруля, рядом с ним сидел Ла Бушери и всю дорогу тыкал ему в ребра пистолетом. Один из угнанных самолетов. Один из самолетов, на которых в этот момент его друзья-фримены сражались с друзьями из Патруля над разрушенной Землей, используя разряды молний и облачные массы.

Самолеты Патруля летают быстро. Быстро и на огромной высоте. Из стратосферы они видели не очень много, но через расселины в облаках, то и дело, со слишком большого расстояния, чтобы иметь значение и важность, выглядывало разбитое лицо планеты.

В тех местах, где еще вчера стояли города, сейчас на солнце блестели огромные простыни водной глади. Белоснежные поля целиком скрыли под собой зеленые равнины. Внизу разматывались горные цепи, укутанные сверкающим льдом.

А пока самолет мчался, Ла Бушери все хохотал и хохотал.

ГЛАВА XVII. *Последняя попытка безумца*

В СТРАТОСФЕРЕ они были в относительной безопасности от стихии, которую сами же обрушили на содрогнувшийся мир. Но вскоре торчащие вершины под ними приняли знакомые очертания, и Март понял, что под покрывалом облаков лежит Рено.

Когда они пробились через тучи, дождь яростно ударил по самолету, а белая башня Совета указала на них длинным, бледным пальцем. Пока они спускались, гремели раскаты грома, а фиолетовые копыта молний угрожающе сотрясали небо.

Март так и не увидел самолет, подбивший их.

Он, разумеется, знал, что самолеты стражников постоянно патрулируют эту область, но ослабевающий шторм все еще был достаточно сильным, чтобы ввести его в заблуждение, и первая мысль о том, что на них могут напасть, чуть не стала последней – удар выбросил его из кресла, и он треснулся головой об изогнутую металлическую стену.

Хэверс очнулся от дождя, бьющего в лицо. Кто-то тряс его за плечо и, не переставая, кричал словно бы издалека: «Март! Март!».

– Даниэлла? – спросил он, затем открыл глаза и увидел перед собой лицо Ла Бушери, по которому бежали струйки воды.

Хэверс сел, пошевелил руками и ногами. Казалось, он каким-то чудом остался невредимым.

– Март, очнись! – голос Ла Бушери был напряженным.

Толстые руки помогли ему подняться.

– Нас подбили, но мы успели снизить скорость. Я в порядке. А ты? Быстрее, Март! Нас уже ищут. Нам надо выбираться отсюда.

Белая башня возвышалась над ними, окруженная руинами, которые были домами, когда Март последний раз видел Рено. Тут побывали ураган с огнем, затем огонь потушила вода и сама уже начала потихоньку отступать.

Подталкиваемый Ла Бушери, но все еще не пришедший в себя после столкновения Март пробирался через руины к башне.

Сквозь заливающий глаза дождь, они с трудом дошли до заднего входа в башню. У Марта был с собой ключ от одной из дверей, ведущих в служебные помещения. Они с Ла Бушери спустились по ступенькам и попали в маленькое фойе, по колено залитое водой. Хэверс вставил ключ в замок.

Он еще не понял, что собирается делать дальше. Ла Бушери... что-то точно случилось с разумом толстяка после тридцати лет горьких поражений.

И ужасную катастрофу, по-прежнему бушующую над континентом, все еще можно было обратить в победу. Март, не меньше, чем Ла Бушери, хотел посмотреть в глаза Совету и потребовать ответы у тайной группы, которую он найдет на вершине башни.

Не входя в общедоступные коридоры, они могли подняться только на несколько этажей. Служебные лифты возили людей лишь до пятого, где находились личные покои Лидеров. После этого было невозможно сказать, как далеко они с Ла Бушери поднимутся.

Они добрались до восьмого этажа. Чтобы попасть сюда, им пришлось бороться с мощной волной человеческого моря, поскольку все огромное здание было захвачено водоворотом активности. Залы кипели куда-то спешащими мужчинами и женщинами с напряженными от ответственности и недостатка сна лицами. Катастрофа, которую Март недавно обрушил на мир, только начала стихать, и на плечи людей в башне легла тяжелая ноша по ликвидации последствий стихийный бедствий.

Светло-голубая форма Погодных Патрульных выделялась в беспокойной толпе. Красные накидки стражников развевались на уровне лиц тех, кто проходил рядом. Лабораторные техники в белых халатах протискивались через плотную толпу с пачками отчетов в руках. И то и дело, через уважительно расступающуюся толпу, торопливо проходили члены Совета.

У многих была порванная и мокрая форма, испачканные кровью лица и одежда. Растрепанный вид Ла Бушери и его дикий, бешеный взгляд не привлекали внимания, что обязательно бы случилось в любых других обстоятельствах. Все выглядело так, словно большая часть населения Рено заходила в огромное здание, а потом выходила обратно, и двое незаконно проникших сюда людей совершенно не выделялись на фоне остальных.

Ла Бушери держал Марта за локоть большой рукой, словно толстой перчаткой, через которую больно ощущалось железная хватка мышц. Сила, таящаяся в этих пухлых, слабых на вид пальцах,

всегда удивляла Хэверса. Накидка Марта, висящая между ними тяжелыми складками, скрывала маленький лучевой пистолет, утонувший в толстой ладони Ла Бушери и упирающийся Марту в ребра.

— Куда ты меня ведешь? — едва слышно настойчиво спросил Ла Бушери, пошевелив лишь уголком рта, что было привычным среди всех беглых меньшинств, появившихся, как только люди начали сажать друг друга в клетки. — Где Совет?

— Где-то на самом верху здания, — ответил Март тем же самым шепотом, появившимся в Слэге. — Я никогда тут не был, но знаю, что надо идти наверх.

— Не пытайся ничего предпринять. Ты не успеешь даже пожалеть об этом.

МАРТ ПОЖАЛ плечами. Он сам не был достаточно уверен в своем разуме, чтобы иметь представление о том, чего ему хочется на самом деле. Из-за его ошибки, нападение на кромвеллиан зашло так далеко, что надежды искупить вину уже не осталось.

Возможно, Ла Бушери был прав. Возможно, единственным вариантом оставалось уничтожить источник власти Лидеров и позволить новому правительству подняться из неразберихи, в которую превратился континент. Хэверс безнадежно покачал головой. За последние месяцы его потрепанный разум испытал слишком большое напряжение. Он мог мыслить только кружным путем, иносказательно и притчами.

— Пусть шторм успокаивается сам, — подумал он. — Я посеял ветер. Теперь придется пожинать бурю. Дуй, ветер, пока не лопнут щеки! Я уже ничего не могу с этим поделать.

На восьмой этаж Март с Ла Бушери поднялись без проблем. Но дальше обычные люди попасть не могли. И, пока они стояли у широких дверей лифта, ожидая, когда оттуда выйдет толпа людей в накидках и белых халатах, случилось то, чего ни тот, ни другой никак не ожидали.

Рядом с ними завихрилась красная накидка, и стражник в блестящем стальном шлеме, все еще удивительно ярком, несмотря на мокрую грязь на плечах, вытянул руку в перчатке, чтобы преградить им путь.

— Прошу прощения, сэр, — сказал стражник Марту. — Ваш пропуск, пожалуйста.

Пистолет Ла Бушери воткнулся Марту в ребра. Секунду ему казалось, что они вдвоем оказались под куполом абсолютной тишины. Все звуки вокруг стихли, пока Март ждал, что в его разуме родится какой-нибудь ответ. И он даже не осознал, когда это случилось.

— У меня нет пропуска, — услышал он собственные слова, понятия не имея, что говорить дальше. — Я потерял документы, — неожиданно для самого себя объяснил он спокойным голосом.

Это казалось вполне правдоподобным. Многие, наверняка, потеряли документы в нарастающем хаосе, поглотившем Рено.

— Но у вас должен быть пропуск, раз вас пустили внутрь, — все еще вежливо настаивал стражник со сгущающейся в его глазах подозрительностью. — С кем вы хотите встретиться?

— Мы вошли через служебный вход, — правдиво ответил Март и показал ключ, который был только у живущих тут Лидеров. — У нас личное дело. Пожалуйста, пропустите нас. Лифт сейчас уедет.

Он попытался протиснуться мимо стражника. Тот все еще колебался. Ключ отлично подтверждал слова Марта, но стражник все еще сомневался.

Март увидел, что почти убедил его, и решил воспользоваться моментом. Он подался вперед и прошептал стражнику в ухо кодовую фразу, благодаря которой, будучи Погодным Патрульным и Лидером, он раньше попадал в места с ограниченным доступом.

Возникло напряженное мгновение, когда пистолет Ла Бушери предупреждающе впился дулом Марту в ребра, после того, как он вызвал недоверие толстяка, в то время как недоверие стражника все еще не позволяло им пройти дальше. Оказавшись между молотом и наковальней, Март просто стал ждать.

Затем стражник расслабился и кивнул головой в блестящем шлеме.

— Ладно, сэр. Проходите. — Он отошел.

Март с Ла Бушери зашли в лифт, соединенные железной рукой толстяка и упирающимся в бок Марту пистолетом. Двери лифта закрылись, внимательное лицо стражника исчезло, и кабинка скрипнула, начав подниматься по шахте.

Когда двери раздвинулись, показалось шестеро ждущих их стражников.

Набившиеся в лифт люди начали выходить в зал, поднялась суматоха, стражники в красных накидках принялись протискиваться к Марту с Ла Бушери.

— Это все ты виноват! — прорычал Ла Бушери Марту в ухо, и дуло пистолета чуть дернулось, когда толстый палец лег на курок.

Что-то в лице Марта, наверное, предупредило стражников, потому что в ту же секунду, как он повернул правую ногу и ударил рукой по кисти Ла Бушери, держащей пистолет, отбросив дуло, процарапавшее ему по ребрам, ближайший стражник рванулся вперед, схватил Ла Бушери за огромные плечи, и завел его руки за спину.

Завязалась борьба. Кто-то сдавил Марту шею, у него перед глазами встала красная пелена, вызванная недостатком кислорода и мельтешащими накидками стражников. Когда люди столпились вокруг дерущихся, началось всеобщее волнение, и поднялись крики.

Но шелеста лучевого пистолета не послышалось, и через пару секунд Март понял, что у Ла Бушери нет шансов. Только не без пистолета. Что касается самого Марта – он особо и не дрался. Его одинаково устраивали, как победа, так и поражение, он был готов принять любой вариант. Исход уже стал ясен.

Несколько человек обратили внимание на небольшую группу стражников и двух пленников, пока те шли через огромный зал к столу в дальнем конце. Наверное, это и есть Центр Операций, подумал Март, взглянув на три уровня балконов, поднимающиеся над толчеей. Повсюду были столы, доски объявлений, телеэкраны и суетящиеся люди.

ДО МАРТА внезапно дошло, что это помещение, наверное, являлось первой передающей станцией, принимающей приказы от Высшего Совета и разносящей их по всему континенту. Он осознал непреодолимое желание увидеть сам Совет или того, кто его представлял. Что или кто бы ни находился на верхнем этаже этого здания, в этот страшный час именно он управлял судьбой кромвельянского мира.

Март никогда прежде не видел человека, сидящего за столом, к которому подвели их вначале. Но, как ни странно, его узнал Ла Бушери. Драка в зале, казалось, временно успокоила толстяка, и он зашептал уголком рта так дружелюбно, будто не пытался убить Марта пару минут назад.

– Это Уильямс, – тихо сказал он. – Начальник континентальной полиции. Раньше он заседал в Вашингтоне. Сюда, наверное, переехал весь департамент. Это значит, что Высший Совет тоже здесь, Март. Нам нужно сбежать!

Стражник, остановивший их у лифта, обратился к Уильямсу.

– И когда он сказал мне кодовую фразу Лидеров, – объяснил он, – я вспомнил, что несколько месяцев назад мы получили сигнал о Лидере, перешедшем на сторону врага, и...

– Да, да, спасибо, – нетерпеливо перебил его Уильямс, а затем посмотрел на Марта, нахмурившись так, что было непонятно, сердится он или просто глубоко задумался. – Ты Хэверс, не так ли? Погодный Патрульный, ставший предателем. Что ты тут делаешь?

Март пожал плечами и не ответил. Что он мог сказать?

— Думаю, ты многое можешь рассказать нам о том, что происходит, — продолжал начальник полиции после паузы. — Если не хочешь говорить сейчас, я вызову...

Он замолчал и включил экран видеофона.

— Лидер Вон, — сказал Уильямс в микрофон. — Лидер Вон! — Экран потемнел, а затем на нем появились голубые глаза Даниэллы на бледном, уставшем лице. — У меня тут человек, с которым вы работали некоторое время назад, — сообщил он. — У нас о нем весьма противоречивые сведения. Вы не спуститесь сюда на минутку?

Даниэлла перевела взгляд с Уильямса на тех, кто стоял у стола. Только Март заметил, что она испугалась. Ее нижняя губа чуть дрогнула, и она на мгновение закусилась, — вот и все, чем она выдала себя.

— Разумеется, Лидер Уильямс. Сейчас буду, — сказала она, долгую секунду глядя Марту в глаза.

Стоя рядом с Уильямсом и смотря вниз, Даниэлла не говорила с Мартом, но ему казалось, что она не сводила с него глаз с тех пор, как появилась в поле зрения, идя мимо столов. Она молча выслушала Уильямса.

— Я хотела бы кое-что предложить, — сказала она, когда начальник полиции закончил. — Март Хэверс проходил лечение в Центре Мнемоники, когда с ним случился... рецидив. Я бы очень хотела, чтобы его осмотрел Лидер Ллевелин. И второго человека тоже, раз уж их схватили вместе.

Пока Даниэлла говорила, она пристально смотрела на Марта. Он был уверен, что этим молчаливым взглядом она пыталась ему что-то сказать, но не понимал, что именно. Возможно, этого не знала даже она сама. В ее глазах была растерянность и нечто похожее на удивление.

— Если можно, — закончила она и в первый раз взглянула на Уильямса, — я тоже пойду. Думаю... думаю, мне есть что сказать Лидеру Ллевелину об этом человеке.

Когда они вышли из лифта и прошли в другой конец приемной Ллевелина, то снова услышали бушующую за окном бурю. Дождь стучал в высокие окна и стекал по стеклам такими мощными потоками, что окна стали непрозрачными.

Ла Бушери что-то задумал. Март понял это по тому, как изменился ритм дыхания толстяка и по тому, как он шел между стражников. Злость, накопившаяся в нем за тридцать лет, наконец, вырвалась на свободу с силой бури за окном, и ее нельзя было долго удерживать в узде. Но хитростью и самоконтролем он оттягивал момент взрыва.

Даниэлла подошла к дверному видеофону, объявила о том, что они пришли, и тут огромное тело Ла Бушери внезапно качнулось вбок, словно он начал падать. Это так походило на падение, что стражник рядом с ним вытянул обе руки, чтобы подхватить толстяка. Это было ошибкой. Огромный вес Ла Бушери навалился на стражника лавиной плоти. Обманчиво пухлой рукой Ла Бушери сделал быстрое движение и ловко выхватил лучевой пистолет из кобуры стражника.

Потом Ла Бушери упал на пол, быстро перекатился через голову и с невероятной быстротой оказался на ногах. Секунду дуло пистолета угрожающе глядело на Даниэлла, Марта и стражников из-за занавешенного дверного прохода, а лицо толстяка, улыбаясь и став похожим на череп, было не менее страшным. Упавший стражник поднялся на ноги и нечаянно заслонил Ла Бушери, в чем тот отчаянно нуждался. К тому времени, как путь освободился, Ла Бушери беззвучно исчез.

Разумеется, это было бесполезно. Он не мог далеко уйти в здании, наполненном стражниками и коммуникационными устройствами. Март увидел, что командир стражи уже говорит в перчаточную рацию, и понял, что тревога поднята. Затем двое людей, державших Хэверса за локти, подтолкнули его вперед, и он снова оказался в личных покоях Ллевелина. Даниэлла вошла первой.

ГЛАВА XVIII. Совершенно секретно

МАРТ НЕ УТАИЛ от Ллевелина ни единой подробности.

— Вот и все, что тогда случилось — закончил он. — Это моя вина, и я готов понести наказание, потому что так будет правильно. Душа, все началось тридцать лет назад, когда Ла Бушери впервые столкнулся с крупной неудачей и ступил на путь, который привел его... к этому. Когда я позволил себе заснуть, все вышло из-под контроля. Я не ищу оправданий, Лидер. Я рад, что сделал все это. Меня тревожит только оплошность, но даже об этом уже поздно волноваться.

Ллевелин посмотрел на него, усталость на его темном морщинистом лице больше, чем когда-либо, стала походить на истощение. Но гнева там не было. Они остались одни: Март, Ллевелин и Даниэлла. Марта привязали к специальному креслу, удобному, но жесткому. Стражники ждали снаружи. Разговор шел втайне от всех остальных. Ллевелин доказал это в следующую секунду, когда случилось кое-что, поразившее Марта.

— Возможно, ты все сделал правильно, — сказал он. — Думаю, многие из нас почувствовали некоторое облегчение, когда что-то, наконец, выбило кромвеллианскую культуру из летаргического сна.

— Вы хотите сказать... — уставился на него Март. — Хотите сказать, вы на нашей стороне?

— Конечно же, нет. Что вы можете предложить, кроме анархии? Я сделаю все, чтобы восстановить старый режим, но с некоторыми изменениями. Нужно, чтобы он стал более гибким. Более масштабным. И ты поможешь мне, Март.

Март покачал головой. Даниэлла все еще не сводила с него глаз, и ему показалось, что ее взгляд немного прояснился.

— Я не могу вам помочь, — ответил он. — Даже если я захочу, меня никогда не примут обратно. Да я и не хочу. К тому же вы ошибаетесь. Старый порядок вернется уже месяцев через шесть. Кромвеллианизм не может быть гибким. Он либо неподвижно стоит, либо полностью разваливается. Так уж устроен этот режим.

— Ты ушел от нас, не пройдя курс лечения до конца, — не обратив внимания на остальные аргументы, напомнил ему Ллевелин. — Никто не будет винить тебя за безумные поступки, совершенные в таком состоянии. Я хочу, чтобы ты завершил процедуру, Март. С тех пор, как ты включил то устройство и вернул себе воспоминания, я продолжал развивать этот метод. Раньше его никогда не использовали на разуме, подобном твоему. Разумеется, все результаты автоматически записывала машина. Эти данные позволили мне сделать важный шаг к решению твоей проблемы. Я работал над ней в свободное время.

Ллевелин открыл раздвижную дверь рядом с собой, и все трое посмотрели на сияющую лабораторию за ней. Там стояло знакомое кресло, похожее и, тем не менее, не похожее на то, в котором Март взорвал в своей голове бомбу, начиненную противоречивыми воспоминаниями. Ллевелин спокойно подошел к нему и положил руку на спинку его кресла. Кресло покатилося.

— Следуй за мной, — сказал он. — Ты тоже, Даниэлла.

Они оказались в помещении с высоким потолком и множеством ярких ламп. Здесь дождь тоже яростно бил в окна так, что, кроме воды, ничего не было видно, хотя за стеклами то и дело сверкали фиолетовые отсветы молний, а гром, казалось, раскачивал все огромное здание.

— Март, я хочу, чтобы ты позволил мне закончить работу над твоим сознанием, — попросил Ллевелин. — Сейчас ты не в состоянии мне отказать. Сейчас ты даже не можешь нести ответственность за

свои действия. Как только я верну тебя к нормальной жизни, ты поймешь, насколько я был...

Его прервала одно событие. Никто из троих не успел понять, что именно произошло. Однако, гром внезапно загрохотал гораздо сильнее, и в лабораторию ворвался холодный ветер с дождем. Затем все трое почти машинально повернули головы к окну.

Там стоял Ла Бушери и улыбался невеселой улыбкой скелета, в руке у него был лучевой пистолет, а по грузному телу стекала вода. Даниэлла, Хэверс и Ллевелин увидели за ним балкон и бурю, которую он сам создал. Все еще улыбаясь, он зашел в помещение и закрыл дверь на балкон.

– Нет, Март, – сказал толстяк. – Не будь дураком. Он не может заставить тебя принять лечение, если твое сознание сопротивляется. Ты же знаешь, что он хочет сделать, не так ли? Снова тебя загипнотизировать, чтобы ты стал Лидером-роботом. Не доверяй ему.

– Это неправда, – бесстрастно ответил Ллевелин.

Было странно смотреть, как эти двое, казалось, по-научному дискутируют, споря о свободе воли так доходчиво, будто один не держал другого на мушке. А на лице человека с пистолетом было явно выраженное безумие.

– Все совсем не так. Я не пытаюсь повлиять на твое решение, Март. Но ты сам знаешь, что твой мозг работает не так, как надо. В глубине души ты знаешь, что тебе нужно лечение.

– Март, не соглашайся! – резко воскликнул Ла Бушери. – Ты мне нужен! Подожди! – Он взмахнул пистолетом и подошел к большому металлическому креслу, над которым склонился Ллевелин. – Если ты говоришь правду, Ллевелин, – сказал он, – может, ты сам сядешь в это в кресло. Не думаю, что лечение хоть как-то подействует на тебя, если ты считаешь, что твой разум сейчас в порядке. Ллевелин, ты что оглох?! Садись, если не лжешь.

ЛИДЕР ДОЛГОЕ мгновение смотрел на Ла Бушери, встретившись взглядом с маленькими, полными ярости глазками толстяка. Рука Ллевелина медленно ползла к кнопке на стене у него за спиной.

– Думаю, тебе лечение нужно больше, чем кому-либо из нас, – сказал он, наконец, дотянувшись до звонка.

Ллевелин коснулся кнопки, но секунду ничего не происходило. Ла Бушери не увидел того, что сделал Лидер. В отличие от Марта, которому пришлось молчать, чтобы сохранить свою жизнь, поскольку в лаборатории решался исход не только конфликта двух людей, но и гораздо большего. Звонок не был выходом. Марту

нужно было узнать, чем все закончится. Кроме того, происходило кое-что еще, чему он не смел мешать.

Даниэлла тоже смотрела на звонок. И медленно подавалась вперед.

– Садись, Ллевелин, – приказал Ла Бушери.

Он протянул толстую руку и толкнул Лидера в кресло. Пистолет в другой руке слегка дрожал от с трудом контролируемых эмоций. Март понимал, какая буря злобы и негодования, наверняка, затмевает разум Ла Бушери: воспоминания о несостоявшейся карьере Лидера и ненависть к Ллевелину, у которого было все, чего не хватало Ла Бушери.

– Садись! – крикнул толстяк и еще раз сильно толкнул Лидера.

Пальцы Ллевелина напряглись на кнопке. И тут Даниэлла с пугающей быстротой дернула рукой и сбила его пальцы в сторону. Затем закрыла ладонью кнопку и медленно покачала головой, плотно сжав бесцветные губы, а Ллевелин удивленно уставился на нее.

– Прошу прощения, Лидер, – сказала Даниэлла. – Я приняла решение. Думаю, они правы. Кромвеллианизм отжил свое. С этого момента я с Мартом Хэверсом.

Ла Бушери ликующе взвыл и ударил Ллевелина так, что тот ударился о спинку кресла, и у него на секунду перехватило дыхание. Даниэлла быстро подошла к Марту, и взгляд ее потеплел, когда она посмотрела Марту в глаза. Она щелкнула тремя замками, и оковы кресла раскрылись. Март неуверенно поднялся на ноги.

Ла Бушери, со сверхъестественной ловкостью работая одной рукой, уже надевал металлический капюшон на голову Ллевелина. Ремешок под подбородком защелкнулся. Ла Бушери холодно засмеялся и щелкнул выключателем над креслом. Март остановил бы его, но все случилось слишком быстро. Однако то, что произошло следом, поразило его.

Глаза Ллевелина помутнели. Он смотрел прямо перед собой и ничего не видел. Ла Бушери снова засмеялся и протянул руку к шкале на металлическом капюшоне. Затем сдвинул ее указатель на два деления вверх... и Ллевелин заговорил.

Но речь Лидера было невозможно разобрать.

– Ла Бушери! – Март быстро шагнул вперед с вытянутой рукой. – Прекрати! Ты не знаешь, что делаешь.

– Еще как знаю. – Толстяк поднял пистолет и направил его на Марта. – Я прекрасно знаю, что делаю. Я уже работал с похожим устройством. Может, он и умрет, но успею выяснить то, что мне нужно. Отойди!

Ла Бушери поднял указатель еще на два деления. Голос Ллевелина стал еще более высоким и пронзительным, и, то и дело, можно было разобрать отдельные слова. Ла Бушери опустил указатель на восемь делений. Ллевелин с пустым лицом и невидящими глазами ответил на это невразумительными звуками. Процесс походил на настройку радио, когда надо туда-сюда вращать ручку, слушая треск помех до тех пор, пока на верной волне из динамика не раздадутся четкие слова. Как они, наконец, раздались изо рта Ллевелина.

— Я слышу тебя, — сказал он голосом, не совсем похожим на свой.
— Ты правильно настроил шлем. Не трогай регулятор.

— Ллевелин! — Голос Ла Бушери был хриплым из-за ликования.
— Неужели я нашел нужный уровень твоего сознания? Тот, на котором невозможно солгать? Скажи мне шифр, идентифицирующий тебя в Совете. Быстрее — шифр.

Ллевелин ответил без колебаний. Это была секретная фраза, доверенная каждому Лидеру, у всех она была разная, и ее нужно было охранять лучше, чем саму жизнь Лидера. Ллевелин выболтал ее, как ребенок. Ла Бушери засмеялся тоже с чуть ли не детской радостью.

— Скажи мне... где находится зал Совета? — настойчиво спросил он голосом дрожащим от нетерпения. — Как мне туда попасть?

— За дверью в углу есть лифт, — быстро ответил Ллевелин. — Зал находится на верхнем этаже. Тебя никто не остановит.

— Что представляет собой Совет?

— Не знаю. — Ллевелин не заколебался даже сейчас.

Ла Бушери наклонился вперед, его лицо побагровело.

— Ты должен мне сказать. Я говорю с твоим сознанием в обход психологических блокировок. Ты обязан отвечать правду. Что представляет собой Совет?

— В нем много членов. Я сам как-то был на одном из заседаний. Но не могу его описать. Ты сам должен увидеть. Тот, кто не видел, не сможет понять.

Ла Бушери выпрямился. Пот смешался с дождем на его широком лбу. Он повернулся к Марту и Даниэлле, держа пистолет наготове. Затем отступил к двери, на которую указал Ллевелин.

— Я поднимаюсь, — сказал толстяк. — Март, ты идешь со мной. Черт знает, что ты натворишь тут внизу. А ты... женщина... как там тебя зовут, садись в кресло. Да, знаю, ты говоришь, что ты с нами. Я не причиню тебе вреда. Но мне нужно кое-что сделать. Садись — вот так. Теперь толкни ногой рычаг. Отлично.

Автоматические замки защелкнулись, и Даниэлла тихо отклонилась на спинку, оказавшись в оковах.

— Со мной все будет в порядке, — сказала она Марту. — С тобой, думаю, тоже. Иди с ним. Узнай то, что ты должен узнать. Я верю, что ты вернешься за мной в целости и сохранности.

Последним, что Март увидел, была ее теплая, спокойная улыбка...

МАЛЕНЬКАЯ кабинка со скрипом остановилась, и двери разъехались в стороны. Ла Бушери вытолкал Марта, затем вышел сам. Они оказались в пустом зале. Далеко впереди виднелись высокие двери со светящимися буквами «**СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО — ВХОДА НЕТ**». И больше они ничего не увидели.

Это место, где должно было быть слышно жужжание переполненного занятыми людьми улья, оказалось абсолютно тихим, не считая слабенького звука почти за порогом слышимости, от которого Март едва заметно задрожал, даже не осознавая этого.

— Не понимаю, — почти шепотом сказал Ла Бушери из-за спины, и Март понял, что он тоже ощущает беспричинную дрожь. — Ллевеллин не мог солгать. Он сказал, что тут только Совет Лидеров. Мне это не нравится!

Марту тоже стало не по себе. Но он шел по залу, подчиняясь толчкам Ла Бушери, тихо идущего следом. Секретари должны были носиться взад-вперед, докладывая о приходящих и уходящих Лидерах. Но их тут не было. Тут ничего не было. Был только наполненный странным гулом пустой зал с большими дверями, отгоняющими всех посетителей.

Они подошли к дверям. Затем осторожно открыли их. И так, в тишине и без сопротивления, они, наконец, нашли Совет.

В помещении стоял длинный низкий стол с парой десятков кресел, на которых сидели лишь шестеро человек. Сидели совершенно неподвижно. Они все были Лидерами, у каждого на голове был шлем из бледного металла, покрытого ямками. Перед пустыми креслами лежали такие же шлемы. Когда Ла Бушери вошел в помещение следом за Мартом, Лидеры не пошевелились и не повернули головы.

Помещение было совершенно простым, оно не имело окон, и в дальней стене виднелась единственная другая дверь. А тихое гудение наполняло воздух, как нечто осязаемое.

Шестеро Лидеров с пустыми лицами смотрели прямо перед собой, уставившись в никуда. Казалось, они к чему-то прислушивались.

Март дотронулся до плеча ближайшего. Затем потряс его. Никакой реакции. Он проверил второго Лидера. То же самое.

— Катаlepsия? — тихо спросил Ла Бушери, а затем добавил с внезапной свирепостью. — Сейчас узнаем!

Громкий хлопок вырвавшегося на свободу энергетического луча заставил Марта подпрыгнуть. Он резко развернулся и увидел, как дальний человек за столом медленно упал вперед, его грудь была пробита выстрелом Ла Бушери. Но лицо даже этого Лидера ничего не выразило.

Март мрачно стиснул зубы и ничего не сказал. Он понимал, что ему надо найти способ обезоружить толстяка и, причем, как можно быстрее. Так ничего и не сказав, он обошел мертвеца, и последовал за Ла Бушери к дальней двери.

*Ла Бушери, подумал Март, какое точное имя!**

Толстая рука с пистолетом все еще была направлена на Марта, но другой рукой Ла Бушери повернул ручку двери. Затем оружие медленно опустилось. Это был шанс Марта, но он даже не заметил его. Охваченный ошеломлением точно так же, как и толстяк, он застыл и уставился вперед через плечо Ла Бушери.

Из комнаты мощными волнами, похожими на сердцебиение, вырвался яркий красный свет. Комната была маленькой. Нет... это, вообще, была не комната. А машина, если быть точным.

Стены, пол и потолок покрывал бледный металл с ямочками, тот же самый, из которого были сделаны шлемы Лидеров. Всю «комнату», словно стальная паутина, занимала бесконечно сложная проводка. По смазанной поверхности среди паутины, выверенными движениями, туда-сюда гладко скользили какие-то металлические предметы, немного похожие на челноки. Челноки, плетущие свою собственную паутину. Или, скорее, Лахезисы** какой-то расы, более нетленной, чем люди, плетущие более прочную паутину судьбы.

Март повернулся обратно к столу, узнав ответ на вопрос еще до того, как задал его вслух, но не посмел принять собственный ответ.

— Что это такое? — тряхнув одного из сидящих за столом людей, настойчиво спросил он. — Отвечай мне! Устройство в соседней комнате. Это машина? Она живая? Разумная? Что это такое?

— Я машина, — раздался ответ изо рта Лидера, но голос был нечеловеческим. — Я не живая. Я не разумная.

* la boucherie (франц.) — мясная лавка (прим. перев.)

** В греческой мифологии, одна из трех дочерей Эребуса и Никс, плетущих нити судьбы (прим. перев.)

ГЛАВА XIX. Мыслящая машина

НЕ СЧИТАЯ гулко, мерного гудения, доносившегося из странной комнаты, тяжелое дыхание Ла Бушери было единственным звуком в комнате. Через довольно долгое время, Ла Бушери тоже задал вопрос.

— Кто ты? — тихо спросил он. — С кем мы говорим?

— Вы говорите с машиной. С электронным вычислительным устройством.

Хотя слова выходили из губ Лидера, ни у Марта, ни у Ла Бушери не было иллюзии по поводу того, кто это говорит. И Марту не понадобились другие ответы, чтобы понять, как точно он охарактеризовал эту негибкую культуру. Теперь он понял, почему правительство действовало согласно таким жестким, неизменным шаблонам, почему оно так покорно следовало направляющей его воле, словно само являлось машиной.

— Эти люди, — сказал Ла Бушери. — Что с ними случилось?

— Они получают ответы от электронного калькулятора. Шлемы улавливают и передают мыслительные волны, — таким образом, мы устраняем семантические различия.

— Это нужно остановить! — Март отчаянно размышлял. — Остановить... но как? Где мне найти Атропу*, которая перережет эту нить?

— Ты будешь отвечать на наши вопросы? — снова заговорил Ла Бушери, на этот раз с волнением в голосе.

— Да.

— Как Лидеры используют тебя?

— Электронная вычислительная машина была построена в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом, — ответил нечеловеческий голос. — Время от времени ее улучшали. Она стала первой по-настоящему успешной вычислительной машины. Электронные лампы и электрические цепи заменили неуклюжие валы и шестеренки. В самом начале в устройстве использовалось три тысячи семьсот ламп. Сейчас в ней двенадцать тысяч шестьсот одиннадцать. Электронную вычислительную машину изобрели, чтобы решать сложные механические проблемы быстрее, чем это может сделать коллоидный человеческий мозг. Постепенно появлялись все новые и новые задачи. Было необходимо улучшить вычислительную машину так, чтобы она преобразовывала все проблемы в чисто математические задачи, решала их, а затем перефразировала ответ так, чтобы его мог понять человек. Все знания можно найти математическим путем. Только установив свой режим, кромвеллиане наткнулись на

* Сестра Лахезис (прим. перев.)

несколько задач, разрешимых только эмпирическим путем, на что могли уйти сотни лет. Чтобы найти ответы, они решили использовать электронную вычислительную машину: это держалось в строжайшем секрете. Все важные решения передавались Совету Лидеров, якобы являющемуся верховной исполнительной властью, но на самом деле решения принимала машина. Отсюда пошла легенда о непогрешимости Совета. Вот краткий ответ на ваш вопрос.

— Машина! — прошептал Ла Бушери. — Миром правит машина!

— Значит, кромвеллианские Лидеры ничуть не умнее других людей, — сказал Март. — По крайней мере, они не сверхлюди. Любой может использовать эту машину и принимать верные решения.

— Любой, но доступ к ней есть только у Лидеров, — заметил Ла Бушери и повернулся к молчаливому Лидеру. — Я и сам когда-то был Лидером. Меня разжаловали, когда мне было девятнадцать лет. Сказали, что мое дело решит Совет. Значит... — Уголки его рта опустились вниз. — Меня изгнала эта чертова машина!

— Сейчас это уже неважно, — сказал Март. — Нам надо понять, что делать дальше. Пока секрет Лидеров остается в тайне, они будут получать правильные ответы и продолжать властвовать. Если мы расскажем об этом народу...

ЛА БУШЕРИ пошел к открытой двери в соседнюю комнатку. Ему в лицо ударил неестественный красный свет. Внезапно он поднял пистолет и выстрелил в машину.

Раздался шипящий треск. Хэверс увидел, как Ла Бушери с искривленным ртом и хмурым взглядом сделал шаг назад и выстрелил снова.

— Ла Бушери! — воскликнул Март.

Он шагнул было вперед, но толстяк развернулся и пошел к длинному столу. Красного отсвета на его лице больше не было, но глаза остались красными.

Он остановился напротив Лидера, отвечавшего на их вопросы.

— Как уничтожить машину? — тихо спросил Ла Бушери.

— Высокое напряжение может замкнуть электронное вычислительное устройство, — мгновенно ответил нечеловеческий голос.

— Как мне это сделать?

— Подать ток снаружи здания. Изнутри машина автоматически защищена от подобных атак.

Март коснулся руки Ла Бушери. Толстяк повернулся к нему, его взгляд все еще был яростным, а в глубоко посаженных глазах горел красный огонь.

— Я был Лидером, — прошептал Ла Бушери. — Эта штука изгнала меня!

— Кеннард...

Ла Бушери покачал головой. Он выглядел странно удивленным.

— Я ненавижу тебя, Март, — признался он. — Ненавижу много лет. Много всего другого я тоже ненавижу: Лидеров, стражников с их высокомерием и уверенностью, и многое другое. Но это было неправильно. Больше я не испытываю к тебе ненависти. Как и ко всему остальному, не считая машины. Раньше я не знал, что именно должен ненавидеть. Но теперь знаю.

И, без всякого предупреждения, Ла Бушери засмеялся, крутанул на пятках и выбежал из зала.

СНАРУЖИ здания самолеты Патруля все еще нарезали бесконечные круги под темным, хмурым потолком облаков. Дождь продолжал неумолимо хлестать. Март выбрался из башни как раз вовремя, чтобы увидеть, как мрачная фигура Ла Бушери без колебаний вышла под ливень.

Сверху ожил прожектор, нашел Ла Бушери, но тут же потерял его. Белый диск, двигаясь увеличивающимися кругами, пытался найти свою добычу. Фонтан выброшенной в воздух земли дал понять, что разорвалась бомба.

Он сошел с ума! — подумал Хэверс. Зачем этот безумец выбежал из здания, на которое Патруль не посмеет кидать бомбы, и оказался на открытом пространстве, где представляет собой отличную мишень.

Прожектор снова нашел Ла Бушери. Бегущий человек резко повернул, но луч безошибочно последовал за ним. Другие лучи тоже сфокусировались на нем, и самолеты скинули еще две бомбы. Ла Бушери пошатнулся, вернул себе равновесие и побежал дальше.

Март вдруг осознал, что бежит за толстяком. Он не совсем понимал, зачем. Возможно, он ненавидел Ла Бушери так же сильно, как тот ненавидел его вплоть до обнаружения вычислительной машины. И это определенно было бесполезной глупостью – вот так ничемно выбрасывать свою жизнь – жизнь, которая, благодаря какому-нибудь чуду, могла в будущем принести фрименам пользу, – но на этой охваченной бурей арене, где господствовали ветер, тьма и прожекторные лучи, не было времени для размышлений. Март Хэверс помчался за человеком, которого ненавидел много лет, пытаясь спасти от неминуемой гибели.

Мощный порыв ветра подхватил Ла Бушери и пронес метров десять. Именно это спасло ему жизнь. Там, где он находился секунду назад, взорвалась бомба, а теперь прожекторы запутались и заметались. Ни один из них пока не задел Марта. Не то, чтобы это имело какое-то значение, поскольку бежать все равно было бесполезно.

Тем не менее, он продолжал нестись очертя голову.

Молния подсветила облака бледным пламенем. Ла Бушери с Мартом стали отличным целями в этом свете. Хэверс увидел перед собой широкую фигуру, увидел, как она, шатаясь, двигается дальше, и заметил чуть поодаль помятый самолет Погодного Патруля.

Пока самолеты в небе сделали заход и сбросили бомбы, Ла Бушери забрался в кабину реактивной машины.

– Ла Бушери! – пытаюсь перекрычать ветер и гром, завопил Хэверс. – Даже не думай об этом!

Его откинуло ударной волной. Он лежал в полубессознательном состоянии, пока дождь, бьющий в лицо, не привел его в чувства. Дождь и что-то еще – глухое завывание реактивных двигателей.

Март приподнялся на локте и застыл от увиденного. Самолет набирал высоту.

Когда разбивался обычный самолет, он больше не мог взлететь, поскольку крылья, двигатель и винт становились бесполезными. Но реактивный самолет нельзя было обездвижить, пока его двигатели могли выпускать огненную струю. Ла Бушери поднимался в небо.

Да, двигатели работали. Но управление не действовало. Самолет мог лететь только прямо. И Ла Бушери включил ревущие двигатели на полную мощность.

Патрульные самолеты сделали еще один заход, стреляя из всех орудий. Но Ла Бушери оставил их позади за считанные секунды. Обычные самолеты были слишком медленными, и к тому же недостаточно маневренными.

Реактивный самолет со своими маленькими крыльями мчался в небеса. Изрыгающие огонь двигатели оставляли пламенный след, на секунду задерживающийся над измученной ураганом планетой.

Затем в самолет ударила молния, а с самолета перескочила на землю.

Март осознал, что поднялся на ноги, кричит и глядит вверх, не обращая внимания на заливающий глаза дождь. Теперь он понял, что задумал Ла Бушери. Он не сошел с ума – по крайней мере, не совсем, хотя это и было самоубийство. Толстяк вспомнил уроки погодного контроля, преподанные ему Хэверсом. Вспомнил о специальном оборудовании этого конкретного самолета, – устройства, притягивающего молнии из заряженных облаков. А еще Март вспомнил слова машины – что ее можно уничтожить внешним разрядом. Если попасть им в защищенное здание, в котором она располагалась.

Пламенный меч еще мгновение продержался в темных, охваченных громом небесах.

Разряд молнии неумолимо ударил здание, пройдя через звено патрульных самолетов.

Даже через бушующий шторм был слышен пронзительный предсмертный вопль вычислительной машины – невыносимый, режущий уши вой, который становился все громче и громче...

И вдруг резко затих.

Но Март продолжал смотреть вверх, на огненный меч – самолет Ла Бушери, вышедший из-под контроля сразу после взлета. Меч поворачивался в небе. Дрожащее лезвие меча наклонилось, стало параллельным горизонту и через мгновение накренилось еще сильнее.

Перевернувшись, меч полетел к земле.

МАРТ ОТВЕРНУЛСЯ и не стал смотреть, чем все закончится. Тяжело и неровно дыша, он побежал к зданию. Один раз какой-то патрульный самолет спикировал в его сторону, но затем Хэверс оказался уже почти у входа.

А через секунду – в здании.

Лучевой пистолет он держал в руке. Он не знал, чего ожидать. Но хотел убедиться, что смерть Ла Бушери была не напрасной.

Хэверс вернулся в зал с длинным столом. Шестеро Лидеров с металлическими шлемами на головах все еще сидели в креслах. Голова того, кого убил Ла Бушери, лежала на столе, но остальные сидели прямо, глядя перед собой.

Март подошел ближе, держа пистолет наготове, протянул руку и дотронулся до одного из сидящих.

Тот свалился с кресла. Его тело тяжело рухнуло на пол.

Он был мертв.

Как и все остальные, понял Март. Но теперь это было не важно. А что имело значение, так это машина. Она являлась сердцем и мозгом кромвеллианской власти, сердцем любого будущего правительства, способного использовать ее, которое неизбежно превратилось бы в жесткую, механическую конструкцию, означающую смерть человечества.

Машина давала правильные ответы. Это, действительно, было так. Тем не менее, ответы были не совсем верны – по крайней, для людей. Мужчин и женщин, подумал Март, никогда нельзя будет представить в виде математических уравнений, и невозможно решить их проблемы, просто рассчитав нужные значения переменных.

Человек должен сам вести свою войну. Он всегда так делал и всегда будет делать, а иначе погибнет. Таким образом, он становится сильнее. Солдаты Погодного Патруля, сражаясь с древним врагом, не являлись беспомощными слабаками, в которых кромвеллианская власть превратила остальную часть расы. Человек должен сражаться сам за себя – сражаться с ураганами, метелями и приливными волнами своей темной, неизвестной судьбы. И эти войны он должен вести, опираясь лишь на свои ресурсы, или окончательно уступить судьбе.

Март прошел в другой конец зала, остановился у двери и уставился на то, что осталось от электронного мозга.

Молния, вызванная человеком, отлично справилась со своей работой. Даже Хэверс, не будучи инженером, понял, что машина больше никогда не станет работать. Она была разрушена.

Он поднял лучевой пистолет, уверенный, что барьер, остановивший заряд прежде, не остановит его сейчас. Мерное гудение прекратилось. Машина стала уязвимой... нет, не так – она сгорела.

Хэверс заколебался, затем медленно опустил пистолет.

– Мир должен это увидеть, – подумал он. – В противном случае, люди не поверят. Если я останусь жив, то покажу им. Расскажу, что ими правила машина, а не непогрешимый Совет кромвеллианских Лидеров. Как только люди узнают правду, то начнут искать свою собственную судьбу.

Пилот-новичок вместе с ветераном стоял рядом с реактивным самолетом, ожидая сигнала к вылету. Над головой висело плотное покрывало густых облаков. Однажды с ветром донесся утробный рев сверхзвукового самолета.

— Время почти пришло, — сказал ветеран. — Сигарету?

Новичок не ответил. Он не сводил глаз со здания Управления, расположенного по другую сторону взлетного поля.

Ветеран улыбнулся.

— Ты в первый раз увидел Хэверса? — спросил он. — Ну, это будет не последний. Никогда не знаешь, когда он объявится на каком-нибудь аванпосте и проведет проверку. Он занимается этим уже больше двадцати лет, и я еще не видел, чтобы он начал сбавлять обороты.

— Даже на таком дальнем аванпосте? — с некоторым удивлением спросил новичок.

— Сегодня аванпост, завтра город. Мы постоянно отодвигаем границы. Когда кромвеллиан свергли, ты был еще ребенком, не так ли? Тогда не было никаких границ. Дальняя разведка была запрещена. Но теперь все по-другому.

Ветеран прикрыл рукой глаза от солнечного света. Тучи над головой начали рассеиваться, после того, как по небу пролетели самолеты Погодного Патруля, шаг за шагом меняющие климат научной магией так, чтобы он соответствовал требованиям цивилизации.

— Он улетает, — разочарованно заметил новичок.

На другой стороне поля Март Хэверс шел к самолету. Ветеран дернул головой, моргнул, затем бодро помахал рукой Хэверсу. Это был старый сигнал Погодного Патруля — «Все чисто».

— Конечно, он улетает, парень. У него встреча с женой в Рено.

— О, точно. Он ведь женат, да?

Возникла небольшая пауза.

— Да. Женат на девушке, которая в те дни была Лидером... Но это неважно... Все, он улетел! Март Хэверс — великий человек. Кажется, двадцать лет назад я сразу понял это, когда он вошел в мой кабинет.

— Вы знали его уже тогда?

— Я был его командиром, — ответил Андре Кельвин. — Возможно, поэтому я могу сейчас выбирать задания. Полковники обычно не занимаются полевой работой на границе, но я попросил назначения. Нам с Мартом нравятся рубежи... Вот и наш сигнал. Пора, парень. Надо разобраться с парой туч, прежде чем тут построят город.

Два человека в ярко-голубой форме повернулись к самолету. Облака уже почти исчезли, но на западе формировался новый пласт. Еще одно задание для Ликвидаторов Бурь, ударных войск цивилизации.

Двигатели начали изрыгать огонь, и самолет сорвался с места, оторвавшись от чужой поверхности, чтобы продолжать борьбу с мощными ветрами Венеры.

Lord of the storm, (Startling Stories, 1947 № 9), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим.

15¢

Thrilling Wonder Stories

DEC. 1947

THRILLING

AND

WONDER

STORIES

15¢
DEC.

WILLIAM
BACON

A THRILLING
PUBLICATION

The
POWER
AND THE
GLORY

An Amazing Novel
By HENRY
KUTTNER

ВЛАСТЬ И СЛАВА

ГЛАВА I. Превращение

ПРИНЕСЯ КОФЕЙНИК, бельгиец вышел из комнаты, хлопнув за собой дверь. Миллер встретил пристальный взгляд Слейда и пожал плечами.

— Значит, он сумасшедший, — сказал Миллер.

Слейд опустил уголки тонких губ.

— Возможно. Но у меня есть и другие источники информации. Я уверен, что где-то — а именно, на Высоте Семьсот — спрятано что-то ценное. И вы найдете это для меня. — На последнем слове его зубы аж щелкнули.

— Я? — неприятным тоном спросил Миллер.

— Вы подходите. В противном случае, если хотите, можете вернуться в Штаты, — в тоне его почувствовалась угроза.

— Понятно, — сказал Миллер. — А затем вы отправите парочку телеграмм... Хорошенькие снимки у вас получились. Убийство...

— Ну, — прервал его Слейд, — *это* случайно оказалось в кадре. К тому же, должен же я защищаться, если вам вздумается вернуться в Штаты и доказывать свою невиновность.

— Десять лет я делаю за вас грязную работу, — проворчал Миллер. — Теперь уже слишком поздно пытаться вас остановить. Но мы оба причастны к одному конкретному убийству, Слейд. Парень по имени Миллер десять лет назад был честным адвокатом. Мне даже жаль бедного молокососа.

Слейд отвернул от него свое твердое, непримиримое лицо.

— У человека с оружием всегда есть преимущество. На Высоте Семьсот спрятано самое сильное оружие в мире... по крайней мере, я так думаю. Что-то распространяет оттуда потрясающе мощное излучение. Я не ученый, но есть люди, работающие на меня. Если я сумею заполучить оружие с той Высоты, то смогу сам раздавать мандаты...

Миллер поглядел на него с любопытством. Он давно уже чувствовал силу Слейда и его мощные амбиции. Глава отчасти преступной и совершенно недобросовестной политической империи последнего десятилетия, Слейд становился слишком упрямым, протягивая руки на завоевание новых миров.

Сведения об источнике энергии на горе на Аляске звучали фантастически даже в Штатах, но, казалось, зачаровывали Слейда, ко-

торый мог позволить себе потворствовать своим прихотям. И мог позволить себе доверять Миллеру. В известной степени, Миллер был руками Слейда и знал об этом.

Они оба подняли глаза, когда в комнату вошел бельгиец с новой бутылкой виски. Ван Хорнанг был пьян и не скрывал этого. Он уставился на них из-под огромной меховой шапки, которую носил даже в закрытом помещении.

— *Мужчина должен быть вечно пьян от напитков, любви и боя...*
— пробормотал он, зацепившись ногой за стул. — Да, ладно, это теперь неважно. Пейте, господа!

Миллер глянул на Слейда, затем наклонился над столом.

— Так вот, насчет Семисотки, — сказал он. — Я бы хотел, чтобы вы...

Бельгиец хлопнул жирной ладонью по столу.

— Вы спрашиваете меня о Семисотке. Прекрасно! Тогда слушайте... Я не сказал бы вам это прежде... Я не хочу вашей смерти. Но сейчас я еще более пьян и, наверное, более мудр. Не имеет значения, живет человек или умирает. Двадцать лет я был ни жив ни мертв. Я ни о чем не думал, ничего не чувствовал, не жил, как человек. Я ел, пил и пытался все забыть. Если вы хотите пойти на Высоту, я покажу вам дорогу. Но, видите ли. Это все равно бесполезно.

Он выпил. Миллер и Слейд молча обменялись взглядами.

— Если вы пойдете, — сказал Ван Хорнанг, — то потеряете свою душу, как потерял ее я. Мы, видите ли, не доминирующая раса. Мы пытаемся добраться до вершин, но забываем, что там уже могут быть свои обитатели. Да, я покажу вам путь к Высоте, если вам так хочется. Но если вы останетесь живы, то вам больше уже не захочется ничего.

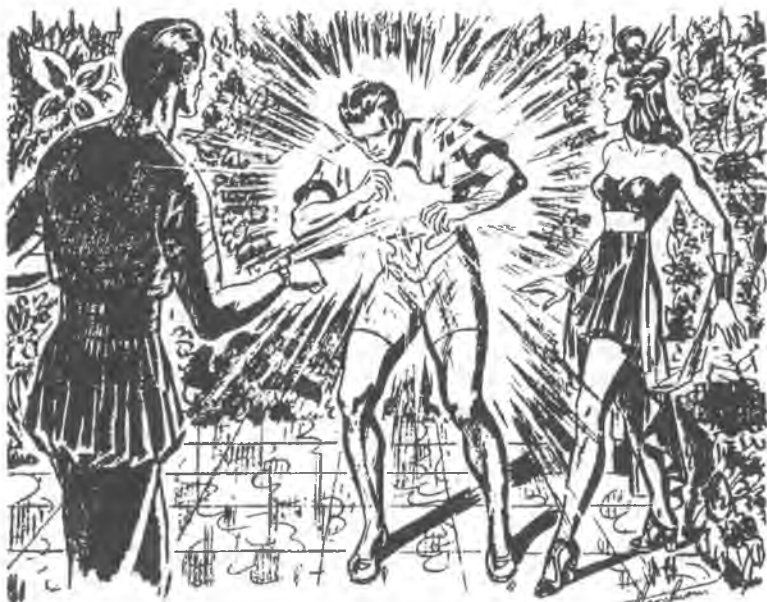
Миллер снова взглянул на Слейда, который сделал нетерпеливый жест рукой.

— Я все же рискну, — сказал Миллер бельгийцу. — Покажите мне дорогу.

* * *

В тусклых сумерках арктического полудня Миллер шел за своими проводниками иннуитами* по заснеженным предгорьям к Семисотке. Уже много дней они забирались все глубже и глубже в это сухое белое безмолвие, где снег заглушал все звуки. Проводники нервничали. Они знали, что арктические боги, анимистические,

* Иннуиты — наименование эскимосов, живущих на Аляске, в Гренландии и Канаде (прим. перев.)

A rush of white-hot fire seemed to burst in a blinding gush from Miller's wrist. CHAP. IV.

The Power and the Glory

By HENRY KUTTNER

*The earthly magic Miller sought in the strange fairyland
atop an Alaskan peak turned to nothingness in his hands,
but his journey brought him a treasure beyond imagining!*

настороженные, возмущаются и негодуют, когда кто-нибудь проникает в священную область Высоты Семисот. Узкие глаза восточных лиц, взирающих из-под меховых капюшонов, недоверчиво наблюдали за Миллером.

Он давно держал оружие наготове. Двое иннуитов уже покинули их. Еще двое остались, ненавидели его и продолжали идти лишь потому, что страх перед его оружием был сильнее, чем перед богами, обитающими на Семисотке.

Вершина впереди представляла собой голый утес. Не было никакого способа определить его размеры. Но иннуиты спешили вперед так, словно отчетливо видели ясный след. Миллер ускорил шаг, но в уме у него начала шевелиться какая-то неосознанная тревога.

Затем передовой эскимос внезапно упал на колени и принялся царапать снег. Миллер закричал и услышал, как его крик отражается

от окружающих скал. Но когда он догнал эскимосов, один обернулся через покрытое мехом плечо и улыбнулся мрачной улыбкой. Потом произнес на своем родном языке странное, сложное слово, одно из тех, что могут означать целое предложение.

— *Ариартокасуаромаротит-тог*, — сказал он. — Вы тоже слабеете, так что скоро уйдете.

В том, как он это произнес, была и угроза, и предостережение, и удовлетворение. Потом он похлопал меховой рукавицей по чему-то на снегу.

Миллер нагнулся посмотреть и увидел странную радужную дорожку, огибающую валун и скрывающуюся из глаз, и словно хрустальная поверхность ее отбрасывала красные и синие тени. Здесь, в белом безмолвии высоких пиков это выглядело ужасно красиво и странно. Миллер опустился на колени, протянул к ней руку в меховой рукавице и даже сквозь нее ощутил небольшое покалывание.

— *Erubescite!* — пробормотал он себе пол нос и усмехнулся.

Такое покалывание могло означать медь, возможно, золото. И жила была явно старая. Об этом говорил ее цвет. Не было ничего странного в находке жилы *erubescite* в горах — взаимопроницающие кубы на октаэдрической плоскости были довольно распространенным явлением в определенных областях, где велись горные разработки. Однако, странной была правильность этой штуки. И любопытное покалывание...

Это вообще походило на тропинку.

Иннуиты с надеждой наблюдали за ним. Осторожно ступая, Миллер прошел вперед и ступил на тропинку. Тропинка была неровной, на ней оказалось трудно сохранять равновесие. Он сделал два-три шага по переливающемуся фиолетовым наклону, а затем...

А затем он плавно поплыл вперед, сам по себе, но непреодолимо. В мышцах ног возникло странное ощущение. А гора осталась уже далеко внизу. Снежные склоны пиков, одетые в мех люди — все куда-то бесшумно проваливалось, в то время как изгибающаяся, переливчатая лента уходила вперед, в бесконечную даль.

Это сон! — была его первая мысль. Голова закружилась так, что он зашатался — но не смог упасть. Покалывание было не просто нервной реакцией, нечто словно проникало в ткани.

Превращение! — мелькнула в голове дикая мысль, и он ухватился за нее, как за спасительную соломинку.

Самодвижущаяся дорога, мысленно сказал он себе как можно спокойнее. *Я как-то прикреплен к ней. Превращение? Но почему я подумал о превращении? Я не могу шевельнуть ногами... они стали точно каменные, будто слились с дорогой. Превращение одного элемента в другой: свинца в золото, плоти в камень... Иннуиты*

знали об этом... Знали и не остановили меня... Далеко внизу он видел уменьшающиеся точки, которые становились все дальше и дальше, постепенно исчезая. Он беспомощно замахал руками и обнаружил, что даже руки становятся тяжелыми, словно странное атомарное превращение распространяется все выше и выше по его телу.

Бессильный, одинокий, на скользящей куда-то тропинке, он без сопротивления отдался этому плавному скольжению. Он был во власти чего-то более сильного, что действовало целеустремленно. Он мог лишь ждать... и чем дольше он ждал, тем труднее становилось думать. Возможно, изменение уже добралось до его мозга. Возможно...

А потом он лишь знал, что в течение бесконечно долгого периода он вообще ни о чем не думал...

ТОНКИЙ СМЕХ эхом отдался в его голове.

— Но мне надоело, Тси, — сказал чей-то голос. — Кроме того, ему же не очень больно. А если и больно, то какое это имеет значение?

Миллер плавал в темной пустоте. Что-то странное было в этом голосе, но что, он не мог ухватить. Он слышал, как ответила женщина, и ее интонации тоже были любопытно схожи с интонациями мужчины.

— Не надо, Бранн, — сказала она. — Ты можешь найти себе другие развлечения.

Снова раздался тоненький смешок.

— Но он еще новый. Это должно быть интересно.

— Бранн, оставь его в покое, пожалуйста.

— Молчи, Тси. Я здесь хозяин. Он уже проснулся?

Пауза.

— Еще нет. Немного погоди.

— Я могу и подождать, — вздохнул мужчина. — Все равно мне нужно сделать кое-какие приготовления. Пойдем, Тси.

Длинная-длинная пауза. Голоса смолкли.

Миллер все еще плавал в небытие. Он попытался шевельнуться, но не смог. Тело все еще было парализовано, но мозг свободен и работал с ясностью, удивившей его самого. Это было почти так, словно странное превращение изменило его мозговую структуру на что-то иное, чудесное.

Трансмутация, подумал он. Свинец в золото, плоть в камень... Так я подумал перед тем... перед тем, как вообще прекратил думать. Когда происходит подобная трансмутация, это значит, что ядерные заряды в атомах одного или другого вещества тоже

должны измениться. Покалывание, когда я коснулся тропинки... тогда это и произошло?

Он прервал размышления, понимая, что ответа на это не будет. Потому что может ли почувствовать человек, как плоть в его теле заменяется кристаллической структурой?

Если бы такое произошло, то это должны быть силы, не менее слабые, чем кулоновские, которые просто приварили бы его к самодвижущейся тропинке... почти неодолимые силы, которые удерживают электроны на орбитах и сковывают сущность в единое целое.

И что теперь?

Есть два способа трансмутации, сказал он себе четко, лежа в темноте и пытаясь нащупать ответы на то, что с ним происходит.

Рационализируй, казалось, ответил его разум, или ты сойдешь с ума от полной неопределенности. Обоснуй из того, что тебе известно. Химический элемент характеризуется числом электронов вокруг ядра. Изменив их, вы меняете и сам элемент. Но ядро, в свою очередь, определяет свой заряд числом электронов, которыми может управлять. Если ядерный заряд изменен, то это... это кристаллическое состояние... становится постоянным. Если же нет, то это должно означать, что продолжается постоянная бомбардировка, которая уносит или, напротив, добавляет электроны к атомам на этой тропе. Изменение не было бы постоянным, потому что исходный заряд ядра оставался бы прежним. Спустя какое-то время лишние электроны будут отброшены – или другие получены, – чтобы восстановить баланс. И тогда я снова стану нормальным. Так и должно быть, – сказал он себе, – потому что Ван Хорнанг прошел этой дорогой. И вернулся нормальным. А нормален ли он?

Вопрос безответным эхом отозвался в его голове. Еще секунду Миллер полежал неподвижно, затем попытался овладеть своим инертным телом. И на этот раз, чуть-чуть, но он почувствовал, как мышцы шевельнулись...

Казалось, прошло ужасно много времени, прежде чем он обнаружил, что может открыть глаза. И он осторожно осмотрелся.

ГЛАВА II. Тси

ОН БЫЛ НЕ один. Он лежал на чем-то жестком и плоском. Хрустальный купол изгибался наверху, не очень высоко, но так, что казалось, будто лежит он в каком-то хрустальном ящике... В гробу, мрачно подумал он и сел, очень осторожно, словно сам был хру-

стальной. Мышцы казались жесткими, словно сущность переливающейся тропы все еще проникала в его тело.

Купол, казалось, обладал странными свойствами, потому что все, что через него виднелось, было искажено каким-то странным образом так, что болели глаза, если он попытался взглянуть в то, что лежало за пределами гроба.

Миллер увидел столбики золотых деревьев, листья которых шевелились и блестели в постоянно изменяющихся призмах света. Что-то, похожее на туман, медленно вилось среди этих невероятно цветастых деревьев. Цвет же самого тумана было невозможно определить сквозь купол. Никто никогда еще не видел такого оттенка, а потому у него не было названия.

Плита, на которой он лежал, была такой же переливающейся фиолетовой, как и тропа. Если это тропа перенесла его сюда, то он не понимал, почему его оставили лежать в хрустальном гробу. Но все же очевидно, это был конец движущейся тропинки, и так же очевидно, что силы, сковавшие его неподвижно, теперь исчезли.

Нестабильные атомы держались только благодаря этой силе, и когда силы не стало, они вернулись к исходному состоянию. Миллер снова был свободен, но был одеревенелый, чувствовал головокружение и не был уверен, не приснились ли ему человеческие голоса. А если приснились, то это был кошмар. Он содрогнулся, вспомнив тонкий, бесчеловечный смешок и обещание чего-то ужасного.

Миллер встал, очень осторожно, озираясь. Теперь почти исчезли искажения за хрустальной стенкой. Гроб стоял в роще золотых деревьев, и, за исключением тумана и мерцающих листьев, ничего не шевелилось. Он осторожно протянул руку, чтобы потрогать хрустальную стенку.

И рука прошла через нее. Раздались звуки, точно высокие музыкальные ноты, невыразимо сладостные, и хрустальный гроб внезапно рассыпался на блестящие кусочки, которые упали на землю со звуком дождя. Красота на мгновение стала почти что болезненной. Он никогда прежде не слышал такой музыки. *Она же красивее, чем человеку вообще позволено услышать*, смущенно подумал он. *Есть чувства настолько стремительные, что могут повредить человеческие нервы.*

Он стоял, больше не защищенный куполом, оглянул деревья и туман, и понял, что купол был вообще ни при чем. Эти невероятные цвета и оттенки вовсе не были искажениями в хрустале — они были реальны. Он сделал осторожный шаг, трава под ногами была такой мягкой, что даже через подошвы обуви он чувствовал ее нежность.

Самый воздух был изящно холодным и беззвучным, как воздух летнего рассвета, почти что невесомый в своей прозрачности. Отсветы шевелящихся листьев были так прекрасны, что он отвел взгляд, не в силах более любоваться ими.

Все это казалось галлюцинацией. *Наверное, я по-прежнему лежу где-нибудь там, в снегу*, подумал Миллер. *Вот именно, галлюцинация. Мне все это лишь кажется.* Но если это галлюцинация или сон, то Ван Хорнанг тоже прошел через это, а люди не видят одинаковых снов. Бельгиец предупреждал его.

Миллер нетерпеливо дернул плечами. Даже видя все это собственными глазами, он все еще не мог заставить себя поверить в историю Ван Хорнанга. Во сне можно было увидеть ландшафты, которые никогда не видел наяву, а невыразимо мягкая трава под ногами могла на деле быть снежной коркой, как и горы, которые он видел среди деревьев, могли в действительности быть лишь голыми скалами Высоты Семисот. Миллер с тревогой подумал, что может в действительности лежать где-то в снегу, спать, и должен проснуться, если не хочет замерзнуть насмерть.

Внезапно в воздухе пронесся высокий, тонкий смех. Вопреки своим рассуждениям, Миллер почувствовал, как екнуло сердце, и резко обернулся на звук, чувствуя, как его сковывает холодный ужас. В этом смехе было нечто пугающее, как и в голосах до его пробуждения, нечто неуловимое, говорившее о бесконечном удовольствии издававших его.

От деревьев к нему направлялась небольшая группка мужчин и женщин. Миллер не знал, кто из них рассмеялся знакомым смехом. Они были в каких-то блестящих, разноцветных одеждах из тонкой материи, напоминающих тоги или сари. Цвета этих сари были просто невероятными.

Миллер замигал, пытаясь найти названия этих переливающихся оттенков, которые, казалось, объединяли известные цвета в совершенно незнакомые сочетания, выше и ниже видимого человеческого глазу спектра радуги.

— О, да он проснулся, — сказала одна из женщин.

Мужчина рассмеялся в ответ и сказал:

— Смотрите, какой он удивленный!

Все заулыбались и повернули к Миллеру радостные лица.

Он что-то сказал — даже не помнил, что, — и замолчал, почувствовав потрясение от резкой дисгармонии собственного голоса. Это было так, словно сквозь прекрасные, ритмичные арпеджио гармонии прошел уродливый диссонанс. Лица людей на мгновение застыли, словно они сконцентрировались на чем-то другом, чтобы

не слышать эти жуткие звуки. Затем женщина, на которую Миллер обратил внимание, подняла руку.

– Стойте, – сказала она. – Послушайте меня секунду. Нет никакой нужды *говорить вслух*.

В голосе ее послышалось легкое отвращение. В голосе? Нет, это не так. Никакой голос не может быть таким сладостно музыкальным, таким прекрасным и гармоничным.

Миллер смотрел на нее. Ее лицо было маленьким, бледным треугольником, прекрасным, волшебным и странным, с огромными фиалковыми глазами, а локоны массы волос, казалось, протекали друг сквозь друга. И каждый локон был иного пастельного оттенка, тускло-зеленого или бледно-аметистового, или желтоватого, как туманное утро. Но почему-то Миллер не чувствовал удивления. Эта причудливая прическа так соответствовала лицу женщины...

Он снова открыл было рот, но женщина – он был потрясен ею, хотя перед этим думал, что уже ничто не может потрясти его, – внезапно оказалась возле него, хотя еще долю секунды назад стояла шагах в десяти.

– Вам еще предстоит многому научиться, – сказала она. – Но для начала хотя бы не забывайте *не говорить*. В этом нет нужды. Просто оформите свои мысли. Это очень легко... Нет, закройте рот. Думайте. Думайте свой вопрос.

Губы ее слегка шевельнулись, но просто для выразительности. Ни одни голосовые связки не могли образовать такой неземной, сладостный и богатый голос с удивительными изменениями и нюансами. *Телепатия*, подумал Миллер. *Это должна быть телепатия*.

Все стояли, вопросительно глядя на него.

– Думайте мне, – тихонько сказала женщина, нет, не сказала, подумала. – Структурируйте мысль более тщательно. Понятия должны быть закруглены и завершены. Позже вы научитесь думать целыми абзацами, но пока что и не пытайтесь. А то я воспринимаю один лишь туман...

– Это телепатия? – подумал Миллер, тщательно повторяя в голове каждое слово.

– Все еще туманно, – ответила она. – Но немного яснее. Вы просто не привыкли к четкому мышлению. Да, это телепатия.

– Но как я могу... Где я вообще? Что это за место?

Она улыбнулась ему, а по группе прокатился смех.

– Еще медленнее. Помните, вы только что родились.

– Я... что?

Мысли, казалось, полетели, как маленькие яркие насекомые, задевая края его сознания. Полунасмешливая, дружественная мысль одного мужчины, беглый комментарий другого.

Бранн, подумал Миллер, вспомнив. Как насчет Бранна. Где он?

Повисла мертвая тишина. Никогда он не слышал такой тишины. Это была тишина мысленная, не физическая. Но он почувствовал связь сверхчувствительную, быструю и членораздельную между этими людьми. Потом женщина с радужными волосами резко схватила его за руку, в то время как остальные поплыли прочь, через призенные листья к золотым деревьям.

Женщина осторожно потянула его под звенящую листву, где плавал разноцветный туман. Откинув свободной рукой перед их лицами фиолетовую вуаль, она сказала:

– Мы не упоминаем Бранна, если можем избежать этого. Иногда произнести его имя – значит призвать его. А Бранн сегодня в опасном настроении.

Миллер взглянул на нее хмурым, сосредоточенным взглядом. Ему было о чем спросить. И на странном языке мыслей, которым он понемногу уже начал овладевать, Миллер сказал:

– Я ничего не понимаю. Но я уже слышал твой голос... Скорее, твой... – я не знаю, как вы это называете.

– Вы имеете в виду, мыслеречь? Да, вы научитесь распознавать мыслеголоса. Подражать слышимому голосу просто, но мыслеголосу подражать невозможно. Это часть человека. Так вы все же слышали мой мыслеголос прежде? А я думала, что вы спали.

– Вы – Тси.

– Да, – сказала она и словно отдернула зазвеневший хрустальный экран.

Перед ними словно возник низкий крепостной вал из света.. или воды. Метр в высоту, он вел себя, словно жидкость, но сиял, как свет. А за ним было голубое небо и чистый, головокружительно крутой спуск к лугам в сотне метров вниз. Все было почти ослепляюще ярким, каждая прекрасная деталь выглядела резкой и великолепной.

– Ничего не понимаю, – сказал Миллер. – Существуют легенды о живущих здесь людях, но не... не о таком. Это так чудесно. Кто вы? И что это за место?

Тси улыбнулась ему. Теплота и сострадание были в ее улыбке, когда она тихонько ответила:

– Это то, что ваша раса когда-то имела и потеряла. Мы древний народ, но мы сохранили...

Она резко замолчала, глаза ее внезапно наполнились ужасом.

– Тише! – сказала она, и в мысленной ее команде была такая волна темноты и тишины, что, казалось, накрыла его разум.

Без всякой причины сердце вдруг заколотилось от нервного страха. Секунду они стояли так неподвижно, заблокировав даже

мысли, что было больше, чем просто отсутствие звуков – это было отсутствие мыслей. И в этой тишине Миллер уловил слабое эхо того тонкого смешка, который уже слышал прежде, и этот смешок пронизывало холодное, беспощадное веселье.

ЛИСТЬЯ МУЗЫКАЛЬНО шелестели вокруг. Где-то птицы выводили сладостную, почти болезненную мелодию. Затем разум Тси ослабил свою хватку разума Миллера, и она тихонько вздохнула.

– Теперь все в порядке. На секунду мне показалось, что Бранн... Но нет, он снова ушел.

– Кто такой Бранн? – спросил Миллер.

– Лорд этого замка. Очень, очень странное создание и очень ужасное, когда мешают его прихотям. Бранн... его ничего не волнует. Он живет только для удовольствий. И потому что он жил так долго и испытал столько удовольствий, то, что ему нравится теперь, не очень-то приятно для любого, кроме самого Бранна. Видите ли, какие-то изменения произошли в нем еще до рождения. Он не совсем нашего вида...

– Он из внешнего мира? Он человек?

И уже сказав это, Миллер вдруг понял, что стоящая перед ним женщина сама не является человеком.

Но Тси покачала головой.

– О, нет. Он родился здесь. Он нашего племени. Но не совсем похож на нас. Немного выше в одних отношениях, немного ниже в других. Ваша раса... – в ее мыслеголосе промелькнула слабое отвращение и жалость, но она тут же подавила их и продолжала: – Вы не сможете понять. Даже не пробуйте. Вы же понимаете, что претерпели некоторые изменения, когда попали сюда. Сейчас вы не совсем такой, каким были раньше. Вы когда-нибудь прежде умели общаться телепатически?

– Нет, разумеется, нет, – ответил Миллер. – Но я не чувствую в себе никаких отличий. Я...

– Слепой от рождения не может ощущать свою слепоту, пока не прозреет. Вы находитесь в невыгодном положении. Я думаю, что лучше всего вам было бы уйти. Посмотрите на эту долину.

Она махнула рукой вперед. Далеко, за лугами, поднимались холмы – зеленые, облитые солнечным светом. На вершине самого высокого из них Миллер уловил отблеск от какого-то высокого, ромбовидного строения.

– У моей сестры там дворец, – сказала Тси. – Я думаю, Орель приняла бы вас, только бы досадить Бранну. А здесь вы не в безопасности. Вам не повезло, что вы попали к нам именно через проход, находящийся у замка Бранна.

– Значит, были и другие? – спросил Миллер. – А человек по имени Ван Хорнанг... Он появлялся здесь?

ОНА ПОМОТАЛА головой, и волосы разметались, радугой отражая солнечный свет.

– Не здесь. На нашей земле много замков, и многие живут там в мире и согласии. Но только не Бранн.

– Тогда почему вы здесь? – прямо спросил Миллер.

Она улыбнулась несчастной улыбкой.

– Большинство из нас приехало сюда, потому что мы такие же, как и Бранн... нас больше ничего не заботит. Мы хотим лишь развлекаться и получать удовольствия, за тысячи лет мы устали от всего другого. Все, кроме меня.

– Тысячи лет... Что вы имеете в виду? И тогда почему вы здесь?

Уголки ее губ чуть приподнялись в жалком подобии улыбки.

– Ну, наверное, тоже была изменена еще до рождения. Я не могу покинуть Бранна сейчас. Я нужна ему. Но для вас это не имеет значения. Бранн опасен... Его душа подстрекает его на... на эксперименты, для завершения которых нужны вы. Но нам не стоит говорить об этом.

– Я попал сюда с определенной целью, – сказал Миллер.

– Знаю. Я прочитала часть ваших мыслей, пока вы лежали и спали. Вы ищите сокровища. У нас они есть. Или, скорее, мне следовало сказать, что они есть у Орель.

Ее фиалковые глаза потемнели. Она заколебалась.

– Наверное, я отправляю вас к Орель в ваших же интересах, – сказала она, наконец. – Но и вы можете оказать мне там услугу. Сокровище, которое вы ищите – оно также нужно и мне. Вы думаете о нем, как об источнике энергии. Для меня это – проход в нечто лучшее, чем знает любой из нас... Давным-давно его сделал наш отец. Теперь оно у Орель, хотя, по справедливости, мы с ней вдвоем должны им пользоваться. Если вы найдете способ заполучить то сокровище, друг мой, то принесете его мне?

Давно сформировавшийся образ мышления заставил Миллера спросить:

– А если нет?

Она улыбнулась.

– А если нет, рано или поздно вы все равно окажетесь у Бранна. А если я заполучу его, то, думаю, сумею управлять Бранном. А если вы не дадите мне его... ну, вы первым и пострадаете. Но мне кажется, вы дадите. Вы уговорите Орель, если сумеете. А теперь... Ну, я заключила с Бранном сделку. Так что не спрашивайте меня о том, что можете узнать позже. Пойдите к Орель, ловите свой шанс

и будьте осторожны. Если вы открыто попросите сокровище, то никогда не сможете добраться до него. Лучше не говорить о нем, а ждать и ловить момент. Никто не сможет прочесть ваши мысли, если вы не захотите, теперь, когда вы обучаетесь телепатии, но будьте бдительны, чтобы никто не пробрался к вам в голову, чтобы потом предупредить ее.

– Вы хотите, чтобы я воспользовался гостеприимством вашей сестры, а потом ограбил ее? – спросил Миллер.

Личико Тси сделалось огорченным.

– О, нет! Я прошу лишь то, что является моим по праву, и только лишь для того, чтобы справиться с Бранном. Потом вы можете вернуть сокровище Орель, или заключить с ней какую другую сделку. Всего пять минут оно пробудет в моих руках – вот о чем я прошу! А теперь я кое-что сделаю для вашего же блага. Протяните руку.

Глядя ей в глаза, Миллер повиновался. Она раскрыла кулачок, на ладони у нее оказались его же наручные часы. Улыбаясь, она застегнула ремешок на его запястье.

– Это не совсем то, что было. Я изменила их. Если я понадобится вам, сконцентрируйтесь на них и мысленно заговорите со мной. Я услышу.

В голове Миллера вертелись тысячи вопросов. Он глубоко вздохнул и принялся формулировать их в голове. Но тут Тси исчезла! А также исчезла земля у него под ногами, и он стал падать, вращаясь, в золотую пустоту. Под ним повисла водяная стена. Он летел со стометровой скалы прямо в поток в нижней части утеса!

Его охватила было паника, но тут же послышалась мыслеречь Тси.

– Вы в безопасности. Это телепортация.

Миллер едва расслышал ее. От древнего инстинктивного страха внутри у него все заledenело. Миллионы лет люди боялись падений. И сейчас он не смог справиться со своим страхом.

Однако падение начало замедляться. Опускаясь все ниже, он уже потерял из виду Тси, золотые деревья и водную стену.

Под ним все шире становился потоп.

Он опускался под углом к нему – и, наконец, почувствовал под ногами твердую почву.

Стояла тишина, не считая тихого шепота воды.

ГЛАВА III. Мир, которого не может быть

МИЛЛЕР СЕЛ на камень и обхватил руками голову. Мысли его уплывали. Холодный, свежий ветерок обдувал ему щеки, и Миллер

поднял голову, чтобы наслаждаться им. Казалось, он просыпался после долгого сна. Он начал понимать, что был в полусонном состоянии во время беседы с Тси, словно туман дремоты все еще сковывал его мысли. Иначе он вряд ли бы согласился на эту удивительную авантюру.

Или была другая причина?

Он почувствовал отчаянное желание снова увидеть Тси. Она может ответить на все его вопросы, если захочет. И она была первой, кто дружелюбно отнесся к нему в этой ужасно чужой стране. Он поднял взгляд и захотел встать.

Но не смог. *Мои ноги не слушаются меня*, подумал Миллер с диким, бешеным весельем. *Неужели мои ноги вросли в скалу?*

А затем сверху донесся высокий, тонкий смех, который был слышен не ушами... Бранн!

Еще до того, как раздалась мыслеречь, в его голову вползла и принялась распространяться знакомым излучением злонамеренная, медлительная мысль. Что-то такое же узнаваемое, как звук или цвет, — или даже больше! — упало с утеса и вползло холодом в голову Миллера. А потом он услышал мыслеречь.

— Лучше вам не ходить.

Миллер стоял, неподвижно ожидая. Инстинктивно он чуть наклонился, точно борец. Но обычные меры предосторожности были явно бесполезны против этого супера!..

Тогда он попытался закрыть свой ум.

— Ладно, отправляйся к Орель, — донеслась до него мыслеречь. — Я заключил сделку с Тси и не нарушу ее. Но она дура. Она вечно пытается отгородиться от неприятных вещей. Она никогда не признает, что мы находимся в состоянии войны с ее сестрой. Пока она, правда, не называет это *войной*, она считает это чем-то иным. — Снова тонкий смешок. — Иди к Орель, — повторил Бранн. — Я слишком легко побеждаю. Может, они сумеют использовать другого бойца. Тогда они смогут дать мне настоящий бой. Хотя, если бы я выбирал, то мог бы раздавить вас, обрушив на вас силой мысли всю тяжесть воздуха, что не оставила бы и мокрого места! Но Орель может решить использовать вас. Я ничего не могу, кроме как подвергнуть вас кое-каким экспериментам. — В тоне мыслеречи проскользнула пренебрежение. — Слишком простая победа — это вообще не победа. Так что идите.

В Миллере стало подниматься возмущение от этого пренебрежительного превосходства. Разумеется, Бранн был совершенно прав, однако никому не понравится, что с ним так уж совсем не считаются. Собрав все свои силы, Миллер пожелал подняться и взмыть

вверх так же легко, как только что плыл вниз... и ему даже показалось, что его ноги потеряли контакт с землей.

Но тут, словно громадный валун, на него навалилась какая-то тяжесть, сокрушила и стала гнуть к земле. Мгновение продолжалось ужасное, невыносимое противостояние, вены вздулись на лбу Миллера, он услышал свое хриплое, сдавленное дыхание.

Затем он упал на колени, распростерся на земле и перевернулся на спину, подавленный, беспомощный, придавленный к камням падением самого воздуха. Ревущий поток ветра гремел вниз, вырывая в ущелье реденькие кусты, от чего начались маленькие пока что оползни, по мере того, как воздушная река обретала ураганную силу.

Бранн снова вяло рассмеялся и, очевидно, потерял интерес. Давление исчезло. Потный, тяжело дыша, Миллер с трудом поднялся на ноги. Он уже не пробовал телепортацию. Мгновение он смотрел на край утеса, затем повернулся и пошел по ущелью в направлении дворца Орель. Губы его были плотно сжаты, глаза сердито сверкали.

Итак, Бранн побеждает слишком уж легко. Но... Возможно, с этим можно что-нибудь сделать!

Вдалеке, за мерцающей долиной, зеленый склон поднимался высоко в небеса. А ромбовидное сияние, бывшее замком, куда он должен добраться, росло по мере того, как он шел... с ненормальной быстротой становясь все громаднее. Миллер глянул под ноги и удивился, увидев, что, судя по гальке и цветам, он делает все более и более гигантские шаги.

Семимильные шаги, подумал он, шагая подобно гиганту по мягкой траве. Земля под ногами проносилась со сказочной стремительностью. Ромбовидный блеск дворца Орель уже разделился на сотни более мелких осколков, и Миллер увидел стены из бледного стекла, возвышающиеся на фантастическую высоту одетой в зелень горы. Стекланный дворец... или ледяной.

Лед, внезапно подумал Миллер. *Лед, снег и скалы. Больше ничего здесь и нет. Все остальное – сон, видение, галлюцинации. Такого мира здесь нет и не может быть.*

Затем что-то в его голове шевельнулось и принялось спорить.

Почему же не может быть? Разве нам известны пределы возможностей? Все, что мы знаем, состоит из нескольких простых, стандартных кубиков Вселенной – нейтронов, протонов и электронов. А сколько их может быть еще, таких, каких мы и почувствовать не можем... если только не возникнет трансмутация и структура ядерных схем человека не изменится настолько, что ему будет позволено увидеть... В конце концов, ты здесь не первый.

Был еще Ван Хорнанг и кто знает сколько до него. Был Тангейзер в волшебном гроте Венеры... был Томас Раймер в волшебной стране. Да сам Рай похож на искаженный рассказ о подобной земле. Легенды все помнят. Ни в каком ты не в новом мире. Ты всего лишь исследуешь очень древний и...

Внезапно, без всякого предупреждения, мир под его ногами уменьшился, и логическое течение мыслей прервалось. Небо было теперь под ним, а вокруг головокружительно вертелся яркий мир. Но что-то более мощное, чем тяготение, стиснуло его так, что головокружение тут же исчезло. Его покачивала в колыбели зеленая прозрачность. Мелькнуло ощущение безумной скорости, а затем...

Стеклянные стены, сверкая, проносившиеся мимо, плавно затормозили. Под ногами возник твердый, горизонтальный пол. Миллер стоял в небольшой комнатке, стены которой были усеяны какими-то линзами, взирающими на него сверху вниз, точно выпученные глазные яблоки. Черные механические зрачки двинулись следом за ним, когда он направился к ближайшей стене. На мгновение Миллер почувствовал себя вскрытым и разложенным на предметном стеклышке микроскопа.

Затем раздалась телепатическая мыслеречь.

— Тебя послал Бранн.

Миллер дико огляделся. Он был один.

— Нет! — почти машинально сказал он вслух, так что воздух задрожал от резких звуков его голоса.

Он сам не знал, почему так резко откестился от Бранна. Но ведь Бранн говорил о войне...

— Не лги, — холодно сказал голос. — Я вижу на тебе пыль Бранна. Ты думаешь, что мы не можем идентифицировать такую простую вещь, как пыль с конкретной горы? Она потоком исходит от тебя, как фиолетовый свет от флуоресцентных ламп. Ты пришел от Бранна. Ты что, шпион?

— Меня отправила Тси, — сказал Миллер. — Отведите меня к Орель.

— Так я и есть Орель, — без всяких эмоций ответил мыслеголос. — Сестра любит меня... Но Тси не та женщина, которой стоит доверять. Никому не стоит доверять на горе Бранна, иначе он не был бы Бранном. Тси отвергает существование всего, что считает неприятным. Чего тебе здесь нужно?

Миллер заколебался, глядя на разбросанные по стенам, безразличные, но все видящие механические глаза. Силы, хотел сказать он. Дайте мне источник энергии, и я уйду. Но он молчал, помня о предупреждении Тси.

Он совсем уж не знал, на что может тут полагаться, но включилась его вторая натура — привычка держать мысли при себе, пока он не будет уверен. Орель не сможет прочесть его мысли. Тси призналась, что это станет невозможным, как только он начнет осваивать телепатическое общение. Так что Миллер был в достаточной безопасности, пока давал правдивые ответы.

— Я пришел извне, — нерешительно сказал он, думая, что колебания и неопределенность ответов могут быть его лучшей защитой, пока он не узнает побольше об этом месте.

Нужно преувеличивать их, показывать замешательство и растерянность еще больше, чем они были на самом деле.

— Я... Тси сказала, что вы поможете мне освоиться здесь.

Секунду стояла тишина, затем мыслеголос произнес:

— Я думаю, что ты лжешь. Однако... согласен ли ты, чтобы мы обыскали тебя? Лишь после того, как ты докажешь, что безоружен, мы можем позволить тебе оставаться здесь.

Что он мог ответить, кроме согласия. На мгновение мелькнули в памяти часы, которые Тси пристегнула к его запястью. Но ведь это лишь средство связи — сказала она, и, разумеется, она знала, что наверняка будет проведен обычный обыск. Тси бы не стала снабжать его тем, что выдаст при первом же осмотре. Или стала бы?.. То, что он слышал о Тси, слабо укрепляло его уверенность. Но все же...

— Обыскивайте, если вам так хочется, — ответил Миллер.

И в комнате тут же стало темно. Замигав от неожиданной слепоты, Миллер почувствовал головокружение, словно куда-то летел, хотя явно стоял на твердом полу. Воздух пронзительно зашвистел вокруг, Миллеру показалось, что у его ног разверзлась пропасть и засасывает его вниз, по сокрушительной спирали тьмы...

Из темноты он внезапно попал в холод, синий свет ударил его, точно ледяная вода, проникая в каждую клеточку тела. Глядя вниз, Миллер с ошеломлением увидел, как его собственная кровь струится красными ручьями по прозрачным венам, как кости выделяются снежной чистотой на фоне окружавших из мышц, то и дело сокращавшихся.

Свет опять погас. Темнота перестала вращаться. Затем он почувствовал на секунду неопишемое смещение во всем теле, какие-то ужасные изменения. В этот момент он был опять *изменен*.

Атомы вернулись к своей привычной матрице. Нестабильный изотоп куда-то исчез, и тело его снова стало нормальным, человеческим.

Это было отвратительное чувство. До этого момента Миллер не понимал, насколько был изменившимся, но открывшиеся было новые горизонты вновь сомкнулись, возвращая все на круги своя. Это

походило на глухоту и слепоту, внезапно поразившую обычного человека. Даже хуже. Это была как сама смерть, наложившая свой отпечаток на еще живые ткани. Миллер задержал дыхание и закрыл глаза.

И снова почувствовал сдвиг, когда странные изотопы вновь появились в нем. Изменение коснулось невероятного, несметного количества ядер, формировавших его. И он снова был цел.

Опять закружился и заревел в темноте вихрь. Затем темнота резко поднялась, как занавес, и он оказался стоящим у гряды плотных белых цветов под изогнутым стеклянным сводом. Пол тоже был скрыт яркими цветами, упруго отзывавшимися под ногами. Цветочные грядки вокруг могли быть настоящей землей и настоящими цветами, или искусной имитацией. Потому что одновременно это был и диван.

А на диване возлежала Орель и улыбалась ему. Миллер сразу понял, что это Орель. Понял, хотя и не смог бы объяснить, как. Может, по телепатическому отпечатку ее мыслеречи, так же, как обычного человека можно узнать по голосу. Она была прекрасна, как и все в этом мире казалось прекрасным.

Миллер заметил в ней некое сходство с Тси, но одета она была не с той вызывающей роскошью, как ее сестра. Орель была очень стройна, и прекрасное тело ее было вложено в ножны чего-то плотного, как яркий атлас, покрывавший ее до самых запястий и лодыжек, и стекающего длинными ровными складками по цветам, на которых она лежала. Она лениво сорвала цветок и стала рассеянно вертеть его в пальцах.

— Ну, что ж, добро пожаловать, — почти нехотя сказала она, глядя на Миллера с несколько кривой улыбкой. — Оружия мы не нашли, хотя обыскали тебя вплоть до протонной структуры. Но, по правде говоря, у нас все равно нет причин тебе доверять. Однако, у Тси, должно быть, была причина отправить тебя сюда, и я думаю, что нам лучше будет узнать о ней из первых рук, чем ожидать с ее стороны чего-нибудь более утонченного. Поверь, что мы за тобой наблюдаем, друг мой. И будь осторожен, когда что-либо сделаешь.

— Вряд ли я что-нибудь сделаю, — сдавленным голосом ответил Миллер. — Судя по тому, что я видел здесь, я совершенно беспомощен. У тебя ведь такие же возможности, как и у Тси. Сколько уже ты живешь здесь? И что...

Орель пожала плечами.

— Мы не любим спешить. Разумеется, у нас есть все время, какое нам нужно. А у вашей расы нет — даже здесь. Я вижу твое любопытство. И удовлетворю его. Да, у всех здесь есть одни и те же

способности, хотя, естественно, у одних они более развиты, чем у других. Это и телепатия и... некоторое другое.

— Врожденные способности вашей расы? Но как насчет меня? Я же не отношусь к вашему виду.

— Миллионы лет назад у нас были одни предки, — медленно говорила она. — Но с тех пор твой народ отстал и деградировал. Потребовались целые эры, чтобы Атлантида и Му стали великими цивилизациями, и еще больше эр понадобится, чтобы твоя раса вернула то, что утратила. Только здесь, на этой секретной горе, мы сохранили мощь древних цивилизаций.

— Что же произошло? — спросил Миллер.

— Что и всегда. Люди обрели оружие, которым не готовы были владеть. В те времена — попытайся это понять, — сама атомная структура мира была иной. Улавливаешь? Атомы могут меняться...

— Это я знаю, — мрачно сказал ей Миллер. — Если изменяются электроны или ядро, меняется и структура.

— Вот именно это и произошло, — продолжала она. — Вся земля теперь тускла и мертва. Только здесь остался еще древний тип вещества. Он испускает особого вида излучение, которое позволяет нам родиться и жить. В Атлантиде проводили эксперименты с ядерными структурами и трансмутациями.

— У нас уже есть ядерная энергия, — сказал Миллер.

— Это начало всего. Вы еще только начинаете. Пройдет много, много времени, прежде чем вы достигнете того, на чем остановилась Атлантида. Сначала вы должны изменить самую структуру своего мира! Только тогда будете изменяться сами, вызванная излучением мутация изменит вас и даст вам силы и ощущение, которые вы утратили, когда тысячелетия назад мир был ввергнут в войну. Пламя самой материи окутало планету, и там, где оно прошло, изменилась структура вещества, и то, что было ярким и сияющим, стало тусклым и мертвым. Люди потеряли свои способности, с трудом завоеванные тысячелетиями. Но семена этих способностей остались скрытыми в ваших телах. Здесь, на горе, исчезнувшее может вновь воскреснуть, но ненадолго. Разумеется, оно нестабильно...

— Значит... я как и вы? — воскликнул Миллер. — Тси сказала мне это, но я не мог поверить. Я... Я что, вроде супермена?

— У каждого дара своя цена, — странным тоном сказала его собеседница. — Да, здесь есть красота, но есть также и ужас. Должно быть, ты заметил, что видишь все более зоркими глазами — глазами разума.

— Да, — кивнул Миллер. — Я это заметил. Все вокруг словно сияет.

— Было бы хорошо, если бы ты помнил свой собственный мир, — после небольшой паузы сказала Орель, и глаза ее стали встре-

воженными. — Изменилось строение атомов твоего тела, но такое изменение может произойти только раз.

Внезапно какой-то человек вышел прямо из гладкой стены, которая растаяла перед ним и появилась вновь за его спиной. Выглядел он не старше, чем Орель, улыбающийся, мускулистый, мужчина с разноцветными волосами, гладко зачесанными у него на голове. Но глаза у него были старые, серые и затуманенные бесчисленными веками.

ГЛАВА IV. Бомба

— **ОРЕЛЬ... — НАЧАЛ** было он, затем затуманенные вечностью глаза увидели Миллера, и в них возникло, казалось, какое-то изумленное узнавание. — Этот человек, — неопределенно протянул он. — Я должен знать его, Орель? Он уже был здесь прежде или... — Но тут туман в его глазах растаял, человек больше не выглядел старым, а стал решительным и уверенным в себе. — Я знаю его! — четко произнес он. — Его лицо было в Бассейне Времени. Оно означало опасность. Но вероятность была такой ничтожной, что я пренебрег ей. Я просто не поверил.

— Что за опасность? — Орель подалась вперед, ее атласные юбки с нежным шелестом скользнули по цветочному дивану, на котором она лежала.

Мужчина покачал головой.

— Ты же видела Бассейн Времени, дитя мое. Там столько ответов будущего... кто может сказать, в каком именно мелькнуло лицо этого человека? Но опасность была. Это я помню.

Они одновременно повернулись и поглядели на Миллера мудрыми, внимательными и задумчивыми глазами, удивительно похожими на двух разных лиц. Он понял, что они должны быть близкими родственниками, а также родственниками Тси, которой оба не доверяли.

— Если вы можете читать будущее, — быстро сказал Миллер, — то должны знать, что я не нарушу своих обещаний... А я клянусь вам обоим, что не хочу никому навредить.

Мужчина сделал нетерпеливый жест рукой.

— Будущее никогда настолько не ясно. Для времени нет понятия «должно», а есть лишь «возможно».

— Его отправила Тси, — сказала Орель. — Должно быть, у нее были на это свои причины.

— Она отправила меня из-за Бранна, — заявил Миллер, и оба кивнули.

— Ну, иногда она прилагает чуток усилий, чтобы спасти одну из жертв Бранна, — сказала Орель. — А иногда, я думаю, она помогает ему в его — назовем это экспериментами — над его пленниками. Она хочет, чтобы мы думали, что ею движут лишь ее прихоти. Но мы-то знаем, ради чего она все это делает. Мы с Ллези знаем. — И она мрачно улыбнулась стоящему рядом с ней мужчине.

— Она хочет Силу, — сказал человек, которого звали Ллези.

Я тоже, подумал про себя Миллер, но вслух лишь сказал:

— Силу? — таким тоном, словно речь шла о чем-то невинном.

Ллези кивнул, его глаза глядели на Миллера так, словно он пристально вглядывался через туман бесчисленных лет.

— Игрушку, которую мы с братом когда-то сделали, и которая стала не просто игрушкой еще до того, как мы закончили. Теперь Тси требует долю сокровищ ее отца. Они обе — дочери моего брата, но иногда мне кажется, что в венах Тси течет не моя кровь.

— Нет, Ллези, она просто слаба, — возразила Орель. — Если бы Бранн всецело не завладел ею...

— Она была бы этому только рада. И мы знаем, что дать ей то, что она требует, означает отдать это прямо в руки Бранна. И настал бы конец нашему замку и всем, кто живет здесь.

— Кто же такой этот Бранн? — нетерпеливо перебил их Миллер. — Я столько слышал о нем, даже разговаривал с ним, но никогда не видел его. На кого он похож?

Орель покачала головой. Маленькие колокольчики, которые она носила в ушах, зазвенели при этом движении, и даже эти тоненькие звуки были прекрасны для все обостряющихся чувств Миллера.

— Никто не видел его, кроме Тси, — сказала Орель. — Никто, кроме нее самой, не может сказать вам, кто он такой. Он принимает своих друзей лишь в темноте, или скрываясь за занавеской. С тех пор, как несколько веков назад он построил свой замок, он хранит свой секрет — в чем бы тот ни заключался. Я бы хотел увидеть его мертвым. — Орель говорила это без страсти, совершенно спокойным голосом. — Бранн — истинное зло, возможно, даже Чистое Зло в его окончательной форме. Он очень мудр и очень силен. Я не знаю, почему он выбрал нас в качестве своих врагов, знаю только, что мы должны бороться или погибнуть.

Миллер внезапно решил.

— Когда я покидал его замок, — сказал он, — Бранн разговаривал со мной из-за стены. Он сказал, что эту борьбу он выигрывает слишком легко. Он велел мне идти к вам в качестве нового бойца, чтобы сделать схватку более интересной.

Орель быстро подалась вперед на своем ложе из цветов, ее сережки музыкально зазвенели.

— Он так сказал? Знаешь ли, я бы предположила противоположное. Я бы сказала, что Тси отправила тебя сюда, зная, что Бранн будет жаждать заполучить тебя для своих экспериментов, и что если ты будешь здесь, он удвоит усилия завоевать нас и утащить тебя обратно к себе. Она хотела воспользоваться интересом Бранна к тебе, чтобы еще больше восстановить его против нас. Потому что она сделает все, что угодно, лишь бы получить Силу.

— Она могла бы отправить сюда агента, — задумчиво прервал ее Ллези, — вооруженного каким-нибудь секретным оружием, созданным Бранном... что-то, что могло бы ускользнуть даже от нашего обыска. Вспомни, Орель, я уже видел этого человека в Бассейне Времени... лицо этого человека и опасность!

— Я уже дал вам слово, что пришел не за тем, чтобы навредить вам, — сказал Миллер, понимая, что в словах Ллези может крыться и правда. — Однако, я хотел бы побольше узнать об этой Силе. Или Энергии... Если бы вы...

ОН НЕ ЗАКОНЧИЛ. В комнате внезапно раздался ужасный рев, и поток ослепительного, раскаленного добела пламени вырвался из его руки.

Когда он снова обрел способность видеть, то открывшееся перед ним зрелище было ошеломительным. Ллези стал падать там, где стоял, колени его подломились, лицо сделалось странно пустым, будто выпитым, и он был мертв еще до того, как ударился об пол. Его окутало странное мерцающее свечение, которое словно впитывалось в него, точно пожирающая тело кислота.

Орель вскочила на ноги и, спотыкаясь, пошла вперед, а ей навстречу выступили какие-то странные фигуры, плавившие при приближении разделяющее их стекло.

Ослепленный и оглушенный ревом, который на самом деле даже не был настоящим звуком, Миллер попытался отскочить назад, но не мог даже сдвинуться с места.

Ослепительно белое пламя все еще изливалось из его руки прямо на падающего Ллези. Рев все громче и громче звучал в комнате. Миллер почувствовал, как какая-то странная энергия полилась из Орель и остальных, гигантский беззвучный поток, который ударил по белому пламени и... задул его, точно свечу.

Белое пламя погасло. Но Ллези уже упал.

В комнату ворвалось с десятков мужчин и женщин в ярких радужных одеяниях. Двое мужчин рухнули на колени возле Ллези.

Орель развернулась к Миллеру. Из нее так и хлестал жаркий гнев, от огненной ярости которого дрогнул разум Миллера. А сквозь эту алую ярость уже пробивались черные струи — мысли и намерения

смерти, холодная чернота, особенно ужасная на фоне багрового гнева.

– Орель! – в отчаянии закричал Миллер. – Это сделал не я... Это какое-то!..

Он не успел договорить даже телепатически. Он не видел уже ничего, кроме потемневших глаз Орель, которые все ширились, превращаясь в яркие водоемы, которые замораживали его, парализовали мышцы, нервы и мысли.

И жуткая мысль, вовсе не его собственная, неожиданно возникла в застывшем мозгу Миллера и протянулась к Орель.

– *Стой, дитя мое, подожди!* – сказала мысль. – *Это говорит Ллези.*

Ее, должно быть, услышали в своих головах все находящиеся в комнате, поскольку все резко повернулись. Ослепительные омуты, бывшие глазами Орель, начали исчезать, гаснуть, и Миллер понял, что начинает снова видеть все вокруг. И чужой голос в его голове сказал кому-то другому:

– *Снять с него браслет!*

Возле Миллера никого не было, но он почувствовал сильный рывок, сорвавший с запястья часы. Она полетели по воздуху к Орель, словно брошенные невидимой рукой. Она растопырила пальцы и схватила их, но по-прежнему, не отрываясь, глядела на Миллера.

– Ллези? – растерянно сказала она, все еще глядя Миллеру в глаза. – Ллези... Ты меня слышишь?

– *Да. Подожди. Мне нужно поговорить с этим человеком, Миллером... Погоди.*

Орель взмахнула рукой. Тело Ллези само собой поднялось в воздух и поплыло к покрытому цветами дивану. Мягко опустилось на него. Один из мужчин шагнул к нему и быстро осмотрел.

– Он не умер. Это что-то вроде паралича. Но я не могу связаться с ним. Попробуйте вы, Орель.

– Ллези? – стрелой пронеслась мысль Орель. – *Ллези!*

Миллер вышел из ступора изумления. Фантастический голос в его голове продолжал говорить сам по себе.

– Не сопротивляйся мне. Они уничтожат тебя, если не будешь мне повиноваться. Освободи свой разум, Миллер. Позволь мне говорить через тебя. Вот так...

Миллер слушал, как мысли, которые не принадлежали ему, разговаривали на телепатических волнах его мозга с Орель и остальными. Но одновременно и с ним самим.

– Это должна быть одна из шуточек Бранна, – сказал Ллези. – Браслет... Когда я предположил, что Миллер мог пронести оружие, которое дала ему Тси, я был, практически, прав. Нашей проверке

не удалось его обнаружить, но этим оружием, должно быть, был браслет. Бранн не достиг своей цели лишь потому, что вам удалось так быстро подавить его. Я не убит, но, думаю, пройдет немало времени, прежде чем я смогу мыслить или переместиться в свое тело.

— Но ты слышишь нас, Ллеси? — мягко спросила Орель.

— Да... через этого человека. С ним у меня наладилось телепатическое взаимодействие. Должно быть, в решающий момент произошел контакт. Без Миллера я был бы полностью отключен, пока бы не восстановилось мое тело. Я думаю, так и произойдет в свое время. Я знаю, какое оружие использовал Бранн. Мому телу придется набраться жизненной энергии, чтобы пробиться через изоляцию атомного застоя, созданную этим оружием. А теперь слушайте, так как силы мои на исходе. Ментальные силы поддерживает тело, а оно у меня сейчас, как тлеющие угли. Мне нужно поспать и накопить энергию. Бранн узнает, что здесь произошло. И наверняка он ударит, в то время как я буду еще беспомощен. Мне нужно подумать... и отдохнуть.

— Мы можем справиться с Бранном, — сказала Орель.

— Мы можем с ним справиться, если вас поведу я. Иначе... Не рискуй понапрасну. Помни, мой единственный контакт с тобой через этого Миллера. Бранн убьет его, если сможет. Но этот меч обоюдоострый. Через Миллера я смогу бороться с Бранном, если придется. А теперь дай мне отдохнуть. Я должен собраться с силами и подумать.

Чужая мысль задрожала и исчезла. Миллер снова остался наедине с собственным разумом.

Орель продолжала смотреть на него, гнев еще пылал у нее в уме, но уже это был обузданный гнев.

— Что из этого ты уже передал Бранну? — требовательно спросила она.

— Клянусь, — сказал Миллер, — я и не знал, что ношу на руке подобную бомбу замедленного действия. Тси мне сказала, что это всего лишь средство связи, которая она встроила в мои часы. Мне остается лишь добавить, что я помогу вам бороться с Бранном всем, чем смогу.

Орель быстро зашагала вперед, шелестя атласными одеждами, крепко схватила Миллера за плечи обеими руками. Ее глаза стали очень близко к нему. Она смотрела требовательно, и Миллер почувствовал, как ее теплый разум сердито зондирует его мысли.

— Скажи мне правду, — потребовала она. — Ты — Бранн?

В НОЧНОМ НЕБЕ горели разноцветные огоньки звезд. Миллер лежал, глядя в одну точку, и сонно думал о том, что же могло его разбудить. Стена напротив кровати была прозрачной, и в нее бесчисленными серебряными глазами заглядывало ночное небо. И Миллер понял, что никогда прежде не видел таких звезд.

Его прежним глазам звезды казались лишь блестящими точками на небе. Теперь же он видел, что они образуют картину, слишком обширную, чтобы ее могло постичь даже его нынешнее зрение, но теперь он хотя бы видел, что в этом есть что-то за пределами человеческого понимания.

Миллер видел, что цвета звезд стали другими, и как блестели диски света, которые прежде представлялись ему лишь безразмерными точками. Сейчас он мог даже смутно разобрать очертания континентов на паре планет. И был странный, далекий музыкальный звон, почти неслышимый, но доносящийся именно с неба.

Теперь Миллер понимал, что это не легенды и не преувеличение, что действительно существует музыка сфер, в которой звезды поют хором. Световые и звуковые волны смешивались вместе в мелодию, которая была ни тем, ни другим, а общей гаммой красоты.

Ее, должно быть, слышали люди былых времен, полусонно подумал он. Возможно, в древности люди действительно были ближе к этому состоянию, и могли улавливать отголоски этой древней музыки.

И тут в глубине его сонного сознания зашевелилась мысль, отличная от его собственных.

Миллер, Миллер, ты проснулся?

Он сформировал ответ с жутким ощущением нерешительности.

— Да, Ллеси. Что вам нужно?

— Я хочу поговорить с тобой. Теперь я достаточно собрался с силами, чтобы продержаться какое-то время. Что происходит? Ты в безопасности?

Миллер позволил импульсу смеха пробежать у себя в голове.

— Благодаря вам. Вы можете прочесть мои мысли и понять, что я не знал, что несу в ваш замок? Я не хотел напасть на вас.

— Я этому верю... с оговорками. Но верит ли Орель?

— Она подумала, что я Бранн. Я попытался разубедить ее, но она еще может продолжать так думать.

— Я не могу читать твои мысли. Но я должен доверять тебе... хотя и не хотелось бы. Вставай, Миллер, и взгляни на замок Бранна. Я чувствую опасность. Думаю, именно это разбудило меня. На нас надвигается какое-то зло.

Ощущая холодок, который повеял от мыслей Ллези, Миллер поднялся. Пол был невыразимо мягким под его босыми ногами. Он прошел к стеклянной стене, образовывавшей одну из стен комнаты, и глянул вниз на долину, которую пересек вчера днем. На вершине отвесного утеса — замка Бранна, — мерцали какие-то огоньки.

— Почему я вижу в темноте? — удивленно воскликнул он, приходя в замешательство при виде матово-смутного ландшафта, словно облитого звездным светом так, что были отлично видны невидимые прежде подробности.

— Да-да, — нетерпеливо сказал в его голове мыслеголос Ллези. — Поверни глаза налево — я хочу увидеть тот край долины. Так... А теперь направо...

Мысленные команды занимали лишь краткую часть времени, которое потребовалось бы, чтобы облечь их в слова, и больше походили на мысли самого Миллера.

— Я думаю, тебе нужно одеться и спуститься к Бассейну Времени, — сказал, наконец, Ллези, и Миллер почувствовал, как в голове у него зашевелилось смутное беспокойство. — Поспеши. Я даже предположить не могу, что еще придумал Бранн, чтобы напасть на нас. Ему нужен ты, Миллер. Твое появление привело нашу войну к кульминации, и теперь я знаю, что Бранн не остановится, пока не доберется до тебя... или не умрет. Каков именно будет исход, зависит от тебя и меня.

За дверью Миллера — или стеклянной стеной, в которой проплавилась дверь, как только Миллер подошел к ней, — стоял охранник. Ллези мысленно заговорил с ним, охранник кивнул и пошел первым по длинным скатам стеклянного замка, через большие, тускло освещенные, отзывающиеся эхом комнаты, по коридорам, за стенами которых спали обитатели замка Орель.

Наконец, они вышли в сад у основания замка. Окруженный стеклянными стенами, сад лежал темный и ароматный вокруг широкого мелкого пруда в центре. Свет звезд мерцал на воде, чуть морщившейся от легкого ветерка.

Миллер поднял взгляд на вершину стены, не уверенный, сам ли захотел туда посмотреть, или это было желание Ллези. Через миг он уже знал ответ, потому что в голове пронесся шепоток, отдающий какую-то команду его мозгу — шепоток Ллези.

Звездный свет внезапно брызнул через стекло купола над садом и замком, и ударил в водоем так, что образовал какие-то образы, словно сама вода ответила на его невообразимо легкое прикосновение.

В тех местах, где коснулись лучи света, образовались круги и побежали, расширяясь и блокируя друг друга так, что в скором вре-

мени вода закипела крошечными волнами, бросая пузыри и неся на гребнях пену. Водоем весь вскипел холодными звездным светом.

И среди кипящих волн появились какие-то отражения. Изображения двигались хаотично, пронизывая друг друга, так быстро и так чарующе, что у Миллера закружилась голова, пока он смотрел на них. Ему вдруг показалось, что он увидел лицо Тси с радужными волосами, распущенными по ветру.

Затем он мельком увидел себя, увидел смутно, со спины, сражающимся с чем-то, что нависало и склонялось над ним, точно башня, а потом среди пузырей мелькнуло странно плывущее чужое лицо.

— Реально ли это? — мысленно спросил он Ллези. — Действительно ли это будущее?

В его голове было какое-то нетерпеливое шевеление, затем Ллези, явно изучая то, что показывалось в воде, ответил:

— Нет, да, отчасти. Это наиболее вероятные варианты будущего. Никто до конца этого не понимает, но существует теория, будто где-то в гиперпространстве реализуются все возможные варианты будущего, которые могут появиться из данной точки. И таких вариантов в космосе бесчисленное множество. Когда стеклянный купол, закрывающий звездный свет, пропускает отдельные лучи, те проецируют изображения этих вариантов на воду, где любой может прочесть их, если знает, как. Люди издавна пытаются предсказать будущее по звездам, но теперь ты видишь, насколько это трудно и ненадежно даже для тренированного ума. Одно решение может изменить все вероятностные варианты будущего. Они нестабильны, они постоянно смещаются и изменяются, поэтому никто не может с уверенностью узнать будущее. Но иногда можно увидеть опасности и даже подготовиться к ним — хотя в дальнейшем это может привести к еще большим опасностям. Погоди-ка...

Пульсации в воде приняли какую-то определенную форму, которая начала расширяться. Показалось изображение какой-то облачной массы, перемещающейся над полупрозрачной водой... но перемещающейся с определенной целью, как показалось Миллеру. Фон обрел форму, и Миллер увидел миниатюрных себя и Орель с облаком, больше не перемещающимся, а целеустремленно нападающим на них сверху.

Но тут другая пульсация яростно столкнулась с первой, и изображение исчезло во взрыве пузырей. Однако, в следующий момент оно сформировалось снова, хотя было уже совсем другим. По этому изображению мчались какие-то пульсации, постоянно изменяя и поправляя его. Затем Миллер увидел замок, в котором стоял, и ему показалось, что замок превращается в руины.

Снова все изменилось. Он увидел крошечное отражение себя самого, обращенного к Тси... Затем по пруду прошла очередная пульсация, и он увидел свое лицо, лицо Слейда, и было нечто необъяснимо ужасное в обоих их лицах.

Тряхнув головой, Миллер задал Ллези вопрос. И Ллези кратко ответил:

— Если произойдет часть того, что ты видел, то другие части просто не смогут произойти. Но ты заметил облачный столб? Слишком уж часто он появляется на любом фоне сколь угодно далеко в пространстве-времени. Это Бранн отправил на нас воина. Но не человеческого воина. Я думаю, нам нужно ждать эту облачную версию, которую мы наблюдали.

— Но что это такое?

— Я не знаю. Но можешь быть уверен — что-то опасное. Думаю, мы сумеем победить его, как только поймем, что это. До сих пор мы всегда побеждали воинов Бранна, чем бы те ни являлись.

— До сих пор? — спросил Миллер. — А что будет потом?

Ллези мысленно пожал плечами.

— Кто знает? Я умею читать будущее. Понимаю его лучше большинства других, но я не могу предвидеть, что должно прибыть. Здесь, в Бассейне, я вижу варианты событий, могу предвидеть самые худшие опасности и подготовиться к ним. Но только и всего. Нет, я не знаю, какой будет итог схватки между Бранном и мной.

— Вы слишком долго смотрели в Бассейн Времени, — резко сказал Миллер. — Вы впали в зависимость от того, что видите там, ждете подсказок, что нужно делать. Почему бы вам, наконец, не взять будущее в свои руки?

В его голове наступила странная тишина, словно Ллези внезапно замер и насторожился. Наконец, раздался его мыслеголос.

— Что ты предлагаешь?

— Насколько я понимаю, когда-нибудь Бранн может преуспеть в создании воина, которого вы не сможете победить. В одном из вариантов в Бассейне я видел, как этот замок пал, так что знаю, что такое возможно... нет, даже вероятно, что это может быть именно то, что он отправил сейчас, а может, то, что отправит в ближайшем будущем. Но вы все равно будете уничтожены. Все верно?

Разумом Ллези все еще правили настороженность и недоверие, но он неохотно сказал:

— Продолжай. К чему ты клонишь?

— Бранн хочет одну вещичку — Силу. Правильно?

— Да, Силу, а теперь и тебя, — ответил Ллези.

— Значит, он продолжит нападать, пока не заберет одну из этих вещей или обе. Но почему вы ни разу не атаковали его первыми?

– Думаешь, мы не пробовали? Но замок Бранна неуязвим. Мы терпели провал за провалом от сил, которым ничего не могли противопоставить. Но Бранн, в свою очередь, не мог ничего противопоставить нам. Это тупик, патовая ситуация, паритет, безвыходное положение.

– Но такого быть не должно. У меня есть одна идея... – Миллер заколебался. – Сейчас я вам ничего не скажу. Вы не примете ее. Но вот позже, если все пойдет не так, как надо, возможно, вы будете готовы выслушать меня. Возможно...

– Не продолжай, Миллер, – раздался внезапно в полутьме сада, со всех сторон Бассейна Времени явный мыслеголос Орель. – Или ты... и в самом деле Бранн?

У Миллера возникло странное ощущение в мозгу, словно они с Ллези переместились в середину головы, когда он повернулся к дереву в темноте, где пряталась она.

– Сколько времени ты была здесь, дитя? – спросил Ллези.

– Достаточно долго. Я видела в Бассейне появление этой облачной штуки. Я знаю, с чем нам придется столкнуться... но только не с предательством, которое может все ухудшить. О, Ллези, почему ты не позволяешь мне убить его?

– Потому, – со смертоносной практичностью ответил Ллези, – что я нужен тебе в грядущей борьбе, а без этого человека я беспомощен. К тому же я совершенно не уверен, что ему нельзя доверять, Орель.

– Я слышала, что он пытался предложить. Это какой-то вероломный способ помочь Бранну одержать, наконец, победу. Ллези, я боюсь! Это опасно. Я...

Вспышка беззвучного белого света внезапно, без всякого предупреждения, озарила сад и весь замок с окрестностями, так что каждая деталь выделилась резкими контурами на фоне этой белизны. И внезапно, как и вспыхнула, она погасла, погрузив все в кромешную тьму.

– Сигнал! – выдохнула Орель. – Ллези... поторопись! Что бы там ни надвигалось, оно уже почти здесь!

ГЛАВА VI. Вторжение

СНАЧАЛА ОНИ увидели его далеко на равнине, двигавшегося к ним через полупрозрачную темноту. Он казался всего лишь туманом, плывущим по ветру, но ветер стих, а серая вуаль продолжала надвигаться. Основание его было более плотным, и в глубине об-

лака глаз мог смутно уловить сложные структуры света, похожие на сверкающую паутину, образующую решетку.

Миллер с Орель, и бестелесный Ллези стояли у стеклянной стены и наблюдали за равниной, тянущейся до самого замка Бранна.

— Я знаю, что это, — очень тихо раздался в голове Миллера мыслеголос Ллези. — Это плохая штука. Мозг и управление ею находится в сверкающей матрице внутри облака. Вон, смотрите.

Решетка внезапно изменилась, образовав новые геометрические фигуры, а из облака вытянулись мягкие серые щупальца, утолщавшиеся по мере роста.

— Оно станет тверже железа, как только до конца сформируется, — продолжал Ллези. — По принципу ложноножек. С этим трудно будет сражаться.

Они молча смотрели, как серое облако текло вперед со все увеличивающейся скоростью, пока не оказалось почти что в пределах досягаемости замка. А далеко, на другом конце равнины, со стен замка Бранна подмигивали огни, точно внимательные глаза.

— Вы что, не собираетесь ничего делать? — нетерпеливо спросил Миллер. — Разве вы не можете остановить эту тварь?

— Я могу, — ответил Ллези. — Но я хочу посмотреть, какие новые идеи впихал в нее Бранн. Лучше знать наверняка, чем строить предположения. Если я уничтожу эту, то он просто отправит другую. Я собираюсь позволить ей дойти до ворот.

Облако дотекло до внешней стены и остановилось, словно рассматривая большую стеклянную преграду. Затем засверкали, перестраиваясь, решетки. Серый палец вытянулся и просочился через трещину между стеной и воротами.

В ночной тишине застонал металл. Крошечное псевдоподие расширялось с чудовищной силой. Врата затряслись, смялись — и уступили.

Со стены прямо по облаку ударил свет, когда, наконец, батареи Ллези начали бой. Миллер чувствовал напряженную осторожность Ллези у себя в голове, пока тот готовился увидеть, как тварь встретит удар.

Основа решетки вновь изменилась, точно калейдоскоп. Низ облака потемнел, сжался, затем снова расширился — и поплыл дальше в замок, живая бархатная чернота, поглощавшая атакующие ее лучи и игнорировавшая их.

Теперь они потеряли тварь из виду, но слышали ее продвижение, частично по колебаниям стен замка, а отчасти по перепуганным воплям людей внизу. Тварь продвигалась. Прозрачная стена не выдержала ее напора, и ужасный звон бьющегося стекла заполнил весь замок. Затем раздался ужасный мыслекрик человека, пойманного в

In the center of the room, hanging on a
tortured framework which it did not
seem to touch, a clear transparent cube
glowed like a star. - CHAT - VI -

невообразимые тиски — вознесся на невыносимую высоту в головах тех, кто слышал его, и резко смолк.

Орель стиснула руку Миллера.

— Иди со мной, — велела она. — Быстрее!

Чуть ли не бегом она последовала по темному замку. Лабиринт залов был ему незнаком, но прежде, чем они добрались до цели,

Миллер уже шел впереди, так как Ллези в его голове посылал мыслеприказы телу, ведя его так, что коридоры, двери и пандусы, казалось, сами пролетали под ногами без всяких усилий с его стороны.

Внизу было столпотворение. Миллер почувствовал силу разума Ллези и Орель, пока они мчались к рухнувшей стене крепости. Ллези был растерян.

— Может, это и есть оно, — пробормотал он словно самому себе, пока мимо пронеслись полупрозрачные стены. — То, с чем мы не сумеем совладать.

К тому времени, как они достигли места схватки, рухнула уже не одна стена. Замок был полон музыкальным звоном бьющегося стекла и криками — по-своему музыкальными криками, — защитников. Но сама атакующая тварь — или машина — не издавала ни звука.

Миллер увидел ее над зубчатой стеной и головами защитников замка — огромное сгущающееся облако, мягкое, как бархат, и твердое, как сталь, в которую напрасно били разноцветные лучи странного оружия защитников. Такого оружия Миллер еще не видел.

— Ливень фотонов, — кратко пояснил ему Ллези. — Очень высокочастотные световые волны с энергией, использующей массу света. Решетка матрицы этой твари была бы разбита, если бы они только могли достигнуть ее. Если имеешь дело с чем-то таким тонким, нужно тонкое оружие. Решетки были бы непроницаемы для более тяжелого вооружения, но масса света могла бы сокрушить матрицу, если бы только лучи могли проникнуть внутрь облака.

— Фотоны должны сделать это, — взволнованным мыслеголосом отозвалась Орель. — Прежде всегда...

— На сей раз у Бранна что-то новенькое.

Облако текло дальше. Через разрушенные стены они видели, как оно хватает людей, оказавшихся на его пути, двигаясь, как мягкая, точно бархат, но безжалостная сила, сокрушавшая все на своем пути. Его туманная поверхность навалила на очередную стену, а в глубине облака замерцала решетка матрицы.

Замок зазвенел музыкой очередной павшей стены.

— Оно направляется напрямик к Силе, — почти беззвучно сказала Орель. — Ллези, ты должен остановить его.

Миллер почувствовал у себя в голове быстрые, организованные мысли Ллези, который сортировал факты и пробовал их различными ресурсами. Затем он решительно произнес:

— Мы должны сначала добраться до Силы. Я могу остановить его, но нужно спешить.

Миллеру показалось, что замок вновь развернулся перед ним, повинусь приказам у него в голове, когда он ринулся вперед, а Орель бежала за ним следом. Коридоры открывались перед ним один за

другим, незнакомые проходы, одновременно выглядевшие странно знакомыми. Пока они бежали, позади разбилась на кусочки еще одна стеклянная стена.

Своим новым ночным зрением Миллер видел длинный путь через полупрозрачные стены замка. Повсюду уже горели огни, и их отблески ото всех стен заставляли весь замок изумительно сиять.

Но впереди, вырастая по мере приближения, была одна часть здания, в которую не мог проникнуть даже его новый взор. Это был большой куб с непрозрачными стенами, появившийся впереди.

Когда они подбежали к нему, Орель протиснулась вперед, протянула обе руки и положила их на темную стену куба. Стена наступила перед ней, тая, как все прочие стены, плавясь, и Орель ступила в тайную комнату. Миллер последовал за ней, в голове у него царил кавардак от совместного пользования мозгом его собственного разума и разума Ллези.

Позже Миллер даже не мог ясно вспомнить, что именно он увидел в этой большой, темной комнате. У него лишь осталось ретроспективное впечатление от огромного числа хрупких, ярких предметов — может быть, инструментов, — бесчисленных рядов предметов, на поверхности которых играли слабые отблески от света крошечных индикаторов, установленных вдоль по проходу... предметов без названия и даже без распознаваемых очертаний...

А в центре комнаты, повиснув над филигранной платформой, которой даже вообще не касался, свободно парил светлый, прозрачный куб. И внутри него горел наклонный ореол из каких-то огоньков — звезд? — медленно поворачиваясь в твердом веществе куба. И Миллеру показалось, что он едва улавливает очень далекую музыку, ту же самую музыку, что он слышал с ночного неба, невозможную музыку сфер.

— Сила, — сказала Орель, кивнув на куб.

Миллер медленно шел вперед, пока не остановился у самой платформы, над которой парил куб. Он чувствовал какое-то отталкивание, исходящее от этих вращающихся звезд, и одновременно равное по силе притяжение, какое-то всасывание — невозможную двойную силу, которая не компенсировала сама себя, а держалась в непрерывном состоянии реорганизации, чтобы сбалансировать противоположные по направлению векторы, в то время как он стоял в их диапазоне.

Миллер попытался управлять тем, что проходило через него вблизи этой непостижимой штуки, за которой он, собственно, и появился здесь. Слейд отдал бы все, чтобы обладать ею, хотя не смог бы даже объяснить, что это такое и для чего может служить.

Это было вообще необъяснимо ни для кого из людей вне пределов Высоты Семьсот.

Затем Ллези нетерпеливо сказал в его голове:

— Можешь исследовать ее потом. Сей час ты мне нужен, чтобы остановить тварь Бранна. Повернись... подойди к дальней стене, возьми вон тот синий контейнер и...

Миллер перестал пытаться понять суть распоряжений Ллези, но тело его слушалось этих приказов. Он и не сопротивлялся. Он ослабил свои желания и отдал Ллези полный контроль, и лишь смутно знал о том, что его тело делало следующие несколько минут. Руки его были заняты, но в голове царили тишина и спокойствие.

Затем движения его рук стали замедляться. Под его пальцами вспыхнул и стал распухать шар света. Тепло, холод и другие, более странные ощущения, которым он даже не знал названий, окутали кисти его рук, и поползли выше. Но в мысли его постепенно вползало ощущение разочарования.

Он приложил усилие, чтобы овладеть своим сознанием, и быстро задал Ллези вопрос.

— Не знаю, — ответил мыслеголос Ллези. — Это не так просто. Думаю, я могу остановить эту тварь, но цену этого трудно даже представить. Я могу сделать это лишь раз. И Бранн узнает об этом. Ему нужно будет отправить другую такую же тварь, и тогда... — Мысль резко оборвалась, словно даже в подсознании Миллера Ллези не хотел договорить ее до конца.

Приложив немалое усилие, Миллер сбросил с себя инерцию мыслей, которая была необходима, пока его тело работало по командам Ллези. Теперь он стал особо бдительным. Он должен был сделать свое дело.

— Вы выслушаете меня? — спросил он. — Думаю, у меня есть ответ... если вы будете доверять мне.

— Что ты хочешь, чтобы мы сделали? — ответ Ллези был осторожен, но в нем также ощущалось нетерпение.

— Сначала скажите мне: вы можете скопировать этот Источник Силы?

ЛЛЕЗИ И МИЛЛЕР одновременно устались на плавающий куб с лениво вращающимся ореолом блестящего света.

— Да, могу, — ответил Ллези. — Но зачем?

— Это не сложно? И как быстро?

— Если бы не необходимость остановить тварь Бранна, то да, несложно. На это потребовалось бы несколько часов.

— Тогда, — сказал Миллер, приготовившись выдержать бурю, которая, как он знал, обрушится на него вслед за следующим предло-

жением, — тогда я думаю, вы должны будете позволить мне взять вашу Силу и отнести ее Бранну.

Был взрыв мысленной ярости и отказа.

Затем он утих, хотя Орель все еще пристально глядела на него потемневшими глазами, полными недоверия и ненависти, а сердитые мысли Ллези все еще тлели в его голове. Выждав еще немного, Миллер продолжал:

— Да знаю я, знаю. На вашем месте я бы чувствовал то же самое. Но взгляните на это беспристрастно, если сможете. Бранн все же привел вас к поражению. Да, вы можете один раз уничтожить эту тварь — или механизм — внизу. Но Бранн отправит вторую и в любом случае захватит Источник Силы. Если вы останетесь пассивными, то погибнете. А слушаете меня — и, возможно, еще можете победить. Нужно напасть! Отдайте Силу, но последуйте за ней.

На мгновение стояла тишина, пока они переваривали эту идею. Затем Орель сказала:

— Но мы можем войти лишь до стен замка Бранна. Мы никогда не могли проникнуть в сам замок и...

— Только не говорите, что вы не видите единственный способ! — воскликнул Миллер. — Бранн должен будет открыть какой-то проход, чтобы впустить куб Силы. Если мы последуем за ним, то тоже сумеем пройти. Особенно если он ничего не заподозрит. О, я знаю, вы думаете, что я и есть Бранн. Мне жаль, что я никак не могу разубедить вас в этом. Вы можете прочесть мои мысли, если я открою вам их? И тогда вы мне поверите?

— Думаю, это было бы возможно, — медленно произнесла Орель. — Но вы-то и в самом деле готовы дать мне попробовать?

Миллер на мгновение заколебался. У любого человеческого разума есть странное нежелание открыть последний барьер, отделяющий человека от окружающего мира. Конфиденциальность сознания так ревниво охраняет свои секреты, что даже если сам человек захочет пустить в себя другого, то может ничего не получиться. Но если Миллер не пустит Орель в свои внутренние покои, то для всех них мало надежды на успех.

Если я не сделаю это, подумал он про себя, то Бранн в конце концов победит. А если он победит, то я могу проиграть гораздо больше, чем любой из присутствующих здесь.

— Да, попытайтесь, если сумеете, — сказал он мыслеречью Орель. Она слегка улыбнулась.

— Очистите свой ум. Не сопротивляйтесь... Нет, вы не должны мне сопротивляться, Миллер. Позвольте мне узнать истину. Бранн... Бранн... Ты Бранн?.. Я должна это узнать...

Ее глаза впились в него, как уже делали это однажды, и стали расти, становиться все больше, пока не скрыли всю комнату и превратились в темные омуты, куда начало погружаться сознание Миллера...

— Спасибо, — очень тихо сказала Орель. — Прости меня. Ты все это время говорил правду... Если только ты не хитрее, чем я думаю, и можешь скрывать свои секреты еще глубже, чем в подсознание. Но я увидела, что ты думаешь о нас хорошо. Я узнала и другое — зачем ты попал сюда.

— Да, вы в любом случае должны были узнать об этом, — сказал Миллер. — Вот поэтому я и спросил, можно ли сделать копию куба Силы.

— Ллеси, он хочет забрать его с собой, — сказала Орель, и впервые Миллер почувствовал, что Орель общается напрямую с Ллеси, обитающем в самой середине его сознания.

Но Ллеси не мог проникнуть в его глубину, и не знал того, что узнала теперь Орель.

— Взять с собой? — скептически повторил Ллеси. — Но...

— Да, — тут же перебила его Орель. — Ллеси, мы могли бы это устроить. Если этот план сработает, мы должны будем ему гораздо больше этого.

— Но, Орель, — возразил Ллеси, — он что, не понимает? Неужели он не знает, что...

Мысль тут же оборвалась, а у Миллера возникло неловкое ощущение, что эти двое перешли на некий более высокий уровень общения, который Миллер не мог уловить. Внезапно ему стало не по себе. Было тут что-то, чего он не понимал. Эта парочка знала что-то — о себе? — чего не знал он, и что могло очень сильно повлиять на его будущее.

— В чем дело? — спросил он. — Раз уж я помогаю вам, то имею право знать все.

Орель повернулась к нему. Из ее темных глаз исчезла ненависть и недоверие.

— Нет времени, — бросила она. — Прислушайся.

До них ясно донесся далекий, но все же легко различимый звон быющегося стекла.

— Это машина, — сказал Ллеси. — Сейчас нам нельзя даром терять время. Если мы последуем твоему плану, то не должны позволить ему побеждать слишком легко, иначе Бранн что-то заподозрит. У тебя есть какие-нибудь идеи, что делать после того, как мы проникнем в замок Бранна?

— Еще нет, — рассеянно сказал Миллер.

Он интенсивно думал о том, что ждет их после проникновения в замок. До этого момента он не смел предлагать открыть им свой разум целиком, потому что ему нечего было предложить со своей стороны. Орель неизбежно увидела бы, что он хочет получить Силу, а он ничего не мог дать ей взамен – пока ничего.

Ну что ж, один путь ведет к успеху, а другой к поражению. Это-то было ясно. Вот только он не мог решить, какой путь выбрать. Положение теперь странным образом изменилось. Теперь он не мог доверять своим компаньонам. Потому что они явно скрывали от него что-то жизненно важное.

– Пока нет, – повторил он, заставляя мозги работать на полную силу, так как шум рушившихся барьеров становился все громче. – Я только знаю, Я только знаю, что всегда проще импровизировать во время наступления, а когда мы попадем в замок Бранна, не останется ничего, кроме импровизации. Бранн неуравновешенный. Нам всем это известно. Вы, очевидно, понимаете, что он скрывает что-то важное, иначе бы он не прятался постоянно в темноте. А если мы встретимся с ним лицом к лицу – кто знает, что случится тогда?

– Кого ты имеешь в виду. Когда говоришь «мы»? – прервала его Орель.

– Меня самого. Тси и Ллези.

– И Орель, – тихо добавила девушка.

– Нет! Конечно же, нет! Это слишком опасно. Кроме того...

– Идти не более опасно, чем сидеть и ждать места Бранна, если у вас ничего не получится. Тси – моя сестра. Думаю, я смогу справиться с ней, и это может послужить оружием, которое вам понадобится. Вы не сможете много взять с собой, раз надеетесь проникнуть тайно, так что армия только помешала бы вам. Но еще один спутник... Думаю, я могу быть полезной тебе, Миллер.

– Ллези, – обратился Миллер к сидящему в его голове, – а что думаете вы?

Мгновение висела тишина.

– Пусть она идет, – сказал затем Ллези. – То, что она говорит о Тси – правда. Нам она может пригодиться.

Музыкальный звон бьющегося стекла стал еще громче.

– Тварь идет, – сказал Ллези. – Пора приниматься за дело. Ты готов, Миллер? Выключи линзы на тессеракте и делай, что я говорю. Мы не должны ей дать победить без сопротивления.

ГЛАВА VII. Сражение титанов

В РАССВЕТНОЙ серости они увидели, что катится к ним через равнину. Скорчившись у основания стен замка Бранна, Миллер и Орель ждали почти в полной тишине. Казалось, лучше всего было пройти вперед и найти укрытие, пока все внимание Бранна было направлено на управление его механическим воином, который сумел все же пробить стену камеры Силы и захватить то, что жаждал так долго.

И теперь они оба наблюдали – точнее, трое, поскольку Ллези по-прежнему обитал в голове Миллера, – как лениво поворачивался ореол из ярких огоньков, являвшийся Силой, которую несла в себе облачная машина. До них доносилась слабая музыка.

– Нам будет нельзя терять времени, – предупредил Ллези. – Бранну нужна Сила не просто так. Как только он изучит ее и поймет, как использовать, у нас не останется ни малейшей надежды на победу. Что бы мы ни стали делать, действовать нужно быстро.

– И насколько быстро можно научиться управлять Силой? – спросил Миллер.

– Ты говоришь о себе? – голос Ллези звучал удивленно. – Да, Силу можно освоить без особого труда. Но сейчас тебе нужно думать не об этом, Миллер. У тебя есть наше обещание. И будь доволен.

Миллер беспокойно шевельнулся.

– Вы что-то скрываете. Я открыл свой разум для вас, Орель. Если я и заслуживаю какого-либо вознаграждения за то, что помогаю вам, так это правды. Что вы скрываете?

– Не спрашивай об этом сейчас, – покачала головой Орель. – Я тебе все скажу, если мы останемся живы. Но сейчас это только отвлечет тебя. Я обещаю тебе, что это никак не влияет на наши планы победить Бранна. А чтобы добиться этого, нам нужен ты. Позже у нас будет время поговорить о других вещах. Смотри... она уже почти здесь. Интересно, в каком именно месте Бранн впустит ее в замок...

Мелодия звездных сфер становилась все отчетливее. Миллер с удивлением почувствовал то притяжение-отталкивание, которое Сила оказывала на него. Тварь была уже так близко, что они скорчились в своем укрытии. Она пронесла свое облачное туловище мимо, чуть не задев их лица краешком тумана, и стала двигаться вверх по нагромождению валунов, окружавших замок Бранна.

Потом она прижалась к стене. Из стены брызнул свет, текучий, как вода, но яркий, как солнце, отбросив на тварь разноцветные тени так, что она стала походить на освещенные закатом облака.

Миллер увидел, как по встревоженному лицу Орель бродят отблески этого странного света-воды. Он задержал дыхание.

В закатных облаках твари проявилась ромбовидная решетка структуры, движущаяся и изменяющаяся. Внезапно стена потускнела, точно ветер задул огонь. Темнота сгустилась, и неожиданно в остатках света-воды открылась дверь.

– Вперед! – выдохнул Ллези. – Вперед – следуй за ней!

Они помчались вперед.

Был один напряженный момент, заставивший замереть сердце Миллера, когда Орель споткнулась на камнях и чуть не упала. Темнота открытой двери начала уже словно покрываться легкой изморозью, когда они добежали до нее.

– Опасно, – сверкнула в голове Миллера мысль, куда более быстрая, чем если бы она была выражена в словах. – Если мы не успеем, то завязнем в твердом веществе, точно мухи в янтаре. Быстрее! Не обращай внимания на шум. Быстрее!

Это походило на проталкивание сквозь темное желе, которое уступало дорогу сначала достаточно легко, но становилось все гуще.

– Не дыши! – предупредил их Ллези. – Задержи дыхание, насколько сможешь... Я думаю, осталось несколько секунд.

Стена уже стала совсем жесткой, когда они пробились из нее на чистый воздух. Они только-только успели, в запасе не оставалось ни секунды. Орель, как только отдышалась, шагнула назад и удивленно коснулась стены рукой, но к этому времени стена уже была, как всегда, прочная, твердая, каменная.

Они стояли в круто поднимающемся коридоре, в котором замирающим эхом отзывалась мелодия сфер Силы. Впереди, через облачную серость, быстро удалявшуюся по скату, еще были видны ее медленно вращающиеся звезды.

Они тихонько последовали за ними.

Они находились глубоко внизу, где-то под первыми этажами замка. Слева, пока они поднимались по крутому скату коридора, внешняя стена испускала какой-то текучий свет, и по внутренней стене замка скользили их тени.

– Где-то должна быть охрана, – сказала Орель.

– Мне стало бы легче, если бы мы встретили хоть кого-нибудь, – с тревогой отозвался Ллези. – У меня такое чувство, будто Бранн уже знает о нашем проникновении.

Скат совершил полный оборот и пошел на второй круг спирального повышения. Они старались не отстать от облачного робота-твари, несущего Силу. И по-прежнему не встретили ни одного стражника...

Скат сделал два полных круга и внезапно закончился обширным помещением, уходящим вверх, словно громадный дымоход. Скат кончился. Легко, точно облако, робот скользил над полом, стремительно уносясь с глаз долой, словно при помощи телепортации. Затем откуда-то сверху раздались смех и музыка.

Орель молча протянула руку и сжала ладонь Миллера. Мгновение спустя пол исчез у них из-под ног. Стена света пронеслась мимо них, словно Ниагара разноцветной воды.

Зал, в котором собрались придворные Бранна, был круглым, под куполом свода. В центре его стояло возвышение — а над возвышением занавес тьмы, повешенный на прямых балках под самым потолком и спускающийся почти до пола, скрывая платформу возвышения. У подножия его сидела женщина, держа на коленях какой-то струнный инструмент. Радужные волосы огладили ее плечи, когда она опустила голову и скользнула пальцами по струнам. В помещении зазвенела громкая, бешеная мелодия.

— Бранн! Где Бранн? — крикнул кто-то из собравшихся.

Женщина подняла голову и улыбнулась. Это была Тси.

— Он скоро будет здесь. Он уже идет. Он ждет гостей, — сказала она и устремила взгляд через зал, где в алькове стоял неподвижно робот-тварь, кутая Силу в туманное облако.

Стоя за роботом у самой стены алькова, Миллер почувствовал, как напряглись пальцы Орель. Пока робот оставался на месте, они были скрыты его туманным телом. Но если он стронется с места...

— Она имеет в виду нас, — шепнула Орель. — Я знаю Тси. Так что будем делать?

— Ждать, — ответил Ллези. — И слушать.

В большом зале блестяще одетые мужчины и женщины, — придворные Бранна — лежали на диванах, казавшихся одновременно уютными и невещественными, точно туман. Все громче начинали раздаваться их недовольные мыслеголоса, смешиваясь в единый гул.

— Бранн! Позови его, Тси, позови! Скажи ему, что робот уже здесь. Мы хотим увидеть Бранна!

Тси снова провела пальцами по струнам.

— Он еще спит внизу, — сказала она. — Я не уверена, что имею право его разбудить. Но, может, попробовать?

— Спустись и разбуди его, — проговорил кто-то раздраженным мыслеголосом. — Мы ждем уже слишком долго. Позови его, Тси!

Тси улыбнулась.

— Его гости уже должны быть здесь, — зловеще сказала она. — Да, я пойду и разбужу Бранна. — Она положила арфу на ступени и поднялась.

И тут же Миллер почувствовал скачок энергии, внезапно ворвавшийся к нему в голову с ослепляющей силой. На мгновение он был ошеломлен ею, полноводной рекой вливавшейся к нему...

Робот, скрывавший их от взглядов присутствующих, внезапно взмыл с пола, как облако, проплыл над головами ошеломленных зрителей и остановился над возвышением, у которого стояла Тси.

Миллер вдруг понял, что это сделал Ллези, понял еще до того, как в его голове зазвучал тихий голос:

– В конце концов, это лучший путь. Атака. Нападение. Ты был прав, Миллер. А теперь гляди.

И робот вспыхнул чистым пламенем. Какой-то частичкой своего разума Миллер понял, что робот, очевидно, был деактивирован по выполнении своей миссии, и любой, кто сумеет перехватить управление, может делать с ним все, что захочет. И Ллези принял решение уничтожить его самым захватывающим способом, какой только сумел придумать.

Из горящего облака выпал куб Силы, в котором все с тем же медлительным равнодушием поворачивался поющий ореол, и ударился о ступени у самых ног Тси. Ударился – и отскочил, расколов белый мрамор от пола до потолка. Тси покачнулась.

ГРОХОТ НАПОЛНИЛ своды зала, отражаясь от стен постепенно замирающим эхом, но возвышение еще продолжало трястись.

Тси восстановила равновесие, перешагнула через разбитые ступени, поднялась на возвышение и глянула прямо туда, в альков, где стояли Миллер и Орель.

Она была потрясена, но не утратила достоинства.

– Сестра! – сказала она. – Добро пожаловать в замок Бранна. Мне позвать его, чтобы он поприветствовал тебя?

И Орель ответила таким же сильным, уверенным мыслеголосом:

– Тси, сестра, делай то, что считаешь лучшим. Может, действительно для нас всех будет лучше, если ты позовешь Бранна?

Женщина на возвышении заколебалась. Миллер заметил, что уверенность в мыслеголосе Орель немного потрясла ее. Теперь он понял, что имела в виду Орель, когда сказала, что может справиться с Тси.

Старшая сестра говорила с младшей властным тоном, напоминая о том, кто из них был главной в прошлом. Но Тси не являлась злом, подумал Миллер. Злом был Бранн. Тси же была просто слаба, и, возможно, ее слабость еще сослужит им хорошую службу.

– Я думаю, Орель, может... – неуверенно начала она, но ее заглушил поднявшийся в зале шквал голосов, напомнивший Миллеру крики зрителей в цирке древнего Рима, требовавших крови.

— Бранн, Бранн! — завывали голоса. — Разбуди Бранна! Пойди скажи ему, что пора встречать гостей! Бранн, просыпайся! Бранн, Бранн, ты слышишь нас?

Еще секунду Тси колебалась. Миллер чувствовал отчаянный поток мыслеречи, льющийся из стоящей рядом Орель, но шум в зале заглушал и ее. Она не могла пробиться к сестре. Внезапно Тси развернулась, закрыв руками лицо и пошла, спотыкаясь, по возвышению.

Полосы занавеса, свисающие с потолка чуть ли не на пятьдесят метров, задрожали по всей своей темной длине, когда она на мгновение откинула их и исчезла в шатре, а занавес тут же сомкнулся за ней.

Наступила мертвая тишина.

— Идемте, — тихонько сказал Миллер Орель и, схватив ее за руку, шагнул вперед.

Он понятия не имел, что нужно делать, но раз уж пришел сюда, чтобы напасть, так не стоит ждать, пока Бранн первым сделает ход и займет трон.

Головы всех присутствующих повернулись, глядя, как они идут по залу. Никто не сделал ни единого движения, чтобы преградить им путь, но нетерпеливые взгляды наблюдали за каждым их шагом. Эти зрители, мрачно подумал Миллер, такими же глазами наблюдали бы за ужасными «экспериментами» Бранна над ним, если бы он не сбежал из замка с помощью Тси. И эти зрители еще могут все увидеть, если он проиграет.

Ллези молчал в его голове, словно чего-то ждал. Они уже подошли к ступенькам, когда занавес на помосте шевельнулся, словно дыхание ветра пронеслось по залу. И из-за занавеса послышался слабый голос Тси.

— погоди, Бранн... Ты не должен...

Но тут, заглушая ее протест, раздался другой, ясный голос. И Миллер тут же узнал его, он уже слышал мыслеголос Бранна, и почувствовал, как холодок бежит по позвоночнику, парализуя все его мышцы. Это был ужасный голос, вызывавший образ ужасного человека.

— Бранн, выходи! — сурово сказал в ответ Миллер. — Выходи, если ты не боишься нас!

И за его спиной в зале эти слова повторили два-три голоса:

— Выходите, Бранн! Дайте посмотреть на вас! Вы же не боитесь, Бранн — так выходите!

Миллер понял, что любопытство работает даже здесь, в цитадели Бранна, и еще понял, что Бранн никогда не показывал свое лицо даже собственным придворным. И от этого он стал более уве-

ренным. Раз уж Бранн прилагает такие усилия, чтобы скрываться, значит, у него есть слабые места, которыми можно воспользоваться.

— Вот Сила, которую ты так стремишься получить, Бранн, — продолжал Миллер. — Мы немного повредили твой помост, но она тут. Посмеешь ли ты выйти и глянуть на нее?

Бранн ничего не сказал, лишь его тонкий, сардонический смешок пронесся по залу.

Миллер почувствовал, что его нервы натянуты, точно струны.

— Ладно, — сказал он примиряющим голосом, — тогда я приду сам и выведу тебя на свет.

И он шагнул на первую ступеньку.

Воздух в зале, казалось, завибрировал от волнения и ожидания. Ллеси по-прежнему молчал. Орель успокоительно пожала пальцы Миллера. Он сделал второй шаг и протянул свободную руку к занавесу...

Раздался громкий, пронзительный скрежет камня о камень, и ступенька под его ногами покачнулась. А затем Миллер почувствовал, что куда-то летит.

Вокруг вращались стены. Пол накренился, готовый принять удар его тела, но Миллер не ударился об него. Какая-то сила мягко, но властно перевернула его и поставила на пол, ошеломленного, но невредимого.

Мраморный блок ступени лежал на полу. *Снова телепортация*, понял Миллер. Бранн перенес ступень, на которую он встал, чтобы не дать ему дотронуться до занавеса. А кто-то другой, — Ллеси или Орель — телепортировали его в целости и сохранности.

Холодный, ясный смех Бранна пронесся по халу. Он по-прежнему ничего не сказал, ни слова, только смеялся издевательским смешком. Бранн явно ждал... И Миллер каким-то образом почувствовал, как нетерпение влечет Бранна туда, где на разбитых ступенях по-прежнему вращался вокруг оси куб Силы.

Почти одновременно с Миллером Ллеси понял, что собирается сделать Бранн. Воздух вдруг начал становиться тяжелым — знакомо тяжелым... Это оружие Бранн уже однажды использовал, почти сокрушив воздухом Миллера.

Миллер почувствовал, как под этим сокрушительным натиском подгибаются колени. Воздух взревел вокруг него, висящий над возвышением занавес заколыхался и поднялся, когда по залу пронесся настоящий ураган. У Миллера дыхание сперло в груди от невыносимой тяжести. В ушах зазвенело, перед глазами поплыли красные круги. И сквозь звон прорвался небрежный смешок Бранна.

Но в мозгу Миллера внезапно потекла волна плотного пламени силы. Он почувствовал, как оно вырывается наружу и устремляется

к помосту, где находился Бранн. Но Миллер ничего не видел и не слышал под прессом невыносимой тяжести.

Однако, внезапно, сквозь глухоту и вой урагана в зале он услышал хруст расколовшегося мрамора. И давящая на него тяжесть немного уменьшилась. В глазах прояснилось, и он увидел у подножия помоста Бранна большой каменный блок с зазубренными краями, словно выдернутый из пола.

Миллер внезапно почувствовал себя свободным и прыгнул в воздух уже по собственной воле, устремившись к занавесу, за которым скрывался Бранн, и ему показалось, будто сам замок Бранна оскалился на него огромными каменными клыками. В голове Миллер чувствовал громадное сконцентрированное усилие телепортации Ллези, нейтрализующее давящую на Миллера тяжесть и неся его вперед.

Давление вдруг резко прекратилось. Так резко, что кровь отхлынула от мозга Миллера, и на миг зал перед глазами погрузился в красный туман. И в этот момент каменный блок взмыл с пола и понесся к Миллеру, и ему пришлось вместе с Ллези прилагать все усилия, чтобы остановить его силой мысли.

Бранн тут же воспользовался тем, что они отвлеклись, и в свою очередь метнул в Миллера каменный обломок.

Оба куса мрамора встретились на полпути и с оглушительным треском упали на помост и покатались по оставшимся еще целыми ступеням. Оказавшись внизу, они не остановились, а, подпрыгивая, покатались к диванам, где возлежали зрители.

Когда покатались большие мраморные блоки, приспешники Бранна истошно завопили, и зал наполнился эхом их криков.

Миллер снова ощутил в голове присутствие Ллези, и увидел, как огромный мраморный столб на другой стороне зала внезапно зашатался, по его основанию побежала трещина, и он величественно наклонился и рухнул на пол. Но не ударился, а остановился в воздухе, а потом, зазубренным концом вперед, полетел, точно чудовищное копые, к помосту.

Однако, он взял слишком высоко и врезался в балку, поддерживающую потолок. Раздался ужасный скрежет металла о камень, и сводчатая крыша не выдержала. Но падающие обломки не рухнули на пол, а дождем понеслись вперед и отклонили продолжающий лететь обломок колонны в сторону. И колонна, и обломки потолка рухнули вместе у самого подножия помоста Бранна.

Огромный зал был полон воплей разбегающихся людей и стонами раненых. Но все перекрыл ужасный грохот, когда тронный помост Бранна рухнул на пол.

Затем грохот стих, все, кто смог убежать, убежали. Половина полтка лежало в обломках на полу, а Миллер стоял, чувствуя, как кружится голова, и глядел на занавес, все еще трепещущий на ветру. На мгновение Бранн затих, словно собирая силы для следующей попытки.

— Моя сила перестала действовать, Миллер, — прошептал Ллези. — Я больше не могу сохранять ее. Я собираюсь попробовать последнее средство. Я хочу узнать, что скрывает Бранн. Помогите мне, если сможете — и наблюдайте!

На мгновение наступила тишина. Затем откуда-то издалека накатила дрожь, от которой затрясся занавес, накрывающий помост Бранна. Глухо застонал каменный потолок.

— *Нет!* — раздался мысленный вопль Бранна, когда блок, на котором крепился занавес, был вырван из гнезда и с грохотом упал на пол.

Сам же занавес падал гораздо медленнее. Материя дрожала в воздухе, словно дым, и внезапно разошлась в стороны.

Миллер видел, как Бранн пытается остановить ее падение. Невидимые силы его мысли, казалось, цеплялись за парящую в воздухе ткань, пытаясь ее удержать. Но с Бранном творилось что-то странное. Даже Миллер чувствовал это.

Он чувствовал, как что-то сжимается и растворяется, и это было гораздо хуже и ужаснее любого страха. Ллези внезапно окреп, а Орель смогла сделать вдох.

Словно дым, разошлись последние складки занавеса и упали на пол вправо и влево от помоста, похожие на длинную тень.

А на помосте стоял Бранн...

Фигура, терроризирующая так долго толпы людей, судорожно куталась в черный плащ, словно пыталась скрыть под ним свое тело. Лицо ее было искажено ужасной гримасой гнева и холодной усмешкой ненависти. Но это лицо все они не раз видели прежде.

Это было лицо Тси.

Она стояла с закрытыми глазами, ни на кого не глядела, не произнесла ни слова, даже не шевельнулась. И Миллер подумал, что, как Бранн, она, возможно, вообще никогда не открывала глаз. Возможно, в качестве Бранна, ее лицо вечно искажала гримаса холодной ненависти. Потому что теперь всем стало ясно — Тси безумна.

Шизофрения, машинально подумал Миллер. *Раздвоение личности*. Но он не получил ответной мысли от Орель и Ллези. Они застыли от ошеломленного изумления.

Тси повернула лицо с закрытыми глазами в сторону Орель и сказала холодным, высоким голосом Бранна:

– Теперь вы знаете истину. Вы увидели Бранна. Но прежде, чем я убью вас обоих, скажи мне, Орель, где Тси?

Миллер почувствовал, что его пробирает ледяная дрожь.

ГЛАВА VIII. *Всепоглощающий огонь*

И ТУТ ОН понял, что ни Орель, ни Ллези не могут помочь ему против Бранна. Он услышал их мысли – ошеломленные, изумленные, недоверчивые, делавшие их странно и жутко беспомощными. И Миллер подумал, что знает, почему.

Орель, Ллези и вся их раса считали себя совершенством разума. Никогда прежде в их истории не встречался такой случай помрачения ума. Их раса была слишком совершенна для этого. И вот теперь, при столкновении с ярким образцом шизофренического раздвоения личности, они оказались совершенно неспособными постигнуть его значение. Это было слишком чуждо им.

Никогда еще среди расы Орель не встречались безумцы.

Миллер послал Ллези информацию о психических заболеваниях – все смутные, запутанные сведения, которые он знал из психиатрии. Но Ллези не понял. Вместо этого он внезапно закрыл свой разум. И стоящая рядом с Миллером Орель тоже закрыла свои мысли, настолько отвратительно для расы, поклоняющейся совершенству разума, было понятие о безумии.

На помосте фигура с закрытыми глазами подалась вперед.

– Орель... – сказала она.

Выходит, Бранн не знал, что другая половина его разума принадлежала Тси. Естественно! Бранн и не мог знать, что является лишь половиной, ущербной частью раздвоенной личности. Но при этом и Тси не знала, что Бранн является частью ее. Миллер понял, что никогда не узнает, какая странная деформация в унаследованных генах вызвала этот расщепление, но он и не стал думать об этом. Он шагнул вперед.

– Бранн! – позвал он.

– Итак, ты вернулся, – донесся до него холодный мыслеголос. – Ну что ж, машина, которую я использовал, вместо того, чтобы уничтожить Ллези, перенесла его разум в тебя, но я быстро это исправлю. Что же касается тебя самого... – И Миллер услышал тонкий, издевательский смешок Бранна.

Он почувствовал, как капли пота стекают по лбу.

– Подожди, – быстро сказал он. – Я могу сказать тебе, где Тси.

– Где? *Где она?*

– Ты...

Разум на помосте мгновенно закрылся от его мыслей. Бранн не мог позволить себе услышать истину. Просто не мог.

— Ну? Отвечай же мне? — сказал он.

Встревоженные, ничего не понимающие, Орель и Ллези прислушивались к их мысленному диалогу. И внезапно Миллер понял, что нужно делать. Он расстегнул и снял с руки часы. Орель вернула их ему, предварительно обезвредив смертоносную машину молний. Как часы, они были уже бесполезны, но Миллер просто привык носить их на руке.

— Возьми их, — сказал он.

Бранн-Тси ждала.

— Они уже не опасны, — настаивал Миллер. — Разве ты не можешь понять это?

— Это какой-то трюк. Ты не знаешь ничего из того, что хочу узнать я. Так почему я должен напрасно тратить на тебя время?

— Если хочешь найти Тси, — сказал Миллер, — ты должен взять эту вещь. Если, конечно, не боишься ее отыскать.

Часы вырвались из его руки, поблескивая, перелетели на помост и оказались на руке Бранна. Миллер глубоко вздохнул.

— Поверни их. Вот так. Поднеси к лицу. Так. А теперь... открой глаза.

— Мои глаза не откроются.

— Открой их!

— Они никогда не открываются.

В тишине была слышна мелодия сфер Силы. Миллер внезапно почувствовал, как Орель шагнула к нему.

— Если ты откроешь глаза, то найдешь Тси.

И броня была пробита. Это единственное, что могло проникнуть в безумный полуразум Бранна. Бледные слепые веки дрогнули... Медленно, очень медленно поднялись длинные ресницы...

Глаза Бранна уставились на полированный корпус часов. И в этом крошечном зеркале Бранн увидел лицо... Тси!

Тси, испуганными глазами смотревшая на Бранна!

И ничем уже нельзя было защититься от лавины мыслей, взревшей в нестойком, дрогнувшем разуме — в двух разумах, — находившихся в одном теле. В теле Тси! И впервые Тси увидела свое лицо, искаженное ужасной гримасой холодной ненависти ко всему миру, навечно отштампованную в облике Бранна.

И Миллер почувствовал жалость. Это был основной принцип психической терапии — заставить пациента прямо взглянуть на проблему. Но ни у одного еще человека-шизофреника половинки раздвоенной личности не расходились так далеко друг от друга.

Потому что у обычного человеческого мозга есть автоматическая защита против такого расхождения.

Но Тси принадлежала к иной расе — к расе с чрезвычайно развитым разумом. Она была ущербна еще до рождения, но долгое время ее безумие оставалось скрытым, а ум, тем не менее, был достаточно мощным, чтобы воспринять теперь отвратительную, невероятную истину.

Она никогда не была такой злой, как Бранн — слабой, да, но неспособной на холодную жестокость своего «альтер эго».

И в этот грозный миг длиной в вечность оба разума, оба проявления добра и зла, связались в чудовищный узел в одном теле и одном мозге. И тишина взорвалась ревом.

Рука с силой отбросила импровизированное зеркало. Лицо Тси развернулось, и ее безумные, дикие, перепуганные глаза встретились со взглядом Миллера... И Миллер прочел в них разрушение. Две личности одновременно глянули на него из этих глаз, и Миллер вспомнил, как услышал мысленный разговор Тси и Бранна в тот момент, когда очнулся в этом невероятном мире.

Но тогда они еще не знали истину. Тогда раздвоенная личность беседовала сама с собой, добро и зло, спорящие и не предполагающие, что находятся в одном мозге. Но теперь-то они знали. В какой-то момент в прошлом зло, свойственное Тси, стало провоцировать сражение с ее же добром — и высвободилось из-под управления ее рассудка. Оно назвало себя новым именем, сменило пол на мужской, чтобы еще лучше замаскировать себя, и стало таким сильным, что даже Тси уже не могла справиться с ним.

Бранн был отвратителен Тси. И Бранн знал, что Тси самостоятельная, что он не может управлять ею. И вот теперь раздвоенная личность с безумной, разрушительной мощностью ударила по сознанию Миллера.

— Ты принес мне поражение! — завопил в нем двойной голос. — Ты разрушил мой замок и мою жизнь! Ты должен умереть, а вместе с тобой и вся твоя раса!

Миллер не мог уже отвести глаз от ужасного взгляда безумца. А эти глаза все росли и ширились, засасывая его в темноту, где кружилось безумие двух умов, неся на своих ужасных крылах его собственное здравомыслие...

Миллер уже не видел Орель, но услышал ее стон, полный безмерного ужаса.

— Я могу... помочь тебе, — донеслось к нему словно издалека. — Но я не могу бороться... с ними обоими... Ллеси... Ллеси, где ты?

Мгновение не было никакого ответа. Безумная двойная личность обхватила Миллера с двух сторон и потащила его в проти-

воположных направлениях. Ни чей разум не мог бы противостоять удвоенной силе расщепленной, безумной личности...

Но внезапно Миллер оказался не один. Откуда-то из темноты появился разум Ллези, неосязаемый, но сильный, словно он подставил Миллеру плечо и обнял его, защищая от водоворота, тянущего на дно безумия.

Вероятно, ни один разум не мог бы в одиночку противостоять расщепленной личности Бранна-Тси. Но в теле Миллера тоже находилось два разума — его собственный и разум Ллези. Они быстро учились сотрудничать. И уже могли бороться вдвоем...

Раздался безмолвный вопль Бранна — высокий, тонкий, яростно-сладостный. Удары с обеих сторон удвоились. Но теперь их встречали два разума. Миллер сделал глубокий вдох и принялся сопротивляться водовороту, утягивающему его в темноту. Одновременно он чувствовал сопротивление разума Ллези, борющегося плечом к плечу с ним.

Бесконечно долгий миг вихрь держал их обоих. В ревущей тишине, где бродило и бредило безумие, ни одна из сторон, казалось, не могла сломить другую. Баланс нападения и защиты, казалось, был установлен навечно.

Tsi plunged down the steps toward the crystal block, where the halo of the Power burned in its singing silence (CHAP. VIII)

Но затем безумный вопль дошел до пика, где его уже не мог вынести ни один нормальный разум. И...

Фигура, кутавшаяся в плащ, по-прежнему стояла на помосте. Но темнота отпрянула, и Миллер снова обрел способность видеть. Он увидел, как темный плащ распахнулся, открывая радужную одежду Тси, когда она стронулась с места и пошла по ступеням к кубу, в котором под музыку сфер по-прежнему вращался ореол Силы.

Молния мысли протянулась от нее к этому ореолу. Эта мысль прорезала неподвижность зала. И мысль была смертью. Тси и Бранн больше не могли сосуществовать в одном теле, зная друг о друге. И им не оставалось никакого другого выхода, кроме смерти.

И в ответ на эту молнию-мысль ударила другая, белая молния из куба. Ударил, вспыхнула и поглотила и Бранна, и Тси.

Пару секунд еще висело в воздухе мерцание на том месте, где только что были две личности в одном теле. А затем — пустота...

ГЛАВА IX. *Золото фей*

МИЛЛЕР СТОЯЛ на разбитых мраморных ступенях, обхватив руками голову. Он понятия не имел, сколько прошло времени, когда рука Орель коснулась его плеча. Орель слегка улыбалась, но глаза ее были печальными.

— С тобой все в порядке? — спросила она. — Теперь ты в безопасности. Мы все в безопасности — благодаря тебе. Я очень рада, что не знаю твой мир, раз ты можешь понять такой ужас, как безумие. Но я также рада, что ты его понял... для нашей пользы. Ты спас нас, Миллер. И теперь можешь потребовать вознаграждение.

Миллер глянул на нее, в голове у него вертелась мысль, что он, вероятно, еще не отошел от шока и вряд ли может адекватно относиться к действительности. Но затем его взгляд перешел на кристаллический куб Силы.

Улыбка Орель стала печальной.

— Да, — сказала она, — мы можем сделать для тебя дубликат, если ты хочешь, но это будет впустую потраченное усилие.

Миллер непонимающе уставился на нее. Затем на разрушенную стену и прекрасный яркий день снаружи. Какие-то новые понятия расцветали в нем, и он увидел в этом солнечном свете цвета, звуки и сияние, которое невозможно описать никакими словами.

Воздух мягкой ладонью гладил его по щеке, мягкий, как бархат, и более сладостный, чем любые духи. Миллер почувствовал, как на самой периферии зрения перемещаются какие-то смутные виде-

ния, словно там был целый неизвестный доселе материальный мир, который сейчас медленно открывается его глазам.

И внезапно Миллер рассмеялся.

— Я понял, что вы имеете в виду, — сказал он. — Как же я был глуп, что не понимал этого до сих пор. Конечно, мне не нужен дубликат Силы. Зачем он мне? Ведь я не вернусь к Слейду. Да я был бы окончательным психом, если бы покинул ваш рай. А зачем мне этот дубликат, раз я остаюсь здесь навсегда!

Но Орель только покачала прекрасной головой. Глаза ее были преисполнены печали. Она начала тихонько говорить, и мыслеголос Ллези, такой же мягкий в глубине его сознания, заговорил в унисон с нею.

Так они тихонько открыли ему истину.

* * *

— **ЗНАЧИТ, ТЕПЕРЬ** ты знаешь, что это было золото фей; — сказал бельгиец, двигая бутылку через стол. — Ну, я, наверное, говорил не убедительно. Так что тебе пришлось испытать все это самому.

Миллер ни на что не глядел.

Ван Хорнанг глянул на огонь, вздрогнул и протянул толстый палец к мутному кубу, стоявшему на столе между ними.

— Пей, — сказал он.

Миллер медленно повиновался. Повисла долгая тишина.

— Значит, это по-прежнему там? Замки, и замечательные люди и... краски, цвета? Все еще там? Цвета... Прежде я был художником. Я думал, что цвета имеют для меня значение больше всего на свете. Но там было столько цветов, о существовании которых мы и не подозреваем...

— Орель сказала мне, — тупо произнес Миллер. — Но я ей не поверил. Я не хотел верить.

— Существуют легенды, Миллер, — сказал Ван Хорнанг — Мы с тобой не первые. И не последние. Всегда существовали истории о людях, которые побывали в Раю... и вернулись оттуда. Я не ученый. Я не могу объяснить, почему и как...

Миллер взглянул на него, и глаза его чуть прояснились.

— Это как нестабильная смесь, — сказал он. — Видишь ли, все дело в изменении атомов. Это происходит на Тропе. Обычное строение атомов твоего тела становится чем-то иным. И когда вы изменяетесь, то обретаете способность общаться без слов.

— Знаю, — сказал бельгиец. — Но теперь у меня нет этой способности. Не было прежде и никогда не будет после.

— Но ведь когда-нибудь появится?..

— Мы на какое-то время стали подобны богам, — очень тихо сказал Ван Хорнанг. — Мы вкусили пищу богов. Как же мы можем думать, что после этого нам будет по-прежнему нравиться еда смертных?

Миллер молча кивнул. Возвращение в Старый Свет и возможность продолжать жить по-прежнему казались ему теперь бессмыслицей, словно возвращение к слепоте после того, как видел мир, более яркий и красочный, чем наш. Он уже испытал это в замке Орель, когда они искали, пользуясь своим новым зрением, оружие, о котором он представления не имел. Все это была иллюзия и предвкушение смерти в той жизни, которой он вынужден жить теперь, жить вплоть до самой смерти, как жил несчастный бельгиец.

Он вспомнил, как вокруг него начал таять прекрасный мир, вспомнил преисполненное жалости лицо Орель, становившееся похожим на призрак, вспомнил стеклянные стены ее замка, превращающиеся в туман, и неописуемо прекрасные цветы из ее сада, названия которых он так и не узнал, тающие в тускнеющем небе, когда вокруг вновь возникали вздымающиеся к небу заснеженные пики гор.

Это было чуть позже поражения Бранна, когда он наслаждался последними днями жизни в Раю. Миллер отказывался признавать, что скоро все это закончится. Он закрыл свой разум на нестабильность своих изменений, на то, что он сам являлся изотопом, созданным временным сдвигом радиоактивных атомов, чтобы, когда до конца освободится квантовая энергия, атомарный образец вернулся к своему исходному состоянию. И в один ужасный, неуловимый миг, когда он уже и не думал обо всем этом, прекрасный мир Высоты Семьсот получил добавочную энергию и исчез.

Единственным, что осталось у Миллера, был небольшой кубик, сделанный для него Ллези, с Силой внутри, медленно вращавшейся под музыку сфер. И когда замок исчез, и не осталось вокруг ничего, кроме вечных льдов, Миллер медленно стал спускаться по склону, обходя те места, где, как он помнил, были клумбы с прекрасными цветами, которых он уже не мог увидеть. Но теперь лед и снег вокруг казались ему иллюзией — а настоящей реальной жизнью был исчезнувший мир вечного лета.

Спускаясь по склону, Миллер то и дело доставал кубик и смотрел на него. Спустя какое-то время кубик начал темнеть, а пение небесных сфер становилось все более слабым. Когда же Миллер спустился в долину, кубик совсем перестал светиться. Он стал просто нерадиоактивным материалом, инертным, мертвым и бесполезным. Золото фей, как говорилось в легендах, сверкает в ваших

руках, когда его кладут туда бессмертные... Но когда вы возвращаетесь, оно превращается в камешки и сухие листья.

— И что ты будешь делать теперь? — спросил Ван Хорнанг.

Миллер пожал плечами.

— А стоит ли что-нибудь делать?

— По мне, так нет. Если уж ты увидел те краски и мыслил на полную катушку, то в нашем нижнем мире для тебя уже нет ничего, стоящего потраченных усилий. Оставайся со мной, если хочешь. Все это уже неважно.

За спиной Миллера бесшумно открылась дверь. В комнату вошел Слейд. При виде Миллера у него слегка отпала челюсть.

— *Миллер!* Что с вами? Когда вы вернулись?

— Только что.

— Вы нашли его?

— Нашел что? — тупо сказал Миллер.

— Источник энергии, черт побери!

Слейд придвинул свое лицо совсем близко к лицу Миллера, зрачки его бешено сужались и расширялись, тонкие губы были плотно сжаты. При виде его Миллер внезапно вспомнил Бранна. Та же безответственная жажда власти, опасная, вечно голодная, отвергающая всякую дисциплину, отвергающая все, кроме собственных желаний и прихотей.

И Миллер внезапно порадовался, что Слейд никогда не сможет воспользоваться Силой. С ее помощью он причинил бы всем столько вреда, сколько лишь смог бы придумать его извращенный, больной разум. Вооруженный такой штукой, как Сила, он мог бы...

— Я оставил его там, где нашел, — безучастно сказал Миллер. — На Высоте.

— Как мы можем забрать ее? — рявкнул Слейд. — Послать экспедицию.

— Ты должен пойти за ней сам, — проговорил Миллер, пока в его голове медленно формировалась одна идея. — Ищи красную тропинку у подножия утеса, — насмешливо продолжал он. — Иди по ней. Иди, и тебе не составит труда найти источник энергии. Это все, что я могу сказать. Мы закончили, Слейд. Иди.

Больше он не сказал ни слова, хотя целых десять минут Слейд осыпал его попеременно угрозами и заманчивыми обещаниями. Наконец, Слейд ушел. Миллер криво усмехнулся бельгийцу.

— А ведь он пойдет. Его ничто не удержит. И ты знаешь, что произойдет тогда.

— То же, что произошло и с нами. Но... зачем ты отправил его туда?

Миллер взглянул в окно на заснеженный конус Высоты Семьсот, белой и пустой на фоне тусклого неба.

— Прежде я ненавидел Слейда, — сказал он. — Не имеет значение, почему. Но там, где появляются такие, как Слейд, вместе с ними приходит жестокость, боль и страдание. Я могу, по меньшей мере, спасти парочку-другую людей от того, через что прошел сам. Пусть лучше идет сам Слейд. Он вернется таким же, как мы. Что же касается Силы... да, она как золото фей...

— ...и по сравнению с ее Властью и сиянием Славы вы хуже слепых, — тихо добавил бельгиец.

— Власть и Слава, — кивнул Миллер. — Ты прав. Когда-нибудь наша раса сумеет получить их. Но это еще нужно заслужить.

И он потянулся к бутылке.

*The power and the glory, (Thrilling Wonder Stories, 1947 № 12), пер.
Андрей Бурцев*

UNKNOWN

25¢

FEB • 1942

FANTASY FICTION

Worlds

THE UNDESIRABLE PRINCESS . . . by L. Sprague de Camp

She was Good, Beautiful, and Intelligent—in all good princesses should be. But because she was a princess of a world of Aristocratic logic, where a thing is either 100% true or 100% false—she gave the hero a severe case of inferiority complex. When she was good and intelligent, she was most frightfully good and ~~and frightfully~~ intelligent—

DESIGN FOR DREAMING . . . by H. H. Rothman

Concerning the Hollywood script writer who, seeking a vacation, got mixed up in his destination: Instead of the Elysian Fields, he wound up in what ~~was~~ ^{seems} ~~partially~~ ^{partially}—for him at least—Hell. He got into the blizzards of the dream script writers, writing scenarios for all the world's dreamers—

ETAOIN SHRDLU by Fredric Brown

The little man from Somewhere wanted to use a linotype machine for a little while—just long enough to set up certain special ~~things~~ ^{things}. But when he'd finished setting that up—the linotype had a will of its own, an unstoppable, terrific urge to set type endlessly—

HE DIDN'T LIKE CATS . . . by L. Ron Hubbard

The small man had one large aversion—cats. A mossy little fellow ordinarily, with a thorough and vicious pleasure he murdered one large and ownerless alley cat. The cat, however, came back; it came back that night with an unfair advantage.

СЦЕНАРИЙ ДЛЯ СНА

Голливуд был всему причиной. Слишком много было этого чертова Голливуда. И в результате у сценариста Тимоти Макклина начались серьезные приступы психопатической трясучки. Его худое, напряженное лицо еще более заострилось, когда он курил сигареты одну за другой и трясся каждое утро, точно желе, пока добирался до своего офиса на территории «Саммит Студио».

Лечение напрашивалось само собой. Врач направил Макклина к психологу, который посоветовал отдых и смену обстановки. Сценарист крепко задумался, перелистал, слюнявя большой палец, толстую пачку листов готового сценария, и позвонил обозревательнице Бетси Гарднер. Никто в Голливуде никуда не уезжал, не уведомив об этом Бетси. Это было просто немыслимо.

— Привет, крысеныш, — жизнерадостно ответила эта достойная леди. — Что происходит? Ты пропустил прекрасную вечеринку вчера вечером в «Лагуне». Так что давай покороче, головоное, у меня сейчас жуткое похмелье.

— Да у меня кое-что похуже, — сказал Макклин. — Мне нужно сбегать от нервного срыва. Мой доктор велел мне немедленно делать ноги.

— Вот как? Это будет стоять тебе пару стаканчиков. Куда отправишься?

— Пока что не знаю. А у тебя есть какие-нибудь предложения?

— Есть одно, — медленно проговорила Бетси. — Но только не смейся. Тебе стоит сходить к Джерому Данну.

— А кто это такой?

— Ты что, Тим, последние несколько месяцев провел в спячке? Я, конечно, знаю, что о Данне не писали в газетах, но слухи-то о нем бегают толпами. Он тот парень, к которому ходит весь Голливуд. Он лечит все, от свинки до безответной любви.

— Что-что он делает? — спросил Макклин.

— Да маг он, — сказала Бетси. — Волшебник. Заткнись и слушай. Я не шучу. В этом парне что-то есть. Его любовные фильтры, например, в самом деле работают. — Она хихикнула, словно что-то вспомнила. — Фактически, на одного продюсера — не буду упоминать имен, — наложили проклятие. Он не знал об этом, но внезапно на него набросился сразу десяток болезней. Он... Я была знакома с одним из его режиссеров и направила того к Данну. Он пошел и... Дальше вообрази сам.

— Так в чем его фишка? — проворчал Макклин.

Бетси вздохнула.

— Ты все такой же скептик, да? О.К! Можешь не верить мне. Просто пойди, встреться с Данном, скажи, что тебя послала я, и сам увидишь, что произойдет. Но только не забудь чековую книжку. Вот его адрес. Удачи!

— Спасибо, — буркнул сценарист и положил трубку.

Потом потянулся было за бутылкой, но передумал и глянул на комнату. Вещи уже были собраны. Пора брать билет и ехать, куда глаза глядят. Ну, может...

Макклин сделал глоток. Он не хотел ехать куда глаза глядят. Разве что на Южные острова, где нет телефонной связи. Но перспектива все время следить за своим багажом во время поездки была не из приятных. Макклин хотел расслабиться. Мысли его помчались со скоростью истребителя. Он вдруг представил «Саммит Студио», эту специализированную голливудскую психушку...

ТЬФУ!

Ну, так как быть с Джеромом Данном? Разумеется, парень жулик, но, может, у него есть что-то в рукаве. Может, он гипнотизер? Гипноз мог бы помочь Макклину. Повинуясь внезапному импульсу, сценарист надел шляпу, спустился вниз, поймал такси и произнес адрес, который дала ему Бетси.

Через двадцать минут он уже поднимался по крутой гравийной дорожке у основания Голливудских Холмов к уютному белому бунгало, устроившемуся среди тисовых деревьев. Над кнопкой звонка висела табличка с красиво оформленной надписью: «Джером Данн, консультант-чародей». Палец Макклина устремился к кнопке, но замер на полпути. Макклин прислушался. В доме кто-то пел довольно немелодичным голосом:

Если хотите, чтобы ваш враг протянул ноги,
Если хотите богатого дядю убрать с дороги,
Не стоит вам пушку брать в магазине.
Скорей вызывайте нашего Джинна...

Макклин вспыхнул и решительно нажал кнопку. Дверь тут же распахнулась. На пороге стоял маленький толстячок с выдающимся острым носом, который слегка дрожал, словно в волнении. На мистере Данне был застиранный халат, изглоданные молью шлепанцы и горящая жадность в маленьких глазах.

— Клиент! — сказал он, тряся пухлыми щеками. — Входите же, входите! О, как чудесно! Значит, у меня скоро будет много денег!

DESIGN FOR DREAMING

By Henry Kuttner

● A Hollywood script writer has a tough time, nervously speaking. And when a magician sends him to the world where the scripts for dreams are written instead of to the Elysian Fields for a vacation—the imagination peddler has recourse!

Illustrated by M. Isip

— Кхм!.. — поперхнулся Макклин, застигнутый врасплох. Человек был не ортодоксальным даже для Голливуда. Но Данн уже схватил его за руку и перетащил через порог.

— Прекрасно, прекрасно! — счастливо булькал он. — Я люблю деньги. Вы ведь заплатите мне за услуги, не так ли? А вы не... не тунеядец? — его глазки-бусинки внезапно потемнели от подозрения. — У вас есть деньги? Отвечайте!

— Да, у меня есть деньги, — огрызнулся Макклин. — Но это еще не значит, что вы их получите. Это вы Джером Данн?

— Я? О, да! Я! Садитесь. Как замечательно быть волшебником. Я получаю так много денег... Вот сюда, пожалуйста!

Макклин осторожно сел на предложенный стул и осмотрелся. Комната была совершенно обычной. Гостиная, посреди стол с вазой матово поблескивающих фруктов, на стенах плохие картины — плохие в эстетическом смысле, с сожалением подумал Макклин, — ковер, лампы и разные там старинные безделушки. Все были изрядно засаленными.

— Да, — сказал Данн, — очень засаленное. Это все дым. Противный такой дым, который всегда возникает, когда вызывают демонов. Когда я вызываю! А потом частенько все идет не так, как надо. — Он вздохнул. — Но это не моя вина. Подумайте о чем-нибудь!

— Что? — уставился на него Макклин.

Данн прямо-таки залучился улыбкой.

— Нет, я не псих. Понимаете? Я могу прочитать ваши мысли. Я умный... я настоящий маг! А вы кто?

— Если уж вы такой великолепный маг, то должны сами знать это. Меня зовут Тимоти Макклин. Меня послала к вам Бетси Гарднер.

— Зачем?

Вместо ответа Макклин достал медицинское заключение, рентгеновские снимки, в общем, всю пачку бумаг и протянул Данну, который с интересом воткнул в них свой выдающийся нос.

— Угу, понятно. Неврозы... — пробурчал он. — И еще...

— Вы разбираетесь в гипнозе?

— Замечательно, — твердо ответил Данн. — Но...

— Никаких но! Это все, в чем я нуждаюсь. Мне нужно что-то, чтобы успокоить мой ум... чтобы заставить меня хоть на время забыть об этой свистопляске, окружающей... Все время под кого-то подлаживаться, платить по кредитам, ублажать режиссеров и этих проклятых продюсеров. Я сыт всем этим по горло. Я... Мне нужен отдых. Когда я приехал в Голливуд, то мечтал разбогатеть. И я разбогател. Но сейчас схожу с ума. Вы когда-нибудь бывали в киностудии, Данн?

Маг помотал головой.

— Мне о них рассказывали. В чем вы нуждаетесь, Макклин, так это в напитке...

— Да я уже пробовал...

— Леты.

— Никогда не пробовал *такого*, — сказал Макклин. — Но... как там?

— Лета, — пояснил Данн. — Вода Забвения. Конечно, много ее пить не стоит. Пару глоточков время от времени. Вода успокоит вас... У вас больше не будет проблем с нервами. Понимаете?

— Ладно, попробую разок, — устало согласился Макклин. — Сколько стоит литр?

— Вам придется отправиться за ней самому, — сказал Данн. — Видите ли, воду Леты нельзя так просто черпать из греческого Гадеса, сколько душе угодно. Они там очень строги с этим. Лета, знаете ли, это река. Она течет мимо Райских Полей. Я бывал там. Хорошее местечко, но довольно-таки мертвое... Шучу-шучу, — поспешно добавил он. — Улавливаете идею?

— Нет, — слегка смущенно ответил Макклин.

— Вы же хотели отправиться в путешествие — ну, так я предлагаю вам совершенно бесплатную экскурсию. Вы должны будете пойти и добыть Лету сами. Я могу отправить вас в Райские Поля, и как только вы окажетесь там, то сразу же успокоитесь. Пейте напиток Леты всякий раз, как вам захочется, а потом, отдохнув, вернетесь на Землю. Это ведь просто, не так ли?

— Конечно. Конечно. Но давайте теперь ближе к делу. Что...

Данн вскочил, порывлся в шкаф и вернулся с двумя маленькими рулонами пергамента.

— Вот ваши билеты. По одному отправитесь в Райские Поля, по другому — вернетесь обратно. Излечение гарантирую. Но я не скажу вам, как использовать билеты, пока вы не выпишете мне чек. Пять тысяч долларов, пожалуйста. На имя Джерома Данна...

Макклин выписал чек, недоумевая, зачем делает это. Этот нервный человечек походил на мага не больше, чем дешевый виски на дорожный французский коньяк. Но, может, Данну все же удастся его вылечить? Волшебства, разумеется, не существует, но... наверное, все это психологическая подготовка к сеансу гипноза. А, кроме того, подумал Макклин, я датирую чек несколькими днями позже. Просто на всякий случай. Во избежание всяческих неприятностей.

Данн ничего не заметил. Он схватил чек, полюбовался им и практически даже облизал. Затем сунул его в свой просторный бумажник и счастливо вздохнул.

— А теперь сожгите один из билетов, — сказал он. — А другой сохраните. Только не потеряйте. Когда захотите вернуться, вам будет достаточно просто сжечь его. Все просто, не так ли?

— Просто, — кивнул Макклин и поглядел на два рулона пергамента. Потом развернул один из рулонов и увидел, что внутри он покрыт загадочными иероглифами, написанными красными чернилами.

— Ну же, давайте, сжигайте, — сказал Данн. — У вас есть зажигалка?

Макклин кивнул, щелкнул зажигалкой и поднес ее пламя к одному из пергаментов. Тот моментально зашипел и растаял у него в руке, выпустив густое облако сального, черного дыма. Макклин выругался, подпрыгнул и помахал обожженной рукой. Затем неистово закашлял, глаза его защипало. Дым был таким густым, что он уже не видел Данна, сидящего напротив.

Постепенно дым рассеялся. Макклин осторожно приоткрыл глаза, но тут же зажмурился и потряс головой. Гипноз. Значит, вот оно как!.. Не может же он на самом деле стоять посреди комнаты, где все вокруг как-то странно *плывет и меняется*...

— Привет! — раздался чей-то пронзительный голос. — Новенький, да? Где телефон? Прочисть свои уши, Снудль, где он?

— Да здесь же, Броскоп, — ответил более низкий голос. — Вон за канделябрами. А из какого он мира? Могу держать пари, с Марса или Валгаллы.

Макклин осторожно приоткрыл глаза. Он был в офисе. Правда, не совсем обычном офисе, потому что здесь все плавало в воздухе. Тяжелый стол из красного дерева парил где-то под потолком, стулья мотались по всему помещению. Ковер был похож на нечто из «Тысячи и одной ночи». И два обитателя помещения тоже плавали в воздухе.

Один из них был маленьким зеленым человечком с остроконечными ушами и без всякой одежды. Другой же смахивал на водяного, с жабрами, зелеными, как сорняки, волосами и коническим рыбьим хвостом.

— Чрезвычайное положение, — говорил зеленый человечек в телефон чуть меньше его самого. — Да не волнует меня это! Значит, они все в... Я *сам* послал их туда? О.К! Будем. А что ты делаешь нынче вечером, блондиночка?.. — Он положил трубку и вздохнул. — Одна из девочек королевы Мэб. Я мог бы, конечно, приступить к ней...

— Лучше бы ты приступил к работе, — проворчал водяной. — К четырем часам эта греза должна пройти цензуру. Это суперспециальное предложение.

— Греза? — ухватился за знакомое слово Макклин. — Вот именно! Я просто грежу! Надеюсь, мне это не повредит.

Он ухватился за проплывающий мимо стул и закувыркался в воздухе. Когда же сумел остановиться, то водяной подплыл и завис напротив него.

— Остынь, — посоветовал он. — Никакая это еще не греза. Это просто то место, где делают грезы. Через некоторое время ты здесь пообвыкнешься.

— Я... что?

— Меня зовут Броскоп, — сказал зеленый человечек. — Я лепрекон. А это Снудль, русал. Тоже работает здесь. А тебя зовут...

— Тимоти Макклин, — машинально представился Макклин. — Все в порядке. Я просто окончательно спятил. Так и должно быть... А здесь что, все время так все плавает?

Броскоп пронзительно рассмеялся.

— Разумеется, нет. Просто мы входили в настроение для парящей грезы. Мы работаем над невесомостью... Первый показ состоится на Юпитере. А где будет второй, даже и не знаю! Вот!

Он подплыл к стене, неторопливо нажал несколько кнопок, и вся мебель опустилась на пол более-менее на свои места. Так же как Макклин и два его странных собеседника. Водяной тут же устроился на странном стуле, сконструированном так, чтобы было удобно его хвосту. Броскоп же взгромоздился на край стола.

— Садись и успокойся, — сказал он. — Ты здесь новичок, а привыкать всегда трудно. Но погоди, вот увидишь нашего режиссера! Он быстренько вправит тебе мозги.

— Он суров с новичками, — прогудел водяной.

Броскоп кивнул.

— А, да, на этой неделе ведь Старый Брюзга! С ним не договоришься. Идем, Тимоти Макклин. Ты теперь как в армии.

— Н-но...

Лепрекон прыгнул со стола, схватил Макклина за палец и потащил к двери.

— Идем же! — ворчал он.

За дверью оказался ярко освещенный, почти пустой коридор.

— Я буду присматривать за тобой, парень, — вполголоса сказал маленький Броскоп. — Снудль просто диспепсик. У него дурной характер — как и у всех русалов. А теперь слушай, Тимоти Макклин. Сейчас ты пойдешь на встречу со Старым Брюзгой. Поддакивай ему. Ему нравятся те, кто всегда говорит «да». Я же потяну кое за какие ниточки, и тебя поставят работать над грезой вместе со мной. Так я и введу тебя в курс дел. Вот и пришли. Удачи.

Макклин вошел в гигантский кабинет. Дверь закрылась у него за спиной, отрезав Броскопа. Макклин остался один на один с несколькими акрами пустого, блестящего стола, за которым восседал джентльмен с рожками.

Старый Брюзга оказался отталкивающе жирным созданием с покрытой пластинами чешуи шкурой, как у аллигатора, бульдожьим лицом и двумя тупыми рожками, растущими на стандартных местах. Он треснул огромным кулаком по столу и проревел:

— Ты Тимоти Макклин! Сразу тебе заявляю, что я не могу понапрасну тратить время. Заткнись и слушай!

Макклин рассердился. Даже в безумном бреде у него были свои права. Он так и хотел сказать. Но Старый Брюзга не стал слушать.

— Ты получил назначение на производство грез. Так что слушай! Как ты думаешь, откуда появляются сны?

— Из подсознания, — машинально сказал Макклин.

Лицо Старого Брюзги стало слегка озадаченным.

— Ладно, — наконец, сказал он. — Но это не то, что вынимать кроликов из шляпы. Сны записываются, понял? У нас целая команда работников, занимающаяся их оформлением. Но нам вечно не хватает писателей. Мы же должны обеспечивать всю Вселенную, население которой постоянно растет. Поэтому работенки у нас хоть завались. Вот мы и рассылаем повсюду разведчиков, выискивающих новые таланты. Когда они находят такого перспективного, то регистрируют его в системе. Кто зарегистрировал в системе тебя? Бельфегор, занимающийся Землей в этом месяце, это ведь он, да?

— Это был он, — машинально поддакнул Макклин, но тут же поправился. — Я имею в виду, что это был не он. Никто не регистрировал меня в системе.

— Пытаешься увильнуть, а? У нас есть твоя надпись на контракте...

— Подпись...

— Заткнись! — бешено заорало сидящее за столом существо. — Не смей меня поправлять! Клянусь Кровью Каина, я отправлю тебя в Отдел Кошмаров! Просто запомни, Тимоти Макклин: ты здесь — винтик в большой машине. Просто винтик, только и всего. А я — твой босс. И будет так, как я говорю.

— Минутку, — прервал его Макклин. — Даже если это всего лишь сон, я хочу прямо сейчас прояснить несколько моментов. Никто никуда меня не регистрировал. Я ничего не подписывал, не знаю здешней структуры, да и знать не хочу.

— О, правый Сатана, — сбавил тон Старый Брюзга. — Говоришь, ты ничего не знаешь? Ну, так ты научись... непременно научись. А теперь запомни раз и навсегда. Это измерение для грезопроизводителей. Здесь производят сны для всех разумных существ во Вселенной. Бельфегор нашел тебя, зарегистрировал в системе. И вот ты здесь, так или иначе. А раз уж ты здесь, то будешь работать, как и все мы!

— Да говорю я вам, что не знаю никого по имени Бельфегор! — рявкнул Макклин. — Меня отправил сюда человек по имени Данн. Он...

— Ну?..

– Ну и... э-э... ничего.

Макклин устался на рулончик пергамента, который все еще стискивал в руке. Его обратный билет...

А что, если Данн *настоящий* маг? Что, если что-то пошло не так, как было задумано? И Макклин очутился не в том измерении вместо того, чтобы отправиться на Райские Поля.

Но билет в обратном направлении все еще находится у него! Макклин поспешно нашарил в кармане зажигалку. Но огонек не зажегся с первой попытки. А прежде, чем он успел попытаться второй раз, молния метнулась над столом и выхватила у него билет.

– Что это? – прорычал Старый Брюзга, рассматривая пергамент.
– Волшебство?

– Отдайте! – Макклин попытался выхватить у него пергамент, но босс длинной ручищей остановил его.

– Я так и думал, – кивнул Старый Брюзга. – Контракт с подписью. Сатана знает, что! Ну, что ж, правилам противоречит заниматься здесь магией. А ты научишься соблюдать правила, мистер Тимоти Макклин. – Сказав это, он смял пергамент в шар, затолкал в широко распахнувшийся рот и съел его в мгновение ока. – Простейший способ избавиться от ненужных контрактов, – невнятно прочавкал он. – Если хранить их... мрпл... то никогда не знаешь, что будет. А теперь иди работай, а не то я устрою тебе недельку отпуска в Аду.

Макклин тяжело дышал.

– Вы... Вы...

– Заткнись, понял? Я здесь босс, и я говорю, что делать. Понял?

– О'кей, – прошептал Макклин с пылающими глазами. – Но вы не можете так поступить со мной...

Старый Брюзга грубо расхохотался.

– И он еще рассуждает!

– Да. И я сломаю всю вашу жульническую систему. Я работал в Голивуде, мистер. И я хочу вам сказать – только погодите, и вы...

Зазвонил телефон и Старый Брюзга снял трубку.

– Да, я. Что-что? Вот как? Но суперспециальный заказ должен быть готов к нынешней ночи, Броскоп. Ты же не сможешь... Его? Ну, это другое дело, Конечно, я могу отдать тебе на какое-то время этого новичка. Ты получишь с ним кучу неприятностей, но у него могут быть какие-нибудь хорошие идеи... Ладно-ладно. – Старый Брюзга бросил трубку. – Броскоп хочет работать с тобой. Выметайся отсюда. У меня есть еще дела... Эта новая адская игра... но ты не слышал, что я сказал, понятно? Убирайся! Вон дверь!

Полный бессильной ярости, Макклин хотел что-то еще сказать, но тут появился Броскоп и вытащил его из кабинета. Сверкая глазами на Старого Брюзгу, Макклин последовал за Броскопом в коридор.

— Что там у вас произошло, Тим? — спросил лепрекон.

Макклин все рассказал, пока тот вел его по лабиринту коридоров мимо рядов закрытых дверей. Броскоп тряхнул гладкой, зеленой, точно грейпфрут, головой.

— Нельзя так разговаривать со Старым Брюзгой. Наказание за нарушение субординации только одно, но очень уж неприятное. Несколько дней в Аду.

— Вот черт! — простонал Макклин.

— Нет, они относятся совсем к другому измерению. Но там есть транспространственная служба.

— А на Землю случайно не ведет эта транспространственная служба?

— Нет. Ты застрял здесь надолго. Но если ты не хотел эту работу, то почему подписал контракт?

— Да ничего я не подписывал! — рявкнул Макклин. — Черт побери, я... Меня отправили не туда. Я должен был попасть в Райские Поля.

— Ну, это твоя версия, — с сомнением сказал лепрекон. — Ладно, вот наш офис. Не принимай близко к сердцу. Я буду помогать тебе, пока не привыкнешь. Давно не встречал я ирландцев. Ты ведь знаешь «Танец Керри» Моллоя?

— Конечно, — кивнул Макклин и пропел несколько нот, голос у него был не плохой.

Броскоп прямо-таки запрыгал от восторга.

— Ох, это делает для меня мир добрее! А теперь садись, я все объясню. Это будет твой кабинет. А мой — соседний. — Он кивнул на дверь.

Макклин сел в кресло за столом и огляделся. Из мебелировки, кроме стола и кресел, в комнате был один лишь диктофон. И, как он заметил, ни единого окна.

— И что я должен делать?

— Писать сны, — пояснил лепрекон. — Я вот в свое время, например, был самым великим менестрелем Маленького Народа. Поэтому и был зарегистрирован в системе. Здесь неплохая жизнь. Я делаю, главным образом, ирландские сны. А ты... Даже и не знаю. Работаем мы вот так. — Броскоп нажал кнопку диктофона. — Папка Агары Зохи, Санса, Ригель. Да, — он усмехнулся Макклину. — я должен написать для него грезу... мы, я имею в виду. Он по моей части. Мистический тип.

Крышка стола внезапно распахнулась и оттуда появилась стопка мелко исписанных карточек. Броскоп схватил ее.

— Вот смотри, — сказал он. — Мы заполняем досье на всех. Мы должны это делать, иначе люди видели бы неправильные сны. А этого не должно происходить. Мы должны писать сны, соответствующие психологии каждого конкретного клиента. А теперь посмотрим это досье. Агара Зохи. В детстве боялся темноты. Проверь это. Однажды был покусан *зоптангой*. Неудовлетворен своей работой. Он охотник. Ненавидит вышестоящего начальника... потому что тот пользуется мускусным одеколоном. Мы используем мускус в качестве лейтмотива грезы. Подсознательные желания... гм-м... Ну, ладно. Что еще? Хочет власти... Ну, все хотят этого. Ненавидит отца, но не осознает это. И что мы можем из этого сделать? — Броскоп коснулся кнопки диктофона, и восковый цилиндр начал вращаться. — Агара Зохи, приблизительные примечания. Гм-м... На его планете сейчас период жары. Начнем с Зохи в вулкане... Он... Есть, получил!.. Там много площадок, с ведущими в кратер лестницами. Это не трогать. Отключить лестничную структуру, цензоры все равно сократят этот эпизод. Заменить лестницы лифтом. Итак, Агара идет на стартовую площадку к лифту. Каждый камень, мимо которого он проходит, превращается в голову его отца. Он чувствует себя виноватым, как черт, но ничего не может с этим поделать. Может, вернуться, чтобы помочь своему старику? Но уже слишком поздно. Тим, достань мне с полки Юнга. А возле него Адлера. Нет, Фрейда не надо, он устарел. Его мы используем только на жителях Нью-Йорка. А теперь... — Броскоп повернулся к диктофону. — Где я остановился?.. Агара поднимается в лифте. Ощущает запах мускуса. Он задыхается. Что-то притаилось на крыше лифта. Это *зоптанга*! Да! А теперь все внезапно темнеет... А затем... затем... затем... — Лепреконе умолк и через секунду пождал плечами. — Для начала этого достаточно. Я оставлю тебя здесь. Осваивайся. Если понадобится, я в соседнем кабинете. — Он схватил цилиндр диктофона и унесся, покинув моргающего ему вслед ошеломленного Макклина.

Милосердные Небеса! Да это еще хуже, чем «Саммит Студио»! Какая омерзительно идеальная справедливость отправила Макклина именно сюда...

Он закрыл глаза и попытался думать. Джером Данн явно был настоящим магом. Но как... почему...

— В первую очередь, — тихонько сказал Макклин, — мне придется исходить из невозможной предпосылки. Волшебство! Данн отпра-

вил меня в Райские Поля, но где-то что-то закоротило, и я очутился здесь. А вот как это произошло?

Он прервал свои размышления, снял телефонную трубку и позвонил Старому Брюзге. Ждать ответа пришлось довольно долго.

— Это ты! — прорычал в трубке разъяренный голос Старого Брюзги. — Что, черт побери, на этот раз? Я занят! И если ты думаешь, что...

— Погодите, — сказал Макклин, стараясь, чтобы голос его звучал как можно любезнее. — Я просто хочу спросить у вас кое-что. Вы говорите, что я подписал контракт. Могу я взглянуть на него?

— Нет, не можешь! — завопил Старый Брюзга. — Мы не можем перерывать целую гору папок лишь для твоего удовольствия!

— Тогда можно сделать простейший вывод: никакого контракта не существует. Если бы он был, вы бы позволяли увидеть его и...

— Контракт *есть*! А вот тебя сейчас здесь не будет. Заткнись! Если я услышу от тебя хоть звук в течение недели, то заброшу тебя в Ад так быстро, что ты превратишься в хрустящий картофель, прежде чем окажешься там.

От его воплей чуть было не полопались барабанные перепонки Макклина. Весь кипя, он изрыгнул несколько жутких ругательств. Правда, про себя. И этот несправедливый тиран еще...

Минутку. Здесь Макклина повсюду преследуют неудачи, но в черных ее облаках вдруг блеснул лучик надежды. Макклин досконально знал голливудскую кухню. Если те же ниточки существуют и здесь, то у него есть шансы выпутаться из этой неразберихи. Хотя это и выглядит довольно-таки невероятным.

Он снова взялся за телефон.

— Алло? Мне нужно досье на Джерома Данна, Голливуд, Земля.

— Земля? Простите, сэр, но... О, вспомнил! Земля! Все верно!

Мгновение спустя стол открылся и из него снова вылезла пачка карточек. Макклин схватил ее нетерпеливыми пальцами.

«Джером Данн, родился 7 апреля 1896 года в Питсбурге...»

Далее последовала масса психологических сведений, которые Макклин пока что проигнорировал. Его интересовали практические. Неопровержимые факты. И он их отыскал.

«В 1938 году Данн продал свою душу Сатане в обмен на магические способности. Данн известен небрежным мастерством. У него отсутствует логическое мышление, необходимое опытному волшебнику. Фактически, он дилетант. Работает крайне небрежно: путает любовные напитки с голубой магией и тому подобное. Все его мысли заняты деньгами. Не имеет никакой ответственности, абсолютно безжалостен в жажде разбогатеть.

Макклин невесело усмехнулся. *Небрежность... Безответственная магия... Выходит, в конце концов, все это ошибка Данна!* У Макклина мелькнула дикая мысль о создании профсоюза магов и чародеев. Он стал жертвой мага, который плохо выполнил свою работу. Вместо того, чтобы отправиться в Райские Поля, Маклин попал в измерение грезопроизводителей. Но почему из всех мест именно сюда?

Безуспешно поразмыслив некоторое время, Маклин позвонил и затребовал информацию о магических заклинаниях. Пришлось долго объяснять, что ему нужно. Когда же, наконец, прибыла объемистая книга, он обнаружил, что из нее вырваны целые страницы, а многие абзацы замазаны черной краской. Естественно, это постаралась цензура. Ведь правила запрещают здесь производить волшебство.

Но в итоге Макклин обнаружил, что несколько разоблачающих абзацев ему достаточно, чтобы сложить мозаику. Существовало бесчисленное количество измерений, попасть в которые можно было посредством определенных заклиний. «Пергаментный свиток» был в списке перечисленных методов. Однако, если заклиние было составлено небрежно, использующий его человек мог попасть вовсе не к месту назначения. Он мог быть выброшен наугад в транспространственную область, а оттуда немедленно бы гравитировал в измерение, к которому у него было наиболее вероятное сродство. «Дьявол, вероятно, попал бы на Альфа Центавру, — говорилась в сноске. — Скупой попал бы в Гхель, а воин — в Валгаллу».

Макклин был писателем. Со всеми вытекающими...

— Это Ад! — яростно выплюнул он и стал думать, чем может ему пригодиться новая информация. Понемногу он стал чувствовать себя увереннее. Ему нужен был способ выбраться из этого невозможного мира.

И не было никакого пути отсюда, если... если только...

Глаза Макклина прояснились. Если вы полетите в пропасть, то станете звать на помощь. И звать станете того, у кого есть веревка.

Ну, так у одного человека, фигурально выражаясь, была такая веревка. У Джерома Данна, консультанта-чародея. Разумеется, он может слупить с Макклина непомерную сумму за спасение, но деньги не имели значения. Кроме того, как только Макклин вернется на Землю, то может все уладить по-своему. Он стиснул кулак и треснул себя по колену. Больно...

Но как передать сообщение Данну? Разумеется, не по телефону... Макклин хмуро уставился на разложенные на столе карточки.

«Джером Данн, родился 7 апреля 1896 года...»

Внезапно Макклин задохнулся от страха при собственной мысли. Конечно! Все так просто! Нужно лишь сделать для Данна сон, в котором он объяснит чародею возникшую накладку.

— Не пишите — грезьте наяву, — пробормотал Макклин известную цитату.

Лицо его сияло от счастья.

Он повернулся к диктофону и быстро заговорил в микрофон.

Спустя полчаса в кабинет вернулся Броскоп. Маленький лепреккон довольно склался.

— Все в ажуре, Тим. Я договорился с продюсером. И ты получишь аванс за работу над сном... — Он замолчал и уставился на Макклина. — Эй, что тут происходит? Ты что, работаешь?

— А почему бы и нет? Ведь для этого я и здесь, не так ли?

Броскоп схватил со стола карточки Данна.

— Земля... человек... Достаточно логично. Послушаем то, что ты тут навалял?

— Давай.

Броскоп переключил диктофон на воспроизведение, и выражение его лица мигом изменилось. Он покосился на Макклина.

— В чем дело? — спросил Макклин.

Броскоп остановил диктофон.

— О, все это бесполезно! Парень, ты же никогда не сможешь пропихнуть это через цензуру. Ты что, не понял, как мы здесь работаем? Ты вообще изучил психологию? Этого человека Данна? — И он ткнул толстым пальцем в карточку.

— Ну...

— Разумеется, нет! Сны должны быть адаптированы к человеку. Какое было времечко, когда я составлял баллады для Титании. Она же всегда была героиней. А Оберон всегда был героем, кроме того, эта парочка вечно ссорилась. Есть правила, которым нужно следовать. Цензура у нас очень строгая.

— Ну, — неуверенно сказал Макклин, — вероятно, я могу кое-что изменить...

— Это не поможет, — покачал головой Броскоп. — Тут вообще ничего не поможет. Твой сценарий не совмещается с психологией Данна. Тут написано, что он жаждет денег. Поэтому ты можешь написать сценарий, в котором он — Мидас. Это грезы об исполнении желаний... или сны о страхе — смотря как ты это подашь.

— А у цензоров есть черный список?

— Список того, что запрещено? Наверняка есть. Ладно, я достану его тебе. Но это ты должен уничтожить. Может, тебя вообще не

приставят к созданию снов для Данна. Может, ты лучше подойдешь для обработки других психотипов.

– Вот как? Н-ну-у...

– Я сообщу о тебе Старому Брюзге – скажу ему, что ты работаешь просто шикарно, – а потом вернусь и мы сможем пойти выпить уксуса. Это годится?

– Прекрасно. Но слушай, Броскоп.

– Что?

– Я должен получить назначение писать сны для Данна. Просто-таки обязан!

Лепрекон покусал губу.

– На это нужно немного времени. Давай-ка подумаем. Разве только ты встретишься с Черепом...

– С кем?

– С Черепом. Это один из совета директоров. Единственный, кто теперь активен в бизнесе. Это тот парень, который приводит в движение всю здешнюю фабрику грез, Тимоти. Ладно, попробуем выпецпить Черепа нынче вечером и посмотрим, что можно сделать. Если ты ему понравишься, то можешь делать все, что захочешь. Ну, мне пора. Жди меня здесь.

Макклин ждал, думая мрачные мысли, пока не вернулся маленький лепрекон.

– Я умаслил Старого Брюзгу, – сказал он. – Грубо польстил ему. Сказал, что ты сразу же уловил смысл его слов.

– Может, и так, – усмехнулся Макклин. – И что теперь?

– Теперь пойдем поедим. Затем поищем Черепа. Вероятно, он в одной из горячих точек. О, единственная забава, которая у нас тут есть, – мрачно добавил Броскоп, – это поход по ночным клубам. Однако, на это нужна капуста... – Внезапно его мордашка прояснилась. – Идем же. Я жрать хочу.

Макклин был не против. До сих пор он не видел в этом мире ничего, кроме трех кабинетов и коридоров. Но когда его привели в столовую, он тут же об этом пожалел.

Столовая напомнила ему продовольственный магазин студии, толчею и гул голосов. Но главное – кто ее переполнял. Это были вовсе не люди. А большинство из присутствующих Макклин вообще в жизни не видел даже на картинках в комиксах.

– Ничего, привыкнешь, – махнул ручкой Броскоп. – Скорее всего, нам еще придется потолкаться здесь вечером. Сюда. Вон к тому бутончику, что пялится на тебя, – закончил он.

Макклин повернул голову и остолбенел, увидев, на что глазел лепрекон. «Бутончиком» оказалась официантка с двумя головами. Он слотнул и отвел взгляд.

– Веди меня, Броскоп. Я... Как насчет того, чтобы выпить?

– Да, конечно. Превосходная мысль! Два коктейля «Адского Пламени», двойные быстрые и крепкие. Как ты относишься к угрям? – внезапно спросил лепрекон.

Маленькие глазки так и буравили его.

– Я... – осторожно промямлил Маклин. – Угри? Только не говори мне, что у них здесь работают угри!

– Я имею в виду, на ужин, – ответил Броскоп. – Тушеные угри. Всыма неплохие. Так как насчет них?

– Я бы хотел стейк, если у вас он найдется, – сказал Макклин подошедшей официантке.

– Из мамонятины, телятины или человечины? – неприятно скрипучим голосом уточнила официантка.

– Ик!.. Из телятины, – выдавил Макклин, чувствуя подкатившую к горлу тошноту.

Из апатии его вывело появление коктейлей «Адского Пламени». Ликер потек в его горло, как тайное обещание, которое тут же исполнилось в желудке. Мощная была штука. Она согревала. И Макклин тут же решил, что хочет еще.

Он пил на протяжении всего ужина, пока не почувствовал, что достиг того туманного великолепия, в котором мог без содрогания смотреть на других посетителей, в большинстве своем нелюдей. Внезапно Макклин захихикал.

Броскоп как раз нес в рот вкусный кусочек угря.

– Чего тебя распирает?

– Вампираша. Ты только взгляни на ее зубы.

– А, она, – протянул Броскоп. – Она актриса. Играет, главным образом, в кошмарах.

– Здесь много странных типчиков, – заметил Макклин, – но они просто милые по сравнению с теми кошмарами, что бывали у меня. Помню паука с глазами, точно суповые тарелки...

– Технические трюки, – пробормотал лепрекон. – Спецэффекты. Подобные монстры создаются в лаборатории и анимируются. Анимируются жизненной силой – *aqua vita**. Разумеется, все они синтетические. Наш технический персонал сплошь состоит из умников. Вчера я видел такой монтаж, что... – Он замолчал, потому что Макклин уже не слушал.

* *aqua vita* – живая вода (прим. перев.)

Вместо этого он уже неся куда-то, решительно распахивая толпу. Броскоп моментально догнал его.

— Эй, ты что это удумал? Куда направляешься?

— Туда, — махнул рукой Макклин. — Там Старый Брюзга. Набивает брюхо в той кабинке. Наверное, человечинкой себя потчует. Я хочу сказать ему пару слов.

— Ох-ты! — пораженно воскликнул лепрек. — Послушай меня, Тимоти, мне кажется, сейчас нам лучше убираться отсюда. Немедленно! Помнишь, мы должны найти Черепа? Он наверняка в баре. В большом, красивом баре, — Броскоп соблазнительно причмокнул. — Там, где много ликера...

— А я хочу повидаться со Старым Брюзгой, — возразил Макклин. — Собираюсь сказать ему такое, от чего у него выпадут рожки.

Он замолчал, на лице у него расплылась блаженная улыбка, затем он весело рассмеялся.

— Шутишь, наверное? Парень, да все в порядке. Ну, скажешь ты ему потом...

Хихикая, Макклин позволил Броскопу потащить себя к двери. Снаружи ночной воздух слегка охладил его пыл. Макклин осмотрелся.

— Что произошло в ресторане? Где...

— Нам нужно найти Черепа. Помнишь?

— Ты пьян, — заявил вдруг Макклин. — Где тут такси?

Такси в этом мире существовали, потому что машина остановилась сразу же, как Броскоп засвистел. Макклин едва видел сквозь облако коктейля «Адский огонь», шурился и думал за жизнь. Подумав, здешняя жизнь была не так уж плоха. Только одно его беспокоило. Парень по имени Данн. Джером Данн. Маленький грязный колдунишка. Чтоб ему дважды лопнуть...

— Чтоб у него рожки выпали, — захихикал Макклин. — Как милой...

Такси остановилось перед кафе, пылающим неоновыми огнями. Броскоп достал напарника из машины, завел в кафе и усадил за столик.

— Коктейль «Адское пламя»! — заорал вдруг Макклин, воспользовавшись тем, что оркестр взял паузу. — Шесть порций...

— Тс-с! — прошипел лепрек. — Ты уже выпил четыре рюмки. Неужели ничего не чувствуешь?

В этом коктейле было что-то явно специфическое. Макклин в свое время опробовал почти все ликеры, в смеси и по отдельности, но никогда еще не пил ничего, что так избавляло его от силы тяжести. Он чуть было не вспорхнул со стула, так что пришлось даже схватиться за край столика, чтобы остаться на месте.

– Если бы я закрыл глаза, – сказал он лепрекону, – то подумал бы, что всплываю...

– Это тебе не земной ликер, – отозвался Броскоп. – Не какая-нибудь там настойка соломы. Коктейль «Адское пламя», парень, в самом деле аннулирует силу тяжести, так же, как ликер «Стиро» изменит тебя физически.

– Это... как?

– Покажет твою худшую сторону, – пояснил Броскоп.

Макклин пробормотал что-то о Джекиле и Хайде и все же проглотил еще рюмашку «Пламени». На сей раз он действительно вспорхнул с места и потянул было за собой скатерть. Но тут официант, весь закутанный белым плюшем, ловко водрузил его обратно.

– Знаю-знаю, – пробормотал сценарист, вырываясь вырваться из его рук. – Ничего не говори. Ты вервольф.

– Нет, сэр. Я вербер*, – с достоинством ответил официант и удалился.

Пока Макклин подыскивал подходящий ответ, его внимание привлёк скелет, сидящий в кабинке у дальней стены. Макклин уже настолько набрался, что скелет показался ему забавным. И он показал на него Броскопу.

– Как ты думаешь, он может простудиться? – принялся он вдруг теоретизировать. – А может, это она. Может, стриптизерша. Во всяком случае, не хотел бы я быть его массажисткой.

– Ого! – воскликнул лепреконт. – Да нам повезло!

– Повезло? – удивленно глянул на него Макклин. – А мы что, хотим его ограбить?

– Это и есть Череп, – объяснил Броскоп. – Помнишь, что я тебе говорил? Он здесь крупный босс. Большая шишка. Пойдем, я тебя представлю ему.

Он тащил за собой Макклина, что было совсем не трудно, так как сценарист, под влиянием выпитых коктейлей «Адское пламя», почти совсем потерял вес.

– У него берцовая кость расколота, – заметил Макклин. – Как здороваются со скелетом? Можно ли спросить у него, как он себя чувствует? Это же просто глупо. Если бы я был скелетом, то наверняка чувствовал бы себя препаршиво.

– Тс-с!.. Сэр, это Тимоти Макклин. Он новичок. Хочет выразить вам свои комплименты.

* Вервольф – волк-оборотень, вербер – медведь-оборотень (прим. перев.)

Скелет дружелюбно осклабился. Макклин с облегчением понял, что ему не предлагают обменяться рукопожатием.

— Тимоти Макклин? — спросил скелет глубоким, скрипучим голосом. — Ну, и как вы, Тимоти Макклин?

— О, все в порядке, — ответил Макклин, думая о том, насколько он пьян. — Со мной наверняка все в порядке. Если бы не так, то я бы не мог стоять здесь и вести светскую беседу со сбежавшим из могилы.

— Он слегка подвыпил, сэр, — поспешно перебил его Броскоп. — Коктейль «Адское Пламя», знаете ли, такое вытворяет...

— Разумеется, пьян, он ведь парит... — сказал скелет, уставившись на Макклина пустыми глазницами.

— Может быть, я пьян, но пока что не мертв, — заявил Макклин.

Он стоит здесь, собрав все свое мужество и любезность, чтобы разговаривать со скелетом, а в ответ получает лишь оскорбления. Макклин почувствовал, как во рту у него адски пересохло. Ему захотелось еще коктейля.

И именно в этот момент появился Старый Брюзга, добавив лишний штришок дисгармонии к этой сцене. К этому времени Макклин растерял весь свой здравый смысл и забыл все предупреждения. Он помнил лишь оскорбления.

Старый Брюзга, игнорируя всех, кроме Черепа, уселся рядом со скелетом и небрежно махнул рукой Макклину и Броскопу.

— Брысь отсюда, мальчики, — прогрохотал он. — Нам тут надо обсудить кое-какие дела.

Лепрекон отчаянно тянул Макклина прочь, но тот даже не обращал на него внимания. Оглядевшись, он увидел на соседнем столе тарелку с солеными крендельками и схватил ее, затем, заняв позицию поодаль, принялся бросать крендельки в Старого Брюзгу, пытаясь нацепить их на рожки.

— Тимоти, парень! Во имя Титании, умоляю тебя, уйдем отсюда! — скулил возле него лепрекон.

— Лучше возьми крендельки, — весело ответил Макклин. — Выиграй приз! Опс!.. Бинго!

Старый Брюзга осторожно снял соленный кренделек со своего правого рожка и с закипающей ненавистью окинул Макклина взглядом.

— А я тебя знаю, — прорычал он.

— Знаешь — значит, любишь, — с дурацким смехом отозвался сценарист и метнул очередной кренделек. — А зачем еще тебе нужно было выращивать рожки? — И он снова заржал. — Рожки. И кто только тебя ими наградил?.. Опс! Получил? И вообще, это частная вечеринка, крокодилчик ты наш, и тебя на нее, вроде, не приглашали.

Старый Брюзга, казалось, готов был вот-вот взорваться. Череп кивнул лепрекону.

— Лучше уведи отсюда своего дружка. Он ведь сценарист, не так ли? Ну, так ты должен знать, что режиссер по должности стоит выше сценаристов.

— Я едал мясо бычков и пожирнее тебя, — оскорбительным тоном сказал Макклин, переключив свое внимание на скелет. — Не мешай мне, иначе я отправлю тебя обратно на прокорм червям.

Он вырвался из рук Броскопа и внезапно взмыл к потолку, где и завис, болтая ногами. Затем устался сверху на перевернутую физиономию Старого Брюзги, маленькую зеленую мордашку лепрекона и череп.

— Вот он я, — заявил он. — Поднимайтесь сюда. Если хотите со мной разобраться. Вы не можете обращаться со мной, как со своими контрактниками. Я не принадлежу вам. Меня направили сюда по ошибке. И если вы немедленно не отправите меня обратно на Землю, то я сделаю вам здесь такой ад, что всем чертям станет...

— Где вышибала? — проревел Старый Брюзга.

Что-то ринулось через зал... *Дракула*, с внезапной паникой подумал Макклин. Он почувствовал, как его схватили твердые когти, и отчаянно забился, пытаясь освободиться.

— Выведите его, — негромко сказал Череп.

Макклина потащили по воздуху. Мельком он увидел испуганную мордашку Броскопа — а затем свет погас. Призраки шестнадцати порций «Адского Пламени» утопили все его мысли и чувства в бездонной тьме.

Макклин почувствовал себя бодрым и освеженным, хотя очнулся в Аду. Его нервы больше не были натянуты, как струны. И он больше не сомневался в своем душевном здоровье. Ликер навел порядок в его мозгах, и он уже мог спокойно принять существование магии и потустороннего мира, не возвращаясь к мыслям о неврозах и психозах.

Правда, во всем этом было два недостатка. Одним являлось жуткое похмелье. А вторым все же окружающая среда. Он чувствовал неприятную жару, и когда открыл глаза, то увидел ее причину. Он находился в Аду.

Высоко над его головой небо текло потоками огня, уносящегося вдаль с раскатами грома. От резкого аромата серы он тут же стал задыхаться.

Макклин сел, почувствовал головокружение и огляделся. Он был на... сковородке. Черный металл, на котором он сидел, был ужаса-

юще горячим. Вероятно, это все же был какой-то вулканический островок...

Но тут резко, без всякого предупреждения, изменилась перспектива. Он оказался на гигантской башне, а земля была отвратительно далеко внизу. Он осторожно подошел к краю, остановившись все же на безопасном расстоянии. Внизу лежал черный город. И этот город окружало пламя, а от звуков, слабо доносившихся снизу, Макклин задрожал. Да, это был Ад.

Жара становилась все сильнее. Языки пламени лизали его, поджаривая и ослепляя. Макклин инстинктивно свернулся в комок. Он...

Уууупс!

Ад исчез. Он лежал, совершенно одетый, на весьма жесткой кровати, а над ним, как игрушка с рождественской елки, висело маленькое зеленое личико лепрекона.

— Думаю, настало тебе время вернуться, — вздохнул Броскоп. — Они дали тебе только двадцать четыре часа в Аду. Ох, парень, ну, почему ты не послушался меня?

Макклин сел. Он находился в огромном общежитии, пустом, но с рядами кроватей.

Броскоп сидел на перилах и с беспокойством глядел на него.

— Ну, как ты, в порядке?

— Я... Да. Кажется, да. А что произошло?

— Поднимайся, тебе нужно поесть. И выпить кофе. А то скоро нужно будет начать работать.

— Работать?

Макклин застонал при этой мысли, но покорно поднялся и последовал за Броскопом в туалет. Там он поспешно привел себя в порядок, и вскоре уже сидел в столовой, глотая черный кофе и дрожащими пальцами поднося ко рту сигарету.

— Это было так, — говорил Броскоп. — После того, как ты оскорбил Черепа и Старого Брюзгу... Ты ведь помнишь это, верно? Ну, так вот, в качестве наказания тебе дали сутки в Аду. Неповиновение здесь тяжкое преступление. Ну, и как тебе там понравилось?

Макклин проворчал, что там было не так уж и плохо.

— Вот как? А, понятно. Тебе повезло. Ты продрых большую часть своей отсидки.

— А где я был?

— На самой высокой башне города Дис. Нас всегда туда отправляют. Если бы мы оказались поближе к земле, то превратились бы в пепел. Но с этого времени тебе лучше вести себя поосторожнее, парень. Старый Ворчун ненавидит тебя, да и у Черепа нет причин тебя любить. Ну, почему ты все это натворил? Ведь ты же хотел попросить у Черепа поблажку и...

— Правильно, — сказал Макклин, кусая губу. — Хотел. Я хотел поработать над снами Данна.

— Выпей еще кофе, — сказал Броскоп. — Ладно, теперь ты не можешь пойти выпрашивать для себя привилегий. Вместо этого тебе придется писать сны для собственной психогруппы и... и... Выпей кофе.

Кофе прочистил голову Макклина. Впервые за последние месяцы он почувствовал себя спокойным и мыслящим здраво. А утром всегда хорошо строить планы на будущее.

— Броскоп, — задумчиво сказал он, — Я несколько лет проработал в Голливуде. И я весьма талантливый парень. Так что не плачь обо мне. Я писал сценарии сериалов, а уж после этого мне тут ничего

не страшно. А теперь — к делу. — Он встал. — Идем. Я хочу поскорее начать работать.

Лепрекон и человек вышли на яркий солнечный свет. При виде солнца у Макклина зародилось вполне обоснованное подозрение, что его роль здесь играет нечто вроде дуговой лампы, висящей под потолком. Мир грезопроизводителей был странным во всех отношениях.

По пути они миновали площадку, на которой уже работали актеры. Обстановка напомнила Макклину «Калигари», выполненного в искаженной манере кубизма. Из всех окон макета здания выглядывали чьи-то глаза. Неустанно жужжала камера. Все это напоминало Макклину Голливуд.

Затем нечто жуткое выскочило из двери и быстро помчалось по улице. *Нет, это не Голливуд*, подумал Макклин. *Это место, где создаются кошмары.*

Наконец, Броскоп привел его в кабинет и исчез. Макклин быстро подошел к столу, но досье на Джерома Данна там не было — очевидно, вернулось на место в архиве. Криво усмехнувшись, он снова поднял трубку.

— Алло? Мне, пожалуйста, снова досье Джерома Данна. Да. И заодно Тимоти Макклина... Голливуд, Земля... Правильно. А также пришлите пустые карточки. Мне нужно кое-чего добавить. Конечно, я работаю над заданием.

Он набрал полную грудь воздуха и испустил долгий вздох облегчения. Потом принялся искать, на чем тут печатают. Пишущая машинка была спрятана в столе, но выскочила, когда он нажал нужную кнопку.

Прибыли карточки досье. Наморщив лоб, Макклин принялся изучать собственное дело.

— О, Боже... — бормотал он при этом. — И это я? Ну, ладно...

Он вставил в машинку чистую карточку и принялся за работу. Большую часть информации он скопировал дословно, но полностью исключил психологические характеристики и вместо них вставил определенные элементы из карточек Данна.

Наконец, все было закончено. Макклин захихикал. Согласно записям — мягко говоря, слегка измененным записям! — Джером Данн и Тимоти Макклин являлись родственными душами с почти идентичными образцами психологии. Поэтому было логично, чтобы именно Макклина назначили писать сценарии для снов Данна.

С помощью волшебного стола он отправил карточки обратно и пожал плечами. Больше делать было нечего, только ждать. Он закурил — у него еще оставалось несколько сигарет — и пошел в каби-

нет Броскопа. Маленький лепрекон расхаживал по полу, впившись взглядом с диктофон и сердито протирая глаза.

— Какие-то проблемы?

— Я должен был подогнать старый сон — но он не подходит. Разумеется, мы используем старые сны, — кивнул Броскоп и взгрозился на край стола. — Только пойми правильно. Мы создаем сны для каждого разумного существа во Вселенной — и таких там много, дьявольски много! Даже работая по две смены, мы не можем делать новый сон для каждого существа на каждую ночь... или хотя бы раз в неделю.

— Я тоже думал об этом, — признался Макклин.

— Помогает время. Время имеет очень мало отношения к снам. Один за ночь может прожить во сне десять лет, а другой десять секунд. Вот как обстоят дела, Тимоти. Вчера днем я написал сон для Агара Зохла с Ригеля. Вчера вечером он был готов. Сегодня ночью этот сон транслируется... ну, может, тысяче человек того же психотипа, как Зохла. Разумеется, не на Ригеле. На Бетельгейзе, Авалоне, Венере — да где угодно во Вселенной. И завтра ночью то же самое. В конечном итоге, никто не остается без снов. Но в большинстве случаев эти сны *почти* идентичны. Нужно просто делать мелкие изменения сна, чтобы подгонять их к клиентам. Для таких случаев мы берем сны из запасников. Постепенно, исходный сон сокращается и изменяется вплоть до неузнаваемости. Но в каждом случае он соответствует человеку. Понятно?

— Туманно, — сказал Макклин. — Может, я помогу тебе с этим заданием? В конце концов, должен же я принаравливаться к делу.

Какое-то время они работали вдвоем. Это было не трудно. Макклин завоевывал популярность, а Броскоп был благодарен ему за помощь.

— Я вот о чем думаю, — начал Макклин через какое-то время. — А как насчет реакции аудитории? Разве вы не отслеживаете ее?

— Разумеется, отслеживаем. Иногда вставляем в сон тестовые сцены. Замаскированные вопросы, когда не совсем уверены в психологии спящего. Естественно, люди меняются... Возьмем вот данный случай. Там есть вопрос с его любимым неврозом — клаустрофобией. Он заключен в тюрьме в неосвещенной темнице на Меркурии, и это либо убьет его, либо вылечит. Сейчас я запущу тест, чтобы узнать, в какую сторону он изменился. — Броскоп вернулся к диктофону. — Эпизод семь, сцена инквизиции. Ассоциативный тест на слова. Тщательно соблюдайте промежутки времени. После предварительного просмотра передайте результаты сцена-

ристу для реклассификации. Тест: Солнце, звезды, луна, стена, ка-
мера, затмение, давление...

В кабинета Макклина прозвенел звонок. Броскоп перестал гово-
рить в диктофон.

— Тебе назначили какую-то работу. Если нужна помощь, зови
меня.

— Спасибо, — сказал Макклин и вышел.

На его столе лежала карточка, на которой было написано:

«Макклин — классификация 7Б Тимоти Джей-Джей 90. Любые
люди в этом номере подходят в качестве материала. Предупрежде-
ние: не пишите сны ни для какой другой группы. Если сомневае-
тесь, запросите дополнительную информацию в Информационном
отделе».

Макклин тут же взял трубку. В Информационном отделе
ответили:

— Я отберу досье этой группы. Там много кандидатур. Вы хотите
получить их в алфавитном порядке или географическом?

— Мне нужно в алфавитном порядке, на букву Д, пожалуйста.

— Да, сэр, У вас есть копия кода цензуры? Нет? Я отправлю и ее.

Стол снова открылся, из него вылезла толстая кипа карточек,
маркированная «Дааааа-Дааааб». Был также машинописный лист.
Макклин схватил его, а карточки отправил обратно.

— Мне нужен индекс «Да».

— Там четырнадцать клиентов, сэр. Кого именно...

— Данн, — отчаянно сказал Макклин. — Джером Данн.

И, наконец, он получил то, что хотел. Стопка карточек имела мар-
кировку «7-Б-132-Джей-Джей 90 Дам-Дано». Макклин просмотрел
карточки и с облегчением вздохнул, найдя озаглавленную «Джером
Данн, родился 7 апреля 1896 года». Итак, Данн оказался в его юрис-
дикции благодаря подделке записи в досье самого Макклина!

Теперь оставалось лишь написать закодированное послание
во сне Данна. И при этом нужно было предотвратить проблемы с
цензурой.

Макклин просмотрел код цензуры. Там были бесконечные, са-
мые фантастические ограничения. Никакой поцелуй не мог длиться
дольше двух секунд. Поцелуи запрещены в Японии. Никакие сны,
включающие в себя даже самую легкую вибрацию, не могли быть
использованы в местечке под названием Спод-дерблэ в Угольном
Мешке. Сны должны быть строго подходящими для психологии
конкретного человека... Макклин взял карточку Данна и внима-
тельно ее изучил. Можно ли было отыскать лазейку? Так ли уж оче-
видны тестовые сцены сна? И какие из них могли бы послужить его

цели? Ну-ка, посмотрим... С тех пор, как Макклин последний раз читал карточку Данна, на ней появилась новая запись. «Недавно Данн отказался от предложения в пятьдесят тысяч долларов за появление в серии картинок, представляющих собой движущиеся объекты».

Вот так? Но ведь главная черта Данна – это жадность. Что-то тут не совпадало. Необходимо было все разузнать. Неужели психообразец Данна был изменен?

Он схватил микрофон диктофона.

– Последовательность на Джерома Данна. Тестовая сцена. Передать сценаристу после... э-э... предварительного просмотра...

Макклин замолчал, внезапно пораженный безумием ситуации, в которой очутился. Запись снов для чародея. Он стиснул зубы и задумчиво продолжал:

– Сцена инквизиции... Нет. Измените ее. – Это бы не совпало с психофоном Данна. – Переделайте на Черную Мессу. Сатана, допрашивающий Данна.

И Макклин легко продолжал, войдя в ритм работы. Одно лишь беспокоило его: как же передать сообщение? Как ввести упоминание себя самого, не сталкиваясь с цензурой?

Разумеется, символикой!

Какой же тут символ... э-э... Отсроченная платежка на пять тысяч долларов. Это почти наверняка заставит Данна вспомнить о Макклине. Да! Вот и прекрасно...

Наконец, все было сделано. Не только тестовая сцена, но и весь сон. Это была прекрасная вещь, основанная на душевном состоянии Данна, включая землетрясение, которое разрушит все банки Нью-Йорка так, что тонны золота и банкнот реками польются по улицам, где сам Данн – единственный не потерявший сознание в это время человек, – носится по улицам с тачкой и перевозит сокровища на свой склад. Затем Макклин легким росчерком превратил деньги в гальку и просроченные векселя. Это был не просто сон – настоящий ужастик!

Закончив, он спросил мнение Броскопа. Лепреконе прослушал воспроизведение, временами хихикая.

– Ты уловил суть дела. Это прекрасно, Тимоти!

– А цензоры не будут...

– Да ничего они не будут. Может, сделают несколько мелких исправлений. Лучше убери тот золотой зуб. Зубы всегда опасны. А так все просто здорово! Теперь посылай материал режиссеру, и дело в шляпе.

Зазвонил телефон. Макклин снял трубку.

– Алло?

– Посылаю еще одну карточку на Джерома Данна – она была затеряна. Вы же запрашивали его нынче утром – верно?

– Правильно.

Открылся стол, появилась карточка, покрытая машинописными строчками. Макклин быстро просмотрел ее.

«Добавки к досье Джерома Данна, – гласило на ней. – Подзаголовок: Небрежное колдовство. Данн случайно подмешал мышьяк к приворотному зелью для человека по имени...» Дальше шло еще много подобных случаев, но несколько элементов представляло особый интерес.

«Очень неаккуратная транспространственная пересылка. Данн потерял шестерых из-за небрежно подготовленных документов (он использует метод пергамента). Некий Майкл Макбрьян купил билет на посещения Небес, а приземлился по ошибке в египетском Аду. Данн узнал о своей ошибке, но отказался спасти Маркбрьяна, опасаясь последствий, поскольку Маркбрьян мог вчинить ему иск. Было еще пять подобных случаев. Один приземлился в рундуке Дэйви Джонса...»

– В чем дело? – спросил Броскоп.

Макклин откашлялся.

– Да ерунда. Просто очередная оплеуха по морде. От крысы. Допускать ошибки уже достаточно плохо, но позже парень должен был бы хотя бы попытаться исправить их. Не так ли?

– Да?

– А, не бери в голову. Что-то я не очень себя чувствую, приятель. Как насчет парочки коктейлей «Адское Пламя»?

– Ну, – с сомнением протянул лепрекон, – звучит-то неплохо. Но ты помнишь, что было в прошлый раз?

– Больше такого не повторится, – торжественно поклялся Макклин и оказался прав.

Такого не повторилось. Не было вообще никаких проблем. Сидя в баре, Макклин надирался «Адским Пламенем», пока не взмыл к потолку, где и потерял сознание. Какое-то время спустя он проснулся на своей койке в общежитии. Голова, как и прежде, трещала от похмелья, но завтрак и черный кофе ее немного поправили.

Макклин торопился добраться до своего кабинета. На столе лежала записка с благодарностью от самого Старого Брюзги вместе с подписанным сценарием. Броскоп восхищенно рассмеялся.

– Ты смотри! Тут написано «Хорошая работа». И подписано С. Б. Все же ты станешь режиссером, Тимоти, не будь я лепреконом!

– Конечно, – ответил Макклин, рассеянно зажигая сигарету.

Он просмотрел второй листок. Этот был ответ о тестовой сцене, которую он вставил в сон Данна.

Он послал запрос на досье волшебника и стал раздумывать над отчетом. Броскоп на цыпочках ушел в собственный кабинет. Постепенно глаза Макклина сощурились, он выпустил дым через ноздри и шепотом выругался. Отчет его не воодушевил.

Он был составлен в форме рабочего диалога между Сатаной и Данном. Данн, разумеется, отвечал сам, но вопросы написал Макклин...

Ку (Сатана): Ты обещал служить мне?

А (Данн): Верно.

Ку: Ты продал мне душу взамен волшебных способностей?

А: Конечно. Так я смог зарабатывать деньги. Я люблю деньги. Это просто замечательно!

Ку: И ты не передумал?

А: А кто это сказал?

Ку: Тебе предложили большую сумму за участие в съемках движущихся картинок, но ты отказался. Почему?

А: Ну, вы-то должны были знать. Если бы тот фильм когда-нибудь показали в Сент-Луисе или Чикаго, меня бы арестовала полиция. Мое волшебство... э-э... не очень хорошо тогда работало.

Ку: Ты ценишь деньги больше, чем верность или честность?

А: На глупые вопросы не отвечаю.

Ку: Если бы тебе не удалось поставить клиенту товар, ты вернул бы ему деньги?

А: Ну... если бы пришло постановление суда, то, полагаю...

Ку: А если у одного из твоих клиентов возникли проблемы?

А: Я знаю, о чем вы. Яд в приворотном зелье. Это просто несчастный случай. С любым может случиться. А те парни, которые попали в неправильные измерения... Ну, ошибся я с пергаментом, и что? Если бы я вернул этих парней на Землю, они могли бы предъявить мне иск. Или потребовать деньги назад. Но это мои деньги, и их у меня никто не отнимет!

Ку: А как насчет отсроченной платежки на пять тысяч долларов?

А: М-м... помню-помню... Наверное, он получил неправильный пергамент. Но я понятия не имею, где он теперь. У меня нет времени искать его по всем измерениям. Кроме того, я еще целых три дня не смогу обналичить чек. Если Макклин вернется, то может испортить мне репутацию. Люди перестанут платить мне деньги. А этого нельзя допустить.

Диалог продолжался, но дальше в нем не было ничего интересного. Макклин со вздохом расслабился. Он был прав. Джером Данн

оказался просто грязной крысой и мошенником. Волшебник прекрасно знал, что наделал, но и пальцем не шевельнул, чтобы исправить свою ошибку.

Значит, подумал Макклин с посуровевшим взглядом, нужно принимать более строгие меры. Данн заслужил хорошего удара по зубам. Единственная проблема в том, как бы добраться до него.

Первое, Макклин хочет вернуться на Землю.

Второе, он утратил обратный билет.

Вывод, он должен получить другой билет.

Но как?

Внезапно Макклин запел шепотом. По его лицу медленно расплзлась улыбка.

«У нас первоклассный набор магии:

Она поднимет даже мертвых,

Хоть с комическим, хоть с трагическим оттенком,

И стоит совсем дешево»

(Отрывок из коммерческой рекламы)

Макклин подскочил и бросился в офис Броскопа. Лепреконе ругался в диктофон.

— Броскоп!

— Ч-черт!.. А, это ты! Нельзя так наскакивать на лепреконе. Что случилось?

— Послушай, ты говорил, что неповиновение здесь наказывается единственным способом?

— Ну, да. Ссылкой в Ад. А почему ты спрашиваешь?

— И куда попадают в Аду? На ту башню?

— Да, на самую высокую башню Диса. Всегда.

— А предположим, я врежу Старому Брюзге по носу. Меня все равно отправят туда?

— Все равно отправят, — хихикая, подтвердил Броскоп.

— И ни в какое другое место?

— Башня — единственное место. А почему ты спрашиваешь? Эй! Уж не собираешься ли ты...

— Ну, да, ну, да, — неопределенно пробормотал Макклин и вернулся в свой кабинет. Там он схватил телефонную трубку.

— Информацию о душах, проданных Сатане? Да, сэр. Я отправлю вам все сведения сразу.

Это оказался толстенный том, щедро проиллюстрированный картинками неприятного содержания. Потребовалось время, пока Макклин не нашел информацию, какую хотел.

«Когда Сатана покупает душу, он держит ее в защищенном месте. Он хранит ее в Кратере Аммиака в замороженном состоянии до тех пор, пока не наступает смерть первоначального владельца. Когда это происходит, в душу входит жизненная сила, и душа отправляется на муки».

И дальше:

«Такие души — полные копии тела, за исключением того, что они матово-белые, как эктоплазма. Кратер Аммиака всегда хорошо охраняют, поскольку были известны случаи, когда люди пытались вернуть свои души. Но ни одна такая попытка еще не увенчалась успехом. Сатана против того, чтобы его обманывали. Разумеется, если человек сумел бы извлечь свою душу из Кратера Аммиака, то мог бы в назначенное время попасть на Небеса. Но...»

Макклин жестко усмехнулся, повернулся к диктофону, вставил в него новый рулончик и начал диктовать.

— Сон для Джерома Данна. Начинается в Аду. На вершине самой высокой башни Диса. Или еще лучше. Прямо с Кратера Аммиака. — Он диктовал быстро, торопясь закончить. — Поспешите. Я хочу увидеть запись до того, как она выйдет в свет.

Через два часа Макклин сидел в проекционной рядом с Броскопом. Маленький лепрекон был взволнован.

— Ну, у тебя же есть кредит на сны! Шикарно! Да еще утвержденный коллегией цензоров! Тимоти, парень, да ты сделаешь в этом мире такую карьеру!..

Макклин не отвечал. Он внимательно смотрел, как на экране разворачиваются события.

Запись начиналась с монтажа умников из приемной технического материала. Затем постепенно проявился Кратер Аммиак, где хранились ряды замороженных душ. Камера проплыла вниз, на душу в самом конце последнего ряда. Душа была молочно-белая, но являлась точным двойником Джерома Данна.

Край Кратера внезапно лизнул язык пламени. Он коснулся замороженной души, окунув ее в огонь. Душа зашевелилась, явно оттаивая. И затем резко подскочила и метнулась высоко в воздух. Она полетела над Адом, двигаясь к черному городу Дис.

Остановилась на верхушке самой высокой башни. И там лежала неподвижная, чуть задыхающаяся.

Сцена изменилась, став более стандартной, превратившись в обычный кошмар. Но параллельно сквозь сон лейтмотивом проходили кадры с душой Данна, лежащей на башне Диса.

— Вот и приманка, — тихонько сказал Макклин. — Броскоп, когда выйдет этот сон?

Лепрекон сделал запрос.

— Если стоит отметка *срочно*, — ответил голос из проекционной, — то отправляется на Землю сейчас же. Сегодня ночью состоится *премьера*.

— О'кей, — сказал Макклин, повернулся и схватил Броскопа за руку. — Удача! В любом случае — что-нибудь да будет. Шикарный ты парень, Броскоп, спасибо тебе за все.

— Но... Но, Тимоти, мужик, я же...

Однако Макклин уже ушел. Он направился прямо в кабинет Старого Брюзги. Рогатое существо сидело за своим столом и курило громадную сигару.

Когда Макклин вошел без стука, оно вскинуло взгляд.

— Опять ты! Я занят! Убирайся! Научись пользоваться телефоном!

Ответ Макклина был громким, но невнятным.

Старый Брюзга тут же взревел, как бык, вскочил, обогнул стол и встал перед Макклином. Именно этого тот и ждал.

— Слушай, ты, ползучий морской огурец! — надрывался Брюзга.

— Клянусь Баалом и Вельзевулом, я не потерплю неповиновения в моем отде...

— Почему бы вам не отправить меня в Ад? — спокойно поинтересовался Макклин.

— *Ик!.. Ик!..* Так оно и будет! Ты получишь месяц!.. Нет, два месяца! Ты...

— И это все, на что вы способны? Да? Вот и прекрасно!

Макклин счастливо улыбнулся, сжал кулак и ударил прямо в неприятную физию Старого Брюзги. Он почувствовал восхитительную боль в костяшках пальцев, а его барабанные перепонки чуть было не порвал отчаянный вопль Старого Брюзги. Макклин отступил на шаг и замер, готовый к ответной атаке.

Но ничего такого не последовало. Старый Брюзга попятился к столу, зажимая расквашенный нос, и принялся неистово нажимать кнопки, вызывая всех подряд. При этом он завывал в микрофон:

— Немедленно охрану ко мне! Быстро! В моем кабинете маньяк! Маньяк-убийца! Быстрее!..

За спиной Макклина возникло движение, он почувствовал, как его схватили чьи-то сильные руки. Старый Брюзга опустился в кресло. Он задышался. Из его глазок капал купорос.

— Пять лет в Аду! — прохрипел он. — Пять долгих лет. Уберите его! Вон его из моего кабинета! — его голос поднялся до визга. — Уберите его, пока он тут все не переломает!

Макклина потащили к двери. Но он еще успел беспечно махнуть рукой Старому Брюзге.

– Слава тебе, приятель! Да Ад для меня будет просто курортом после твоей скотобойни! Поищите, – посоветовал он державшим его, – и вы найдете это слово в словаре, если, конечно, умеете читать.

Дверь кабинета захлопнулась.

– Пять лет в Аду – это долгий срок, приятель, – сказал кто-то. – Мне уже тебя жаль.

Макклин зевнул.

Даже пятнадцать часов в Аду были неприятны. На башне Диса становилось все жарче. Пол жег ступни Макклина даже через подошвы туфель. От резкого, раскаленного воздуха все время хотелось пить. Макклин расхаживал взад-вперед, хмурясь и думая над тем, неужели его план пойдет не так, как был задуман.

Время тянулось так же медленно, как полз вверх столбик термометра. По небу мчались потоки пламени. Снизу доносился слабый шум. Пять лет в Аду!.. Макклин уже начал волноваться.

Если его план не работает...

Нет, он не может не работать. Психология не ошибается. Логика всегда логика. $X \text{ плюс } X \text{ равен } 2X$. С другой стороны, X времени X равняется X^2 . Возможно, он складывал там, где нужно было умножать...

Но приманка, которую он использовал, безошибочно должна была сработать. Данн увидит во сне, что его душа – находящаяся в закладе у Сатаны – сбежала из Кратера Аммиак и прячется на этой башне. Он не может учуять подвох. Разумеется, он захочет вернуть себе душу и обмануть Сатану.

С другой стороны, Данн мог и посчитать, что его сон – всего лишь создание воспаленного разума, мираж. Галлюцинация. Мог посчитать и так. Но все же, даже если у Данна и появилась бы такая мысль, он все равно бы понял, что *существует* шанс на то, что этот сон основан на фактах. Ему ничего не стоило бы проверить. Данн не мог почуять никакой опасности. Да и с чего бы? Он увидит приманку, поколеблется... а затем бросится проверять.

Возможно...

Шагах в двадцати вдруг возник столб черного дыма. Макклин увидел его краешком глаза. У него перехватило дыхание, он повернулся и бросился к чернильному облаку, внутри которого виднелось смутное очертание человека. Дым немного поредел и...

Данн!

Маг стоял неподвижно, держа в правой руке обугленный пергамент. А левая сжимала новенький, еще не тронутый свиток. Глазки-бусинки колдуна горели от жадности. Но прежде, чем они

успели проморгаться, Макклин начал действовать. Он накинулся на пораженного мага, точно стервятник, и выхватил пергамент у него из руки.

— Эй! Что это еще... — начал было Данн.

Но зажигалка Макклина была уже наготове.

— Я люблю, когда наказание соответствует преступлению, приятель, — рывкнул он и коснулся пламенем свитка пергамента.

Данн завопил, рванулся вперед, но было уже поздно. Пергамент буквально взорвался сальным черным дымом.

Крик мага растаял где-то в неизмеримой дали. Макклин открыл глаза, которые жгло от дыма. Он был в комнате Данна, точно на том же месте, где всего лишь несколько дней назад сжег первый пергаментный свиток.

Но комната выглядела несколько иначе. Она была пуста. В окно врывались косые лучи утреннего солнца. Издалека доносился шум машин на Голливудском бульваре.

Макклин убрал зажигалку в карман.

— Данн! — тихонько позвал он.

Ответа не было.

— Данн!

Молчок — и тишина.

Макклин задрожал и поспешил убраться из этого дома...

Исчезновение Джерома Данна, консультанта-чародея, вызвало небольшую шумиху в голливудских кругах, которая продержалась несколько недель, но после об этом все забыли. Все шло своим чередом. Бетси Гарднер, кинообозревательница, произвела очередной небольшой фурор в своей газетенке, а Тимоти Макклин вернулся к работе, чувствуя себя обновленным после отпуска.

— Просто какое-то время помотался по Мексике, — небрежно объяснил он свое отсутствие. — О, теперь я чувствую себя просто прекрасно. Наверное, я тогда просто немного устал.

Карьера его после этого случая пошла в гору. В итоге, он женился на Бетси Гарднер. Но ровно через пять лет после возвращения Макклина из Ада, он проснулся посреди ночи, вопя во все горло.

Вспокоившаяся Бетси включила свет.

— В чем дело, Тим?

Макклин сидел на кровати, дико озираясь.

— Что? А, ничего страшного, милая. Просто дурной сон.

— Должно быть, это был настоящий кошмар! — сочувственно сказала Бетси.

— Да... А какое сейчас число?

Бетси сказала ему. Лицо Макклина стало задумчивым.

— Ровно пять лет, день в день. Значит, до сих пор он торчал в Аду... а сейчас вернулся на мое место.

— О ком ты говоришь?

— Ни о ком... на Земле, — загадочно ответил Макклин. — Я просто получил... э-э... ну, весточку от старого друга. Спи, Бетси.

— Ты уверен, что все в порядке?

— Ну, да. Все хорошо. Только я думаю, что в снах нет ничего опасного. Я имею в виду... ну-у... палки и камни могут переломать мне кости, но ведь сны никогда не причинят мне настоящий вред.

Бетси озадаченно откинулась на подушки и закрыла глаза. Она уже погружалась в дремоту, когда внезапно пробудилась, потому что ее муж, вместо того, чтобы спать, тихонько напевал себе под нос:

Если хотите, чтобы ваш враг протянул ноги,
Если хотите богатого дядю убрать с дороги,
Не стоит вам пушку брать в магазине.
Скорей вызывайте нашего Джинна...

Design for dreaming, (Unknown, 1942 № 2), пер. Андрей Бурцев

СОДЕРЖАНИЕ

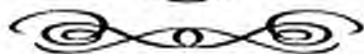
ПОВЕЛИТЕЛЬ БУРИ	5
Lord of the storm, (Startling Stories, 1947 № 9), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим.	
ВЛАСТЬ И СЛАВА	119
The power and the glory, (Thrilling Wonder Stories, 1947 № 12), пер. Андрей Бурцев	
СЦЕНАРИЙ ДЛЯ СНА	175
Design for dreaming, (Unknown, 1942 № 2), пер. Андрей Бурцев	

Читайте в
следующем томе:

Джон Кейт Лаумер
«ЧУМА ДЕМОНОВ»

Дорогие друзья. Следующим будет второй том из двухтомника Кейта Лаумера. В него войдут роман «Чума демонов» и повесть «Грейлорн». Приятного вам ожидания!

БААКФ

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГЕВРИ КАТТЕР

Власть и слава